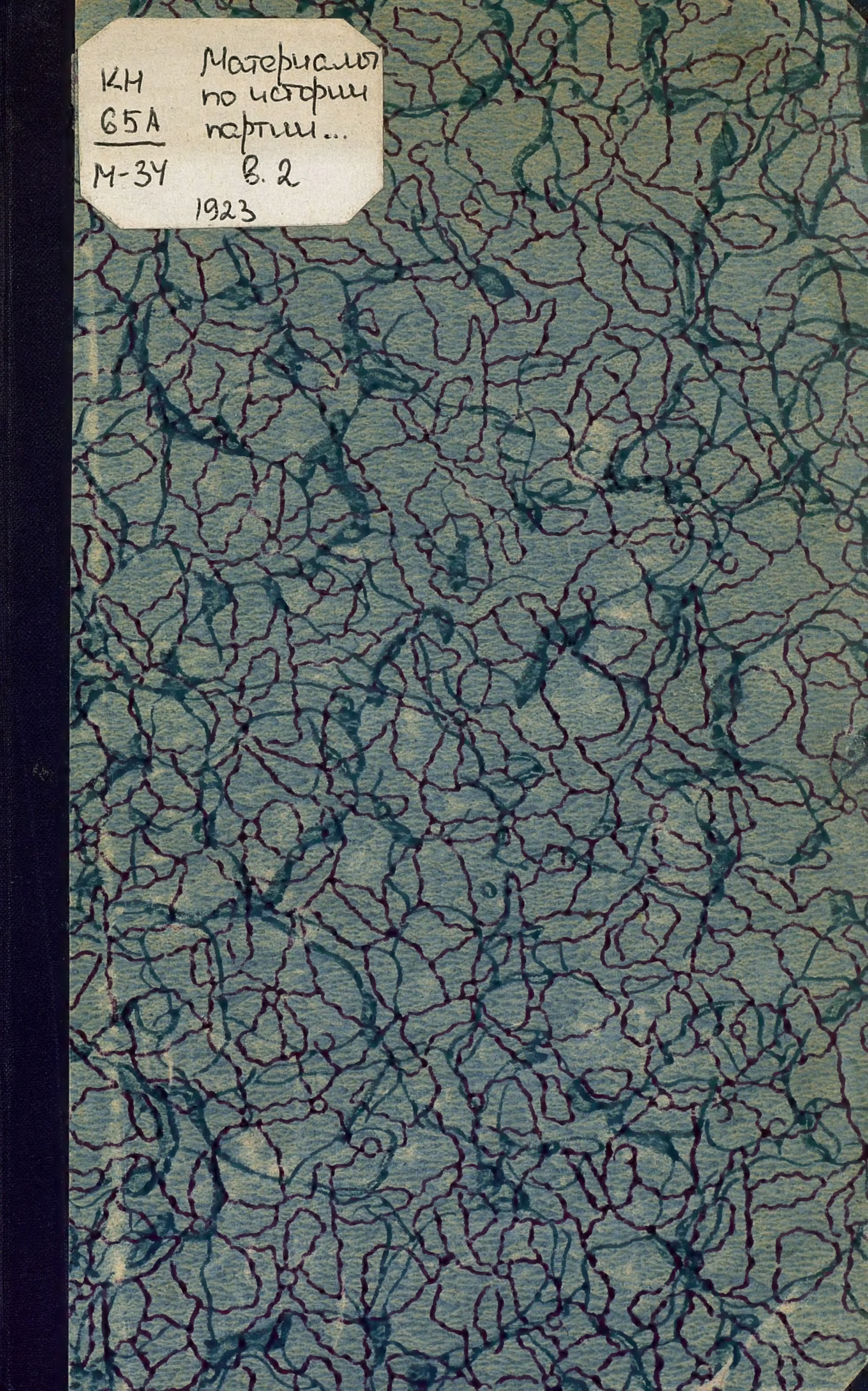

КН
65А
М-34
Материалы
по истории
партии...
В. 2
1923

Российская Коммунистическая Партия (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

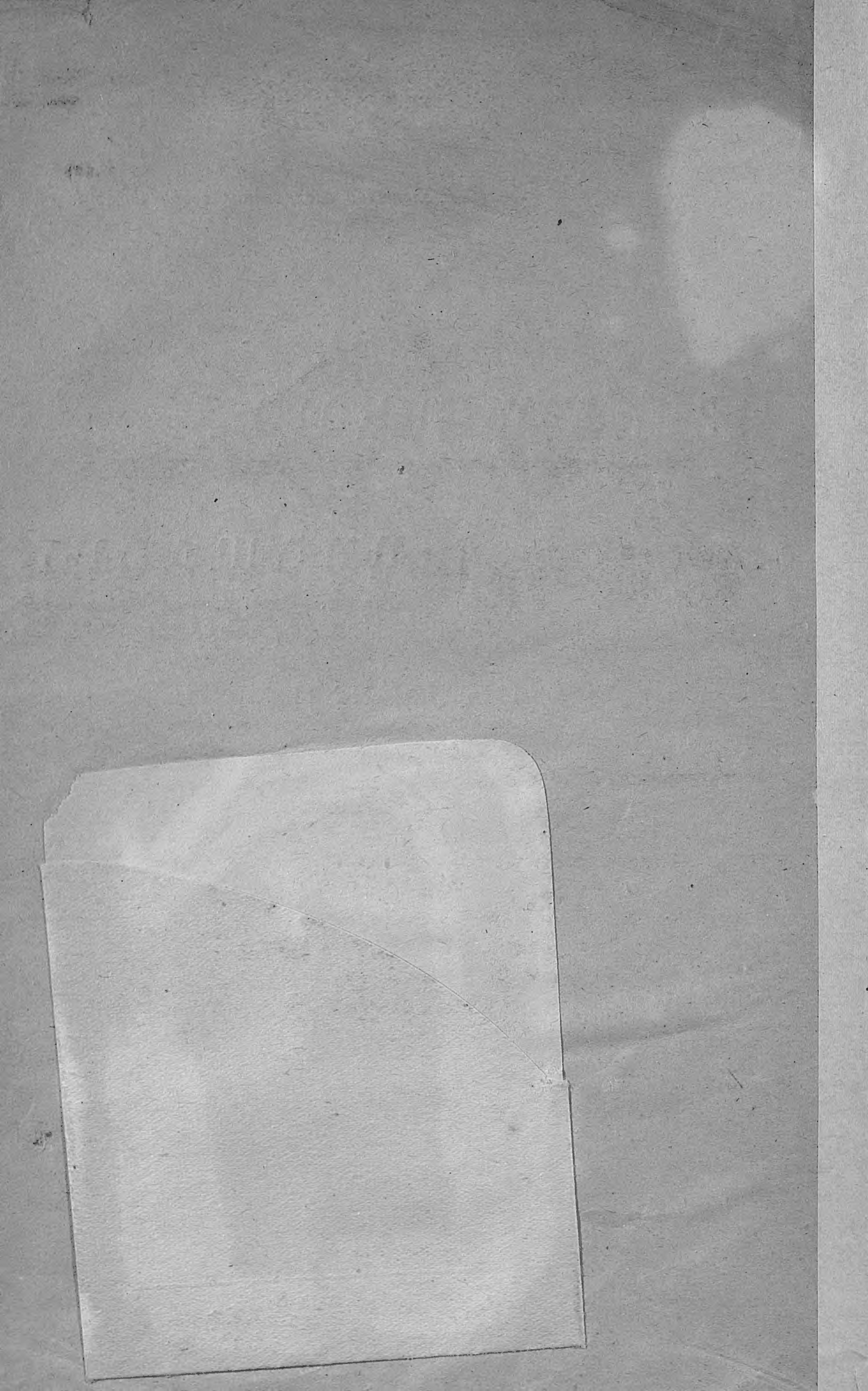
Из партийного прошлого.

ВЫПУСК II

материалов по истории Партии и Октябрьской Революции.

СБОРНИК
воспоминаний о партийной работе
под редакцией Калужского Бюро
Истпарта.

КАЛУГА.
2-я Гостипография.
1923 г.

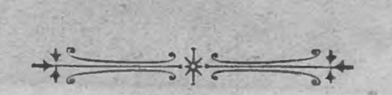
Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ

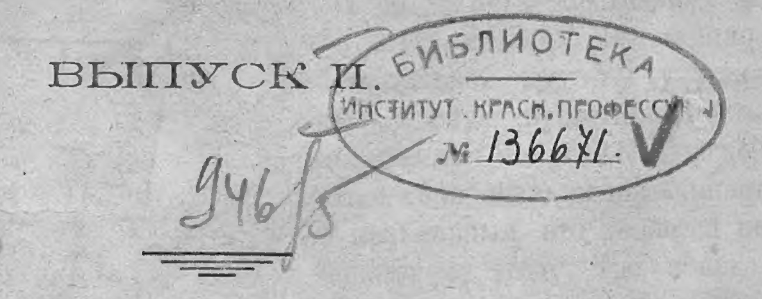
по истории Партии и Октябрьской Революции

ИЗ ПАРТИЙНОГО ПРОШЛОГО

СБОРНИК
воспоминаний о партийной работе в Калуге под редакц. Калужской Комиссии по истории Р. К. П. и Октябрьской Революции.

ВЫПУСК II.

КАЛУГА.
2-я Гостипография.
1923 г.

Развитие социал-демократического движения в Калуге.

(по 1905)

К годам начала широкого массового рабочего движения во всероссийском масштабе относится начало развития рабочего движения и в Калужской губернии. Но прежде чем говорить о ходе развития рабочего движения в Калужской губернии, необходимо сказать несколько слов о тех условиях, в каких оно должно было развиваться.

Промышленость в Калужской губернии и самой Калуге развивалась и развивается крайне слабо. В 1880-х годах в губернии, за исключением самой Калуги, имелось в наличии 126 предприятий с общим числом рабочих около 7 тысяч человек, причем в количество этих предприятий входили такие, в которых работали 1—2 человека. В начале 90-х годов (в 1893) г. в губернии таких предприятий имеется 213 с общим числом работающих 15408 человек,—11923 мужчины, 3485 женщин; приблизительно тоже самое мы видим в начале 1900 годов, когда с значительным уменьшением количества предприятий число работающих в них остается почти тем же.

Малоземелье порождает значительное развитие отхожих промыслов в Калужской губернии. Число лиц, занимающихся отхожими промыслами в начале 900-х годов составляет не менее как 15 проц. общего количества населения и непрерывно возростает. Так в 1901 г. оно равно 193, 894 человекам, в 1902 году—198,038 человекам, в 1903 году—оно уже составляет цифру 205,763.

На фабрику и отхожие промыслы обычно уходили мужчины, женщины же оставались править небольшим крестьянским хозяйством. Но все же имеются данные о привлечении женщины на фабрику как в 80-х годах, так и в 90-х годах. Так, например, в 80-х годах имеются сведения о 715 женщинах-работницах и 85 подростках до 15 лет, работающих на фабриках и заводах Калужской губ.; в 1893 г. 3.485 женщин. Несомненно, эти данные не полны и не могут дать действительной картины участия и вовлечения женщин и детей в фабрично-заводскую промышленность, но они могут быть показательны в том отношении, что и в Калужской губернии женщина, как более дешевая рабочая сила, очень рано начинает участвовать в работе на фабрике. Особенно правильным это является по отношению к Медынскому, а тем более к Боровскому уезду, где в некоторых предприятиях не только работает большинство женщин, но и преимущественно одни женщины.

Положение рабочих фабрик и заводов было несомненно крайне тяжелым.

Фабриканты и владельцы предприятий всячески используют их неорганизованность. Они принуждают их брать продукты из лавок, принадлежащих фабрикантам и при том по белее высокой цене, чем обычная, или же расплачиваются с ними бракованными фабрикатами. Последнее особенно часто практиковалось на спичечных фабриках Медынского уезда, где в счет заработной платы выдавались иногда ящики бракованных спичек, которые рабочими продавались за 1 р. 20 к. и за 1 р. 40 копеек, тогда как при расплате с рабочими обычно они шли за 2 руб. Вообще положение рабочих, работающих на спичечных фабриках, особенно было плохо и тем, что, приготовляя фосфорные спички, рабочие работали в самой нездоровой обстановке, и очень скоро выбрасывались на улицу, становясь калеками, благодаря размягчению костей под влиянием фосфорной атмосферы.

Насколько антисанитарны и антигигиеничны были условия работы на фабриках Калужской губернии того времени, можно судить потому, что когда была введена фабричная инспекция, то часть предприятий (преимущественно рогожных) была закрыта совершенно, т. к. было признано невозможным сохранять их ввиду крайне нездоровых условий для работающих. Промышленный кризис в 1887 г., а затем—в начале 900-х годов еще более усугубляют тяжесть положения рабочих. Так, например, рабочие Людиновского завода (чугунно-плавильного и машино-строительного) в 1901 г., вынуждаются работать попеременно, ввиду сокращения потребности в прежнем количестве рабочих рук. Последнее вызывается большим упадком спроса на чугун в «болванках», который ранее продавался за 70 к. пуд (обходясь фабриканту 42 к.), а 1901 г. пуд этого чугуна ценится уже на рынке по 40 к. за пуд. Однако, несмотря на крайне тяжелые условия существования, рабочие еще очень робко и слабо реагируют на всякое проявление производа и угнетения. Помимо случаев волнений на фабриках Калужской губернии, относящихся к 1814 г. и к 1821 г., первым случаем применения забастовки является неполная забастовка рабочих Мышегского завода Тарусского уезда в 1895 г., на почве недовольства условиями найма. Забастовка оказывается далеко неуспешной, т. к. под давлением исправника очень быстро устанавливается «законный» порядок и рабочие не настаивают больше на своих «незаконных» требованиях. В том же году, ввиду недовольства рабочих порядком расчета с ними возникают волнения на фабрике ПОПОВА, того же уезда. В 1896 г. происходит опять неполная забостовка рабочих на Троицко-Дашковской фабрике (Перемышльский уезд) ввиду сокращения заработной платы на $^1/_4$. Эта забастовка кончается успешно, т. к. после нее опять устанавливается прежняя расценка.

Несомненно, забастовки эти являются очень слабым отголоском на те стачки, которые в 90-х годах широкой волной прокатились по всей России. Но Калужские рабочие настолько неорганизованы, что применить забастовку они решаются в самом крайнем случае и не столько с целью несколько улучшить свое и без того плохое положение, сколько с целью сохранить его таким, каким оно было ранее.

Да это и неудивительно, ибо рост промышленности и, следовательно, вместе с этим—сознательности в среде рабочих в Калужской губернии протекает крайне слабо.

В 1879 г. в Калужской губернии имеется только несколько фабрик с числом рабочих доходящим до нескольких сот.

Только под влиянием все более развертывающегося российского рабочего движения в целом, жизнь в Калуге с начала 90-х годов тоже начинает обогащаться содержанием. Часть интеллигенции устремляется на помощь голодающей деревне, организует столовые для населения и налаживает раздачу семян для засева. Нужда в этой помощи настоятельно требуется жизнью. Тот голод населения и безкормица скота, какие создает неурожай 91-го года, действительно, обрекали население некоторых уездов Калужской губернии чуть-ли не на полное вымирание. Не имея возможности обеспечить ни себя хлебом, ни скот кормом, крестьяне нередко вынуждены были продавать свою единственую кормилицу—лошадь. На сколько это явление в то время было заурядным, можно судить хотя бы по тому факту, что в 1891—2 годах в Жиздринском уезде цена на лошадь падает до двух рублей, когда обычная цена лошади равнялась не менее как 10 рублям, о чем не могли умолчать даже и исправники в своих официальных отчетах.

Одновременно надвигается грозный призрак холеры, единичные случаи которой как раз и были на лицо в Калужской губернии в 1892 году. Сочувствие к страданиям народа толкает часть интеллигенции окунуться в самую гущу и бездну народного горя. Другая же часть интеллигенции ищет иных путей для приложения своих дремлющих сил и берет на себя работу по поднятию культурного уровня населения. Все живое и честное в среде Калужской интеллигенции сплачивается в кружке мужской воскресной школы, возникшем в Калуге в первой половине 90- годов.

Работа в кружке воскресной школы также дает возможность наиболее активным его элементам пойти и далее. Сблизившись в кружке с некоторыми рабочими (З. И. Сенаторовым, И. К. Никитиным и др.), интеллигенция лицом к лицу сталкивается с наиболее насущными и наболевшими требованиями рабочей массы. От расплывчатых пожеланий и гуманитарной настроенности некоторые члены кружка незаметно приходят к сознанию необходимости углубления своей работы в дальнейшем, путем придания ей определенных, более конкретных форм. Но самыми серьезными и важными событиями того времени являются следующие два: это—появление на Калужском горизонте уже сложившихся социал демократов и выявление первых попыток к созданию социал-демократических кружков. То и другое явление тесно и неразрывно связаны с именем Михаила Петровича Доброхотова, студента Московского Университета, учившегося позднее в Харьковском ун-те.

Исключенный из университета за участие в демонстрации студентов после ходынской истории в 1896 году и просидевший значительное время в Таганке, Михаил Петрович приезжает в Калугу, будучи выслан охранкой.

Проживший значительный срок в Москве, в атмосфере усиленно развивающейся классовой борьбы и глубоко затронутый идеями марксизма, Доброхотов первым проявляет попытки наладить «понастоящему» социалдемократическую пропаганду в Калуге и некоторых рабочих районах, к ней прилегающих.

Хотя об этом периоде его работы не сохранилось почти никаких данных ни в охранке, ни в памяти последующих участников движения, все же есть основание думать, что попытка создания первых кружков революционно настроенных интеллигентов и первая попытка привлечения в эти кружки рабочих были сделаны при его участии и под его влиянием. В настоящее время имеются некоторые сведения о том, что еще в начале 90-х годов М. П. Доброхотов вместе с одним из братьев Остроумовых создает два—три кружка, преследующих исключительно пропагандистские цели и работающих при самой строжайшей конспирации. Так, наприм., члены кружка не знали ни имени, ни фамилии его руководителя, не должны были показывать никому свое знакомство друг с другом, никогда не знали и не должны были стараться узнавать настоящие фамилии друг друга и т. д. Понятно, что при такой конспирации мало-искушенная в революционных делах Калужская охранка того времени в действиях кружка, члены которого, повидимому, умели не попадатся ей на зубок, не могла усмотреть чего либо противозаконного и отсюда не удивительно то, что в ее материалах нет почти никакого следа о революционной работе этого периода.

Правда, кружки созданные М. П. просуществовали недолго.

В силу того, что главным вдохновителем и организатором их был Михаил Петрович, часто бывший в от'езде и также в силу того, что кружки по своему миросозерцанию представляли собою неоформившиеся организации (их членами были и марксисты и народники), кружки скоро распадаются. Но несмотря на это через них завязывается, хотя и очень слабая, связь с рабочими ж. д. мастерских в Калуге. (В состав одного из этих кружков входили рабочие: Титов, Плотников, А. Д. Иванов и др.)

При посредстве того же М. П. Доброхотова часть членов кружка воскресной школы (Д. Разломалин, Т. Н. Черенков и П. П. Лебедев) знакомятся более серьезно с нелегальной марксистской литературой. Однако проходит значительный промежуток времени прежде чем опять сказываются попытки создания кружка или организации (в 1898 г.). В общем же, наряду с М. П. в Калуге в это время начинают вести работу и другие одиночки марксисты, особено после 1896 г., в течение которого в Калугу попадает для работы в области статистики целый ряд отдельных марксистов, работавших значительное время по организации оценочно-статистического отделения при Кал. Губернской земской Управе под руководством А. В. Пешехонова (народника, позднее эсера и народного социалиста). Вместе с Пешехоновым на работу по статистике были приглашены также статистики И Р. Дубровинский, братья Г. П. и С. П. Середа (последний был одно время народным комиссаром земледелия), Н. Н. Новиков, А. Е. Минаев, Н. И Левенцов, К М. Остров, М. С. Перес, С. А. Пестровский, А. А. Рейнгольд-Довыдова, В. А. Руднев (Базаров), а также

кое-кто из местных работников, именно: Н. Х. Фосс, П. Н. Быков (только что отбывший долгое тюремное заключение), М. П. Доброхотов, В. В. Сытин и тоже только что выпущенный из Воротынской тюрьмы (по делу Сыцянко), Михаил Ильич Черенков. С приездом этой группы нелегальная литература ввиде прокламаций, брошюр и газет стала гораздо шире распространяться среди учеников и преподавателей воскресной школы; но хотя эта литература была различных направлений, все же сказалось некоторое преобладание марксистов (Остров, Перес, Середа, М. П. Доброхотов, Фосс, Быков, М. И Черенков и Дубровинский) и марксистсой литературы.

Дубровинский («Инокентий»), еще в 1894 году входивший в состав кружка по издательству литературы для Москвы и Петрограда, перед этим сначала работает в Орле, затем в Брянском уезде. С переводом же Дубровинского и Переса в Калугу, их работа по издательству продолжается и здесь. На конспиративной квартире, пользуясь гектографом, мимеографом, пишущей машинкой, печатается, а затем и транспортируется целый ряд прокламаций и др. литературы.

Позднее центр работы по издательству переносится в Москву и вскоре, а именно—в 1898 г., Дубровинский уже привлекается по делу типографии Московского Рабочего Союза. Перес и Дубровинский, вывезя из Орла в Калугу довольно большое количеcтво книг, представляющих собою чаще всего статьи по экономическим вопросам в виде вырезок из толстых журналов («Отечественные записки», «Руская мысль, «Дело» и др.) и фигурировавших в городе под литерами Л. Б. (Летучая Библиотека), кладут начало революцнонно- социалистической библиотеки в Калуге. Связи с рабочими, установившиеся благодаря работе М. П. Доброхотова, дают возможность и пришельцам наладить кое-какую пропаганду среди рабочих Пересу удается даже создать кружок рабочих, в котором им ведется серьезная социал демократическая пропаганда. Одновременно развертывается очень кипучая работа по организации бесплатной библиотеки-читальни в работе которой принимают участие уже сгруппировавшиеся местные и приехавшие работники.

К концу 1898 года социал-домократическая пропаганда в Калуге несколько замирает, т. к. из Калуги в это время выезжает целый ряд наиболее активных работников—марксистов, в том числе почти все статисты. Перес же арестовывается, повидимому, в связи с арестом Дубровинского, «засыпавшегося» по делу типографии Московского Рабочего Союза.

Одиночки из среды рабочих начинают примыкать к с. д. движению и работе (в Калуге—рабочие: А. Д. Иванов, И. К. Никитин, П. Н. Баташев, Титов и Суханов).

Правда, распространение первых прокламаций в 90-х годах носило крайне случайный характер, настолько случайный, что сейчас даже трудно установить, кем они распространены (охранкой это тоже не было обнаружено), все эти прокламации были распространяемы в 1894, 1896, а затем в 1898 годах, но значительная часть их обычно с трепетом передавалась в руки начальства. Передавали их начальству все—и учительницы, и волостные старшины и сельские старосты, и служащие и т. д. и т. п.

Социал-демократическая работа оживает вновь в 1899—1901 годах, когда в Калугу попадает кампания высланных. В эти годы как раз в Калугу попадают И. И. СКВОРЦОВ—СТЕПАНОВ, А. В. РУДНЕВ—БАЗАРОВ, А. А. БОГДАНОВ—МАЛИНОВСКИЙ, А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ и др.

Высланные, находясь в Калуге, уделяют много времени литературным работам. К этому повидимому их располагала та обстановка, в какую они попали здесь, после довольно кипучей деятельности в Москве, Харькове, Туле и других городах. В Калуге жизнь текла еше слабым и не шумным ручейком. Социал-демократическая работа только начиналась, рабочая масса еше недостаточно активно реагировала на все события и условия ее бытия. Сколько нибудь крупных предприятий в Калуге еше не было. Только одни железнодорожные мастерские могли еще привлекать внимание, но число рабочих в них было тогда тоже крайне незначительно, громадное большинство их представляло собой типичных полупролетариеев. Это, конечно, крайне осложняло работу, но все же надо отдать спроведливость—некоторые ссыльные (А. В. Луначарский) проявляли кое-какие попытки повести работу и среди них.

Позднее других, а именно в ноябре 1901 года, в Калугу приехала из Екатеринослава Е. Э. Рерих. Опытная пропагандистка, принимавшая участие в партработе еще в Екатеринославе, она быстро завязывает связи с рабочими и вместе с этим способствует оформлению местной марксистской интеллигенции под видом кружка.

При ее участии, а также при косвенном влиянии и поддержке высланых, кружок постепенно начинает крепнуть. Создается библиотека, скопляются некоторые средства (собранные путем взносов и пожертвований), преобретается гектограф и нелегальная квартира. Молодежь рвется на практическую работу, особенно томится безделием Рерих. Но несмотря на это, И. И. Скворцов и А. В. Луначарский не разделяют взглядов молодежи и не поддерживают ее порывов.

Между тем начало нового столетия ознаменовывается целым рядом событий. Студенческое движение, начавшееся еще в 90-х годах, вспыхивает с еще большей остротой и размахом. Правительство, в своей слепой ненависти ко всему революционному, старается задушить это движение высылками, арестами и уличными избиениями демонстрирующих студентов. Но это, понятно, ему не удается. Преследование же студентов усиливает оппозиционное настроение всех либеральных врагов буржуазного общества, а также — вызывает вновь возраждение эпохи террора и народнических тенденций. Образуется партия социал-революционеров. На почве преследования студентов студент Карпович убивает в Петербурге министра Народного просвещения Боголепова, студент Балмашев в том же году убивает министра Внутренних дел Сипягина. Всеобщее недовольство и возбуждение находят отражение и в движении крестьянства. В 1902 г. начинаются беспорядки в Полтавской, Харьковской и др. губерниях. Стачечное рабочее движение. замершее было к 1900 году, под влиянием экономического кризиса, сменившего экономический под'ем 900-х годов, в 1901—2 годах вновь вспыхивает с большей силою и по всему югу России проносится волна стачек политического характера, свидетельствующих о достаточной политической зрелости рабочего класса.

Все это находит некоторый отклик и в Калуге.

С приездом в Калугу целого ряда высланных за участие в студенческих беспорядках студентов, жизнь марксистской группы оживляется, но одновременно с этим намечается уже и выделение особых центров из общей массы всей социалистически настроенной молодежи и более взрослых интеллигентов. Начинает более обособленно группироваться та часть молодежи, которую захватывают возрождающиеся вновь идеалы Народной Воли и, наконец, несколько позднее организуется и самый кружок эсеров, в состав которого идет и пылкая молодежь (Траубенберг, Соколов, Высоцкий, Дионисий Радилов, Страхов) и более взрослые люди (супруги Кралевцы и Печковский Л. А.). Последний представлял собой остатки разгромленных тогда народовольцев. (Печковский привлекается в 1896 г. по делу о террористическом кружке Олениных и был выслан в Восточн. Сибирь на три года).

Марксистский кружок, однако, не имея прочной связи с центром, решается связаться хотя-бы даже с эсеровским. Осуществить эту задачу кружку, повидимому, не удается. Вскоре из состава кружка убывает целый ряд членов,—рабочий Никитин и Рерих едут в Киев. Вместе с ними уезжает и Вилонов Никифор, хотя не член кружка, но все же не раз принимавший участие в некоторых его предприятиях. Уезжает в Самару Разломалин. Позднее он тоже едет в Киев, надеясь там принять участие в более широкой партийной работе. Но деятельность снова оживает с приездом опять в Калугу в конце августа Б. Авилова, М. П. Доброхотова, небывавшего в Калуге очень долгий промежуток времени и, наконец, с приездом Е. Н. Адамович. Через Разломалина, заезжавшего в Калугу на немного, последняя входит в кружок, и, подобно Рерих, стремится начать работу среди рабочих. Это ей отчасти удается. Вскоре вокруг нее сплачивается небольшая, но тесная групка рабочих (П. Н. Баташев, Титов, А. Д. Иванов, Зотов и др.) Вновь встает вопрос о связи с центром. В. Авилов, участвовавший на одном из собраний кружка за рекой, вновь поднимает его, предлагая кружку теснее сгруппироваться и подготовиться к могущим разыграться в ближайшее время событиям. Тут же им дается обещание наладить через Москву высылку „Искры“ и др. литературы, что в дальнейшем и осуществляется. Между тем, охранка к этому времени успела уже заручиться хорошим осведомителем,—первым провокатором, которым по некоторым данным являлся Песоченский, служащий Управления ж.д., знакомый со многими участниками кружка Доброхотовых.

Стремясь, повидимому, создать дело, которое охранке было бы возможным ликвидировать, ликвидировав одновременно наиболее активных работников—марксистов, он способствует созданию в Калуге Комитета Р.С.Д.Р.П., Комитета, который в партийных кругах получил наименование „пустого“. В состав Комитета вошли Титов, Баташев, А. П. Страхов, А. П. Татаров (оба студенты и эсеры) и сам В. Песоченский. Были сделаны попытки привлечь в Комитет Адамович, но та повидимому, не доверяя их кампании, не согласилась работать совместно с ними. Этот оригинальный Комитет, созданный как-то наспех, проявил не менее оригинальную деятельность. Последняя вцелом свелась только к одному тому, что Комитет, запасшись соответствующей печатью, прикладывает таковую на

всю попадающую его членам литературу, присваивая ее в дальнейшем в свою собственность. Литература же в это время получалась преимущественно из двух пунктов,—из Москвы и из Харькова, где были установлены кое-какие связи. С Киевом связь поддерживалась через Разломалина, неоднократно присылавшего нелегальную литературу в Калугу, (один раз—через Песоченского), с Масквой—через студентов.

Кружок к тому времени завязывает связи как с рабочими, так с кружком семинаристов; на очередь уже ставится вопрос о работе в уездах. В этом отношении даже еще ранее предпринимаются кое-какие меры. Так В. П. Радилова—член кружка в ноябре 1901 года едет в Полотняный завод, чтобы там, служа в качестве заведывающей библиотекой, под руководством жившего в то время в Полотняном заводе Луначарского, повести агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих писчебумажной фабрики. Кое-что в этом направлении ей удается сделать. В мае 1903 года кружком выпускается, по примеру предыдущего года, первомайская прокламация. Кое кто из членов начинает даже поговаривать о своей типографии. Хотя не периодически, но все же время—от времени созываются заседания кружка (на квартире Адамович или же В. Доброхотовой). Кружок представляется уже достаточно сплоченным и, казалось, должен был бы расти, укрепляя свое влияние через использование связей, установленных им с рабочими и кружком семинаристов, где работой руководит И. А. Голубев. На ближайшее время намечается слияние всех кружков в один, но это оказывается неосуществимым. 25 октября 1903 года кружок ликвидируется, т. к. производится целый ряд арестов его членов. В общем—по делу о кружке привлекаются 24 человека, причем привлекаются одновременно и марксисты и эсеры.

Чтобы не прогадать, а это было очень немудрено, так как и марксистами читалась эсеровская литература и, так как, все социалистически настроенные интеллигенты были хорошо знакомы друг с другом, охранка решила обвинять каждого в принадлежности сразу к двум партиям. В общем по делу привлекаются следующие лица: 1) Адамович—с.д., 2) Баташев—с.д , 3) Голубев—с.д., 4) Н. Доброхотов—с.д., 5) В. Доброхотова—с.д., 6) Вл. Дурасов—с.д , 7) Пав. Канинг; 8) Ив. Никитин—с.д., 9) Н. Попов—с.д., 10) Л. Пичковский—с.д., 11) В. Песоченский, 12) В. Радилова—с.д., 13) Д. Разломалин—с.д., 14) Резин—с.д., 15) Е. Роганова—с.д., 16) С. Соколов—с р., 17) Александр Страхов—с.р., 18) Татаров—с.р., 19) Титов—с.д., 20) Шалаев—с.р., 21) Чистяков—с.д., 22) Кралевец—с.р., 23) Суханов—с.д. и кто-то один еще. Из общего числа привлекаемых свыше 10 человек социал-демократов—четверо рабочих (Титов, Баташев, Никитин и Суханов). После длительных допросов, после длительного сидения по тюрьмам (часть привлекавшихся по делу сидела в губернской части, часть в уездных тюрьмах), Наконец, дело в начале 1905 года прекращается без всяких дальнейших последствий для обвиняемых.

Чувствовались уже новые веяния и прежде всего они чувствовались в большем размахе рабочего движения, которое сказалось даже в Калужской губернии.

Так в апреле 1903 года происходят забастовки на почве экономических требований и в Полотняном Заводе и на Говардовских фабриках.

Наростает брожение и на заводах и фабриках Жиздринского уезда, где настроение рабочих особенно революционизируется и накаляется в виду предполагаемого сокращения числа рабочих, вызываемого промышленным кризисом того времени.

В отличие от Калуги, где революционная работа ведется преимущественно интеллигенцией, там с самого начала участниками движения являются сами рабочие.

Так, в конце 1902 года распространяется литература; распространяют ее рабочие—Калинин Гав., Герасимов Серг., Кондрашкин Ив., Мосеевы Ив. и Вас., Морозов Ив.

Первым, наиболее активным агитатором является местный уроженец Портнов, рабочий одного из заводов города Екатеринослава, им и доставляется из Екатеринослава нелегальная социал-демократическая литература, а также ведется устная агитация и устраиваются сходки.

Помимо Портнова приезжают для агитации социал-демократы, рабочие Брянского завода—Фирсов и Лазарев, рабочий социал-демократ из Харькова—Табашников (местный уроженец).

В общем, кружок сознательных распропагандированных рабочих составляет человек 20 (всего в Людинове в то время работало 300 человек).

Особенно усиленно идет распространение нелегальной литературы в августе 1903, в связи с состоявшимся в это время открытием памятника Александру Второму. Но рабочая масса еще недостаточно организована.

Вызвать демонстрацию, как протест против увековечения памяти царя, не удается.

Арест ряда членов кружка Доброхотовых наносит существенный удар по только что сплотившимся силам Калужских марксистов, так как тюрьма на целые месяцы отрывает активных работников от работы. Между тем, общероссийское движение в это время значительно расширяется. Под знаменем назревающих революционных событий созывается второй с'езд РСДРП., на котором утверждается программа партии, а также разрешается целый ряд вопросов тактики и методов. Ввиду расхождения по некоторым из них с'езда, порождается деление партии на фракции меньшевиков и большевиков, деление, которое в дальнейшем очерчивается все более рельефно и отчетливо. Разногласия, породившие это деление, обостряясь с каждым днем, находят отклик, различный по своему характеру и силе, не только в центре, но и на местах.

Отголоски этих событий в Калугу докатываются значительно позднее, нежели в другие губернские центры и рабочие районы, и сказываются в первое время крайне слабо, так как все внимание Калужских марксистов в это время поглащается вопросами организации и собирания сил.

Исходным пунктом движения служит Калужская Духовная Семинария, в стенах которой начинают постепенно нарождаться марксисты, жаждущие более широкой работы и неудовлетворяющиеся пропагандой в замкнутых семинарских сферах. К этому поколению революционеров между прочим принадлежали И. А. Сергиевский, А. П. Лихачев, бр. Ждановы,

Вознесенский и др. Стремясь найти приложение накопившемуся у них опыту и знаниям, эти семинаристы ищут сближения с революционными элементами, невходящими в состав своих кружков.

Наиболее благоприятную в этом отношении почву представляла из себя в то время масса учащихся Калужского Технического ж.д. училища, где учились в большинстве случаев дети рабочих. Здесь социал-демократическая пропаганда несомненно скорее должна была найти соответствующий отклик, а работа вылиться в иные формы, нежели в семинарии, где временами всетаки сказывался сильный уклон в сторону академизма, выражающегося в изучении марксизма ради самого изучения. На ряду с существовавшим кружком Доброхотовых, в стенах Технического училища в 1903 году (весной) создается первый социал демократический кружок техников. Организаторами его являются В. Фетисов, С. Митин и А. П. Лихачев (семинарист).

Группа приходит к мысли о необходимости ведения работы в массах рабочих, между прочим, рабочих жел. дорожных мастерских, с которыми чаще всего членам группы приходилось сталкиваться по службе. Те условия существования, на какие в то время был обречен ж.д. рабочий, как и вообще большинство русских рабочих, невольно толкали к этому. Штрафы, взятки, грубое обращание мастеров и самые низкие расценки (40 коп. и несколько выше), 11 часовой рабочий день, самая нездоровая обстановка работы—вот что является характерным в жизни рабочих того времени. Дым, смрад целыми днями отравляют атмосферу, в которой работают рабочие кузнечного, сборного и литейного цехов; сквозняки, наряду с повышенной температурой, заставляющей рабочих в течение всего дня обливаться потом, неисправность помещения, отсутствие вентиляций—все это вместе взятое создает самую благоприятную почву для развития различных заболеваний. *) Между тем всякая возможность воспользоваться медицинской помощью, почитать книгу и т. п. обставлена такими ограничениями, что рабочие волей неволей вынуждаются отказываться от нее. Так, например, рабочие ж.д. мастерских получают плату в половинном размере только в том случае, если бюллетень дается врачем на 5 суток. Пропуск же по болезни длящийся менее 5 суток влечет за собой вычет из жалованья, что и заставляет рабочих перемогаться при заболеваниях. Книгой мог воспользоваться тоже не всякий, т. к. за пользование библиотекой вычитались гривенники из скудного заработка рабочих

Началу работ среди рабочих способствовало и то, что группа к тому времени пополнилась в своем составе рабочим П. З. Зотовым, высланным из Смоленска. Зотов, также как Баташев и Титов—первые рабочие социал-демократы, проявляют большую склонность не столько к перенесению центра работы на углубленное саморазвитие сколько на пропаганду социал-демократических идей в рабочей массе.

Здесь необходимо отметить, что вообще одиночки марксисты из среды рабочих чувствовали себя в первое время как-то обособленными и словно метались в каких-то исканиях. Социал-демократическая пропаганда, пускавшая в их среде глубокие корни, многое делала для них ясным и

---

*) Прокламация за подписью „Группа рабочих“

понятным, пробуждая одновременно большую потребность в практической работе. Между тем эти одиночки не могли не видеть, что остальная масса рабочих спит еще непробудным сном, что интеллигенция очень часто большее внимание уделяет работе по саморазвитию, нежели работает над пробуждением этой массы. Поэтому среди первых марксистов из рабочих нередки были такия явления: не удовлетворяясь работой в одном кружке или группе, рабочий идет одновременно для работы в другой. Так, например, первые рабочие марксисты из Калужан (Тигов, Баташев, Суханов, а также Изотов—из Смоленска) все проходят через подобную фазу в развитии своего миросозерцания. Не будучи еще достаточно устойчивыми марксистами, они не только состоят одновременно в двух-трех марксистских кружках, как тот же Зотов (состоял в группе и одновременно в кружке Доброхотовых), но даже поддерживают тесную связь с эсерами.

Ощущая большой недостаток в литературе, группа стремится завязать связь с местными партийными центрами—с кружком Доброхотовых, и с „пустым“ Комитетом.

Руководители группы начинают работу среди ж. д. путем вовлечения рабочих в борьбу за экономические улучшения.

Ярким выражением экономизма, явления уже изживаемого в то время партией, может служить первая прокламация, выпущенная группой в декабре 1903 года. Начиная с 1 пункта и кончая последним, она говорит только об экономических сторонах быта рабочих. Ни о политике, ни о партии нигде—ни слова,—в конце прокламации стоит очень скромная подпись „группа Калужских рабочих“. Нет и обычного для всех прокламаций, выпускаемых социал-демократическими организациями, лозунга—„пролетарии всех стран, соединяйтесь“, лозунга, уже много говорящего в то время рабочему Петербурга и Москвы. Но как никак эта прокламация была одной из первых, если не сказать самой первой (исключая первомайские), которая была местного происхождения. Даже самый факт ее появления, не говоря уже о сути ее содержания, производит впечатление на рабочих.

Отпечатана была эта прокламация на шести—восьми страницах, в количестве около 800 экземпляров. Главным организатором этой работы были,—семинаристы В. Жданов и А. Крылов. Понятно, отпечатана была эта прокламация одним из тех способов, которые в большом ходу были у подпольных работников—революционеров, лишенных возможности пользоваться легальными типографиями, а именно—гектографским способом. По словам Мохова результаты воздействия прокламаций сказываются скоро. В рабочей массе (на ж. д.) просыпается потребность в живом слове, назревает целый ряд конфликтов с администрацией. Успех этой работы проходит не незамеченным не только для группы, но и для других: семинаристы, признавая необходимым поддержать более слабую силами, чем их кружок, молодую организацию, выделяют, кроме Жданова и Крылова, еще двух работников,—К. Виноградова и Сергиевского.

Кружок Фосса постепенно становится опять на ноги, пополняясь новыми членами и наладив некоторую связь с центром. Сначала эта связь

поддерживается исключительно через некоторых отдельных работников социал-демократов (преимущественно студентов), но с течением времени (после приезда в Калугу Б. Авилова в 1902 г.) она приобретает более прочный характер. В кружке уже имеется некоторый подбор нелегальной литературы, которая получается им более регулярно и в достаточном количестве, здесь всегда на лицо некоторая информация о работе в центре. Учитывая это, группа поддерживает связь с кружком, но нестолько в интересах совместной работы, сколько в целях его использования. Получая от него часть литературы, группа однако попрежнему не считает возможным влиться в кружок и всячески старается сохранить от него в тайне свою организацию и свою работу. Попытка некоторых членов кружка (Никифоровой, Преображенского и др.) завязать с группой более тесные организационные взаимоотношения встречает определенный отпор со стороны наиболее активной части последней. Несомненно это диктовалось, повидимому, двумя соображениями,—прежде всего условиями конспирации, требующей большего умения не попасться на зубок охранке, умения, которого руководители группы по видимому не находили в кружке, часть членов которого „засыпалась" в связи с делом о „пустом комитете"; а затем также и тем, что крепнувшая группа, чувствующая за собой некоторую силу и значение не хотела повидимому поступиться своею самостоятельностью, что было-бы неизбежно при слиянии ее с кружком. Имели, несомненно, значение и те разногласия, какие наблюдались между руководителями этих двух организаций на почве личных взаимоотношений. Недоброжательное отношение к кружку, заходит так далеко, что выявляется очень осязательно. Вместе того, чтобы связаться с центром через кружок, группа решается завязать таковую связь через Тульский Комитет Р.С.Д.Р.П. Пользуясь тем, что В. М. Баташев (родственник члена гуппы П. П. Баташева) мог оказать содействие в этом отношении, Митин, Фетисов и Н. Никитин едут (в Рождественские каникулы) в Тулу, откуда через местный комитет им и удается направить в центр просьбу о высылке литературы и признании группы за центр местной организации. Ответ на эту просьбу получается не сразу. Между тем разражается война России с Японией, всколыхнувшая до самых глубин народные массы. Неудачи на фронте пробуждают со стороны всего населения острый интерес к политическим вопросам и порождают привычку читать газеты и обсуждать прочитанное даже там, куда раньше газета почти совершенно не попадала. Начинает глухо волноваться не только рабочая масса, но и крестьянство.

Волнение это обостряется в Калужской губернии в связи с тем упадком промышленности, какое вызывается кризисом, порожденным войной.

Стеснение кредитных операций, затруднения при переброске торговых грузов по железнодорожным путям (в виду загруженности дорог военными эшалонами), а затем также сокращение спроса на целый ряд фабричных изделий, как результат ухудшившегося положения целого ряда семей рабочих и крестьян, все это заставляет местную промышленность, и без того слабо развитую, свернуть свое производство. В то самое время как к началу 1904 года в Калужской губернии было налицо 117

предприятий с числом рабочих около 11500 человек и производством в общей сложности равным сумме в 9.500.000 рублей, к началу 1905 года имеется уже только 95 предприятий, общая сумма производства которых исчисляется в 8.700.000 руб. Количество же рабочих вместе прежнего свыше 11.000 равно с небольшим 8.000 (8337 человек). Упадок промышленности сказывается очень ощутительно. Из 18 недействующих к концу 1904 года предприятий, 12 недействовали в течение всего года, 6 в течение второго полугодия. Закрывается один из крупных чугуно-плавильных заводов Жиздринского уезда, часть рабочих которого переводится для работы на другие заводы, часть же выбрасывается просто на улицу. Падает заработная плата и вместе с этим растет задолженность рабочих; так к концу 1904 г. из общего числа рабочих 8337 человек, 7222 человека, являются должниками. Отхожие же промыслы получают еще большее развитие. Из общего числа населения 16,9% занято отхожими промыслами (общее количество населения равно 1. 292. 301 человеку, отхожими занято 218,207 человека). Настроение с каждым днем становится возбужденнее. Чувствуется приближение революционного взрыва, на что очень различно реагирует крестьянство и рабочие массы. В последних пробуждается более усиленная тяга к организации, сплоченности, так нужных для решительных массовых выступлений, успех которых в большей мере зависит от степени сознательности и подготовленности Глухое же недовольство, рокочущее в недрах крестьянской массы, прорывается в виде стихийных, неподготовленных выступлений, некоторые из которых отличаются большим упорством и настойчивостью, как, например, в Перемышльском уезде, в селе Богородицком, где движение возникает на почве земельных отношений.

Под влиянием наростающего брожения начинают шевелиться и местные либеральные буржуазные круги. Земское движение выразившееся в принятии целым рядом Губ. земских собраний адресов на Высочайшее имя и в устройстве банкетов в целях принятия на них резолюций „о свободах“ находит отклик и в Калуге. Калужское Губернское собрание, состоявшееся в ноябре 1904 года вырабатывает адрес на Высочайшее имя. *) Текст этого адреса единогласно принятого собранием, между прочим, гласил следующее:

„Радостно приступаем к своим очередным делам в твердом уповании на то, что вместе с земскими работниками, чувства которых Вам, Государь известны, и все лучшие люди, облеченные доверием Вашего Величества и доверием общества, сплотятся организованными союзами и учреждениями вокруг великого престола, готовые защищать его от врагов правопорядка. Верьте, государь, что искренно лишь свободное слово, производителен лишь труд равноправных и лично неприкосновенных граждан, чиста лишь свободная совесть и горяча лишь молитва в открытых храмах всех вероисповеданий.“ В конце концов адрес смутно говорит о созыве „выборных представителей земли“.

Правда, некоторые гласные заходят так далеко, что делают попытку побудить председателя земской управы Н. В. Лесли выступить на собрании с публичным сообщением о работах и решениях Петербургского Съезда

*) По материалам охранного отделения.

земских деятелей, только что состоявшегося перед этим. Лесли отказывается сделать это, ссылаясь на то, что там участвовал как частное лицо и не считает себя обязанным давать отчет на публичном собрании. Но все же, часть членов имеет уже на руках печатные резолюции этого с‘езда, высланные непосредственно из Петербурга по заранее собранным адресам и указанным повидимому, тем же Лесли.

Той же самой либерально-настроенной публикой в декабре 1904 года устраивается банкет, на котором участвует 100 человек местных интеллигентов и общественных деятелей. В числе ораторов—все именитые местные граждане, так, например, земские гласные: граф И. Л. Толстой, Рихтер, Гончаров, врач Засимович и присяжный поверенный Лпон, помощник присяжного поверенного Новосельцев и др. Принимается резолюция, а затем текст приветственной телеграммы Толстому Л. Н. от имени „собравшихся во имя права, правды и свободы представителей Калужского общества, приветствовавших великого учителя и гражданина, работающего во имя освобождения личности и духа человека“. Одновременно принимается приветственная телеграмма князю Е. И. Трубецкому—Калужанину профессору Киевского Университета. Все это так скромно, что факт приветствия „борцов за свободу“ через вставание и рукоплескание, имевший место на этом банкете приходится признать самым революционным актом во всем этом земском движении Калужской губернии. Поэтому наивным шагом, если не сказать больше, приходится назвать попытку местной социал-демократической группы, привлечь внимание земцев к вопросам рабочего движения через распространение среди членов земских собраний прокламаций, трактующих о них. Таким образом земская кампания, долженствующая по замыслу меньшевиков выразиться в прочтении рабочими делегациями деклараций от имени рабочей массы на банкетах земцев, в Калуге проваливается. Но все же, как ни как, движение нарастает с каждым днем. Правительство, думавшее укротить брожение умов высочайшим указом от 12 декабря 1904 года, полным обещаний о предстоящих и намеченных реформах, не только не способствует этому укрощению, но порождает больший интерес общества к этим реформам и усиливает стремление к осуществлению в России представительного образа правления.

Все это вместе взятое создает обстановку крайне благоприятную для развития и углубления социал-демократических идей и влияния. Развертывают весьма успешную деятельность как социал-демократическая группа, так и кружок. Этому успеху много содействует закон от 7 июля, опубликованный правительством под угрозой все более развивающегося движения и в силу того оппозиционного отношения к правительству, какое установилось во всех кругах общества ввиду беспощадного преследования и расправ с политическими преступниками. Закон этот в основном сводился к следующему: при рассмотрении дел политического характера показание и сознание обвиняемых, оговор одним из привлекаемых других, сообщенные только во время дознания, не могут еще служить поводом к обвинению того или иного лица; для этого нужны свидетельские показания и вещественные доказательства, действительно уличающие обвиняемого при судебном разбирательстве в преступности его деятельности,

тогда как ранее эти дела обычно разрешались в административном порядке. На основании этого закона было закончено без каких либо дальнейших последствий для обвиняемых и дело 24-х,—т. е, о „пустом комитете и кружке Доброхотовых. Поэтому неудивительно, что из общего числа всех 39 политических дел возбужденных в 1904 году 16 было направлено, согласно закона от 7 июня, на прекращение (что составляет 41% общего числа всех дел), помимо тех, которые были прекращены по манифесту и за недостаточностью улик. Такое уменьшение дел влекущих за собою „последствия", несомненно, очень заставляет скорбеть Калужскую охранку и окрыляет революционеров и в этот период сказывается большой наплыв революционной литературы, значительно превысившей ее количество в прежние годы. Распространяется литература как местная, так издания центральных органов, причем и социалдемократическая и эсеровская, т. к. в Калуге имеется эсеровская организация. Часть из этих прокламаций выпускается группой за подписью „примыкающие к Российской социал-демократической рабочей партии" и „социал-демократическая группа Калужских рабочих".

Работа группы растет и вширь и вглубь. Не только увеличивается количество членов, группирующихся непосредственно вокруг центра, не только увеличивается количество группок и кружков (группки в ж. д. мастерских, кружки—техников и типографов и др.), но все больше увеличивается количество членов, получивших более или менее законченную теоретическую подготовку и приобретших некоторый опыт в деле пропаганды рабочих и интеллигентов. То же самое наблюдается и в кружке Фосса. Кружок настолько расширяет свои связи в интеллигентской среде, что к концу 1904 года имеется уже ряд мелких интеллигентских кружков— например, в Управлении ж. д., в его отдельных службах, кружки среди ремесленников (портных и модисток), кружки среди учащихся и т. п. Чувствуя настоятельную потребность в сплочении, кружок Фосса путем об"единения мелких интеллигентских кружков постепенно превращается в более прочную партийную организацию, получившую название социал-демократического союза. Целый ряд теоритически подготовленных товарищей воспитывается в рядах союза, где очень серьезное внимание обращается на выработку в членах определенного марксистского мировоззрения. Это дает возможность активной части интеллигенции, входящей в состав его членов, отрешиться от многих партийных предрассудков, которые глубоко вкореняются в группе. В противовес руководителям группы, по укладу своего мышления и тактики скорее примыкающим к меньшинству второго с"езда, руководители союза целиком разделяют тактику большинства с"езда. Но вместе с тем, справедливость требует отметить следующее: вплоть до 1906 года резкого деления Калужских социал-демократов на большевиков и меньшевиков нельзя провести никоим образом.

Вообще же, надо сказать, разногласия на Калужской почве вплоть до 1917 года не выходили из рамок теоретического обсуждения, далекого от применения их на практике, что обусловливалось, конечно, недостаточным размахом движения. В то самое время как в целом ряде мест организации руководят крупными стачками, у нас в Калуге пар-

тийная деятельность, как и само рабочее движение, еще очень слаба, отсюда отсутствие остроты партийных трений и разногласий, присущих тем организациям, для которых партийные разногласия не столько были важны в теоритическом отношении, сколько в отношении различия действий в тех или иных конкретных случаях. Правда, вместе с ростом группы, ведущей работу преимущественно среди рабочих, ею все настойчивее пред“являются притязания на признание ее центром местной партийной работы. Руководители ее (Митин, Сергиевский, Фетисов и др.), ссылаясь на то, что группа имеет тесные связи с массами, иногда бросают в сторону союза упреки в „интеллигенстве“ и в стремлении „верховодить“. Но эти упреки, переплетаясь с личными мотивами, отнюдь еще не характиризуют группу, как центр меньшевизма. Группа, как и союз, на самом деле очень далеко стоит от проведения на практике мероприятий, наметившихся на 2-м с“езде. Ее центр, как и центр союза не представляет из себя выборного органа (вплоть до 1905 года), и по своему составу обычно тоже является интеллигентским. И центр, несмотря на притязания группы на первенство, однако, не удовлетворяет ее пожелания сразу, предлагая сначала группе слиться с союзом; но когда со стороны группы высказывается по этому поводу определенное несочувствие, цека признает в Калуге (после оформившегося в центре обособлении фракций) наличие двух организаций. Сначала в целях побудить организации к слиянию, а затем и по другим причинам, в Калугу все чаще и чаще начинают наведываться представители цека; помимо этого сперва группа, а затем союз привлекаются к транспортированию литературы, которая через Калугу центром рассылалась в целый ряд мест. Чаще всего в Калугу приезжал Кибрик, хотя меньшевик, но бывавший в Калуге как представитель большевистского цека. По мере приближения 1905 года все чаще слышатся разговоры (как в союзе, так и в группе) о необходимости более тесно связаться с местами, с уездами. Кое-какая связь с местами в то время была уже налажена, главным образом, через учительство (бывших семинаристов, гимназисток и т. п.). Вопрос же о слиянии самой группы и союза в одну организацию, возбуждаемый то центром, то одной из местных организаций, получает свое решение лишь во второй половине 1905 г.

Деятельность начинающих крепнуть местных социал-демократических организаций особенно усиленной становится в самом конце 1904 года и в 1905 году.

Этому способствуют события во всероссийском масштабе. Недовольство, порожденное неудачами на фронте, вызывает потребность в живом правдивом слове. Стремясь удовлетворить запросы массы, группа организует в гор. Алексине (где, в то время работал Митин) типографию и выпускает целый ряд прокламаций, раз“ясняющих происходящие события. Прокламации эти настолько широко распространяются, что можно сказать определенно—не попадали они только в самые глухие и отдаленные углы и закоулки губернии. Значительную роль в распространении прокламаций играют учителя, бывшие члены группы и союза, пытающиеся продолжать свою агитационно-пропагандитскую работу и на новых местах. Селения Калужской губернии, прилегающие к Сызрано-Вяземской ж. д. усеиваются

прокламациями особенно обильно. Здесь уж главными распространителями являются железнодорожные рабочие, живущие в деревнях и не порывающие с ними связи. Несомненно, что толчек к всеобщему брожению дают события 9 января. Расстрел безоружных рабочих, осмелившихся итти к царю и просить его милостей, приводит в движение даже самые отсталые массы. Прокламации, выпущенные группой по этому поводу, находят живейший отклик. Более сознательная и более распропагандированная масса рабочих железнодорожников реагирует на январьские события об"явлением забастовки, которая разражается 7 февраля 1905 года. Рабочие в количестве 550 человек *) выдвигают целый ряд требований преимущественно экономического характера и приступают к работе лишь после того, как им обещают принять меры к удовлетворению их требований. В марте месяце группой вновь выпускается прокламация, в которой точно также раз"ясняется смысл событий 9 января и отмечается необходимость для рабочего класса бороться за свержение самодержавия, за созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и за другие свободы для рабочего класса. Движение переносится в уезды. 8 февраля об"являют стачку рабочие Сукремльского завода Жиздринского уезда в количестве 295 человек. Основное требование— улучшение условий работы и увеличение заработной платы. Главными организаторами стачки являются наиболее сознательные и передовые рабочие, затронутые, повидимому, социал-демократической пропагандой. Стачка длится 3 дня, после чего администрация удовлетворяет требования пред"явленные рабочими. В начале февраля возникает стачка на цементном заводе того же уезда. Участвует 625 человек. Требования удовлетворяются частично. Последовавшее вслед за забастовкой увольнение 172 рабочих бондарного и укупорочного цеха крайне озлобляют остальную массу рабочих. Несмотря на то, что для водворения порядка высылается команда и выезжает сам губернатор, пытавшийся подействовать увещаниями, 15 февраля стачка вспыхивает снова. В стачке принимает участие 550 рабочих. Рабочие пред"являют администрации целый ряд требований экономического характера, а именно:

а) повышение заработной платы;

б) уменьшение рабочего дня;

в) бесплатное пользование баней и квартирами;

г) отмена штрафов за прогул;

д) увольнение особенно нежелательных лиц из администрации и др.:

Кончается стачка через три дня. Все требования, за исключением требования об увольнении администрации, удовлетворяются последней. 17 февраля рабочие приступают к работам, а 19 вновь оставляют ее. После этого работа начинается только 21 февраля. В феврале месяце возникают волнения и на фабрике Исаева Боровского уезда. В июле месяце возникает движение среди рабочих Дугненского завода Калужского уезда. При участии социал-демократа (учителя) Бриллиантова там созывается ряд сходок рабочих, на которых ими и вырабатываются требования к вла-

---

*) По материалам охранного отделения.

дельцу завода. Главным из них является требование увеличения заработной платы, что и выполняется фабрикантом. Начинают глухо волноваться и крестьяне. Развитие отхожих промыслов играет довольно значительную роль в росте крестьянского движения, так как все возвращающиеся с заработков крестьяне своими рассказами о волнениях и стачках в других местах побуждают крестьян реагировать против тех несправедливостей, которые до сих пор падали на их долю. Крестьянское движение носит преимущественно аграрный характер и выражается главным образом в самовольных захватах помещичьей земли и порубке леса, в разгроме имений, в отказе платить подати, в самовольных покосах помещичьих лугов и т. д. и т. п. Ни один год не был так богат случаями выявления крестьянского недовольства, как 1905 год. „Все как один" вот лозунг, который воспринимается крестьянами и который заставляет их активно реагировать. Всплывают все обиды и притеснения и нарастает волна народного гнева и возмущения, нашедшего свое выражение в этом движении. Губернские власти засыпаются телеграммами уездных исправников и самих помещиков с просьбой о высылке войск и т. д. и т. п.

Но несмотря на принимаемые властями меры, движение не затихает и развивается в течение всего 1905 года, затем в 1906—7 г., замирая только временами.

Революционное брожение захватывает и учащуюся молодежь. Наиболее активная часть ее—семинаристы и техники, состоящие членами социал-демократических кружков, стараются использовать революционную настроенность учащихся в целях углубления в их среде социал-демократических идей и общеполитических логунгов того времени. По их настоянию от имени группы в марте месяце выпускается прокламация „ко всем учащимся г. Калуги", призывающая учащуюся молодежь оказывать активную поддержку растущему рабочему движению. Одновременно созывается ряд сходок учащихся, на которых намечается ряд определенных требований и действий. Учащиеся местных средних учебных заведений всячески стремятся поддерживать самую тесную связь со студентами, часть которых попадает в Калугу в связи со студенческими волнениями в Петрограде и в Москве, т. е. высылается в Калугу охранкой. Все чаще и чаще слышатся разговоры о всеобщей ученической забастовке.

III-им с"ездом партии, состоявшимся в начале 1905 года ставится на очередь вопрос о вооруженном возстании. Местными социал-демократическими организациями обращается серьезное внимание на пропаганду среди солдат. Устраиваются митинги среди отправляющихся на фронт и, вместе с тем, организуется несколько военных кружков. Несмотря на аресты целого ряда членов группы (Гаврилов и др.) и кружка техников (Земцев, Образцов, Меньшов, и др.) созывается ряд массовок, на которых участвует человек до 200 рабочих и учащихся. Ведется работа и в кружках. Достаточно окрепшие социал-демократические организации берут даже на себя смелость не только агитировать, но даже дискутировать с своими идейными противниками эсерами. Так в конце лета союзом совместно с группой была организована дискуссия по аграрной программе, на которой выступили социал-демократы—Н.Х. ФОСС, В. ЛЮБИМОВ, И. А. ГОЛУ-

ЪЕВ, И. А. СЕРГИЕВСКИЙ, Н. И. ПОПОВ и др.; а также—и эсеры во главе с Бунаковым (кличка—„непобедимый“), приехавшим из Москвы. Более тесная связь, установившаяся с центром, дает возможность местным работникам быть более информированными о работе в центре и более регулярно получать руководящую и агитационную литературу. Группа более тяготеющая к меньшевизму кроме того устанавливает еще связь с Московским Союзом Типографов (меньшевистской организацией). К осени в Калуге, в свою очередь, организуется уже союз железнодорожных рабочих и служащих и союз типографов (нелегальные). Правда, число их членов еще не особенно значительно (человек 200), на это окупается революционностью и активностью этих организаций и их влиянием на массы.

На очередь опять ставится вопрос о слиянии группы и союза. Последний развертывает в своих кружках очень серьезную работу по раз“яснению задач рабочего класса в надвигающейся революции. Чувствуется, что скоро-скоро должна разразиться революционная буря. Действительно, последняя не замедлила притти, и в октябре весь мир становится свидетелем героической борьбы российского пролетариата. Вспыхивает всеобщая забастовка, поводом к которой служит стачка начавшаяся в сентябре месяце. В Калуге эта стачка находит самый живейший отклик.

Поддерживая тесную связь с центром, социал-демократы очень чутко прислушиваются к каждому событию. Едва получается сообщение о начале забастовки в Туле, как начинается забастовка в Калуге. Первой бастует служба телеграфа Сызрано-Вяземской ж.д., начавшая забастовку в 8 час. вечера 9 октября. 10 октября присоединяются к забастовке служащие других служб управления дороги и железнодорожные рабочие. 10 октября об“являет забастовку Депо, 13-все Калужские ж.д. мастерские. На дороге прекращается движение, т.к. бастуют также и паровозные бригады, машинисты и их помощники.

„Права и свобода не даются, а берутся властной волей народа“. Так говорит прокламация, выпущенная Калужским Комитетом Р.С.Д.Р.П. 12 октября (В пылу событий происходит наконец слияние группы и союза). Лозунг этот подхватывается массами и находит свое выражение в тех требованиях, какие выставляются бастующими. Таковы, например, требования выставляются служащими Управления дороги, наряду с другими требованиями экономического характера: 1) немедленная отмена военного положения и положения об усиленной охране в стране.

2) Свобода собраний, союзов, сходок, слова, печати и стачек, неприкосновенность личности и жилищ.

3) Созыв Всероссийского С“езда делегатов от служащих и рабочих всех железных дорог для выработки нового положения о железнодорожных служащих и рабочих; 4) Ввиду того, что при существующем полицейско-чиновничьем строе все вышеуказанные требования, как показал недавный опыт, не могут быть удовлетворены—необходим созыв народных представителей с законодательной властью, выборных всем населением страны—всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия национальностей, пола и вероисповедования, для выработки основных законов страны в интересах трудящихся классов;

5) Неприкосновенность всех участников забастовки и возвращение всех пострадавших за участие в забастовке и союзах;

6) Полная амнистия всех пострадавших за, так называемые, политические и религиозные преступления.

По иронии тогдашней полицейской действительности главные руководители забастовки в Управлении, члены создавшегося там стачечного комитета, социал-демократы—И. Акимов, М. Данилова и А. Никифоров один из первых испытывают на себе тиски еще всесильной жандармерии. Их первых из всех забастовавших арестовывают и направляют в тюрьму при возвращении их (14 октября) из железнодорожным мастерских, где ими было сделано обращение к рабочим поддерживать требования, выдвинутые служащими.

Забастовка железнодорожников, начавшаяся 9 октября продолжается вплоть до 20 октября. Движение, протекающее под руководством и влиянием социал-демократов, отличается достаточною сплоченностью и сознательностью. Лишь только работники служб тяги и пути решаются посещать и посещают занятия, а остальная масса—на улице. Эта масса выдвигает своих героев дня,—рабочий Тоболин, машинист Леонтьев, рабочий А. Д. Иванов, М. И. Гуров, Баташев и др. идут впереди пробудившейся массы. Всюду организуются стачечные комитеты и лишь только среди наиболее отсталых рабочих при голосовании требований раздаются отдельные голоса—нужно ли действительно выдвигать требования политического характера. Движение идет дружно и быстро увлекает остальную часть революционно-настроенного населения Калуги. Прежде всего, конечно, откликается на него наиболее организованная учащаяся молодежь. В ночь с 12 на 13 взвивается красный флаг с надписями «Долой самодержавие» и «Да здравствует демократическая Республика» над железнодорожным техническим училищем. Это было как-бы сигналом к всеобщей ученической забастовке. Техники уже подготовились к ней, у них уж на лицо отпечатанные прокламации с изложением требований общеученической массы. Широкой волной устремляются учащиеся на улицу, где уже бурлит, начиная с 11 октября, взволнованное людское море.

Полиция в смятении не знает что предпринять—то ли разгонять толпы, в которых слышатся горячие речи и революционные призывы, то ли срывать то там, то тут рдеющие красные флаги, то ли арестовывать отдельных ораторов и руководителей.

Всюду на улицах демонстрируют толпы, учащихся и рабочих. Особенное оживление у Управления дороги. Учащиеся разбрасывают прокламации. В Управлении же решается вопрос о присоединении к всеобщей забастовке. Собрание служащих сначала раскалывается, так как часть служащих настаивает на том, чтобы были выдвинуты только одни экономические требования, но в это время доходят известия о начале забастовки в мастерских, где помимо экономических выдвинуты также и политические требования. Сразу же громадное большинство служащих высказы-

вается за признание тех и других требований и вливается в общую массу демонстрирующих по улицам учащихся и рабочих. Другая же част получившая название «экономистов» продолжает работу обособленно.

Настроение у всех приподнятое, горячо обсуждаются события происходящие в Москве и Петербурге.

Открыто и свободно льются речи с призывом бороться за низвержение самодержавия, бороться с гнетом капитализма. Масса демонстрирующих и бастующих, целой лавой двигаясь по улицам, снимает с работы еще не примкнувших к забастовке. Постепенно к демонстрантам присоединяются типографы земской типографии, типография Архангельского, завод Фонина, Киселева и др.

Полиция пытается иногда разогнать толпу демонстрантов, распевавшую революционные песни и шествующую по улицам с красными знаменами. Но хотя пускаются в ход приклады винтовок, движение не стихает, а все больше ширится. Почти ежедневно в городском саду продолжают устраиваться митинги, то там, то тут слышится «марсельеза», то там то тут созываются сходки и собрания. Делаются некоторые попытки создать совет рабочих депутатов г. Калуги.

Комитет, созданный после об'единения группы и союза не в состоянии охватить все движение в целом. Отдельным работникам приходится зачастую действовать единолично, за свой собственный страх и риск.

Наконец, правительство провозглашает манифест 17 октября, вырванный у него властной рукой народа. Прежде чем доходит весть о манифесте, из Москвы долетает сообщение о прекращении забастовки. Партийная организация направляет все свое внимание и силы для раз'яснения массам происходящих событий. Все также горячо звучат речи ораторов социал-демократов, призывающих массы не опьяняться царскими милостями, а настойчиво закреплять завоеванные позиции.

Между тем, притихшая было полицейская свора, поспешно начинает оправляться и поднимать голову. Начинается спешная организация полицией черной сотни и патриотических манифестаций.

Происходит столкновение черносотенцев с демонстрирующими рабочими и учащимися. Так, толпа демонстрантов, бывшая у дома губернатора с требованием освобождения политических арестованных (что ей было обещано) при шествии на главную улицу города сталкивается с толпой пьяных черносотенцев, идущих с портретом царя и национальными знаменами и распевающих гимн „боже царя храни". Более сплоченная и более многочисленная толпа демонстрантов стремится разогнать черносотенцев. Это ей и удается. Происходит стычка, раздаются выстрелы но все-же в конце концов оказываются избитыми видные черносотенцы, трехцветное знамя разорванным, портрет царя уничтожается.

Но волна погромного движения становится все более и более угрожающей. [illegible]

22 октября разбиваются вино-гастрономические магазины. Черносотенцами избиваются учащиеся и другие прохожие. Избивают кого-то похожего по внешности на еврея, избивают техника Германа, рабочего ж. д. мастерских (социал-демократа) П. П. Баташева, избивает денщика какого-полковника, принятого за студента (на нем оказалась серая тужурка) и др. Но черная злоба еще не удовлетворяется этим, и толпа продолжает свой погром на следующий день. Ею громятся магазины Капырина, Лобова, Комарова и некоторые частные дома. Полиция, благословившая погромы, отдает город в полное распоряжение погромщиков. Только в одном месте, неожиданно для себя, погромщики встречают сопротивление. Группа социалистов-революционеров, состоящая почти сплошь из братьев Радиловых и засевшая в своей квартире встречает их выстрелами из охотничьих ружей. Кем то из этой группы убивается наповал главный руководитель погромщиков сапожник Стаменский. Это несколько отрезвляюще действует на громил. Погромное движение стихает, но за то один из братьев Радиловых расплачивается за это своей жизнью. Узнанный погромщиками при попытке скрыться куда либо из своего дома, привлекшего их внимание, он избивается до потери сознания и через несколько часов умирает в больнице.

Октябрьские погромы проносятся по всей России и еще теснее заставляют сомкнуться ряды революционеров.

На очередь ставится вопрос о вооружонном восстании, организуются боевые дружины для борьбы с погромами. Местный комитет начинает усиленно готовиться к вооруженной борьбе с ними. Совершенно открыто собираются деньги на оружие, в ходу подписные листы на усиление денежных средств самих партий. Растет военная организация. Стремясь привлечь на случай выступления солдат местного гарнизона, комитет организует митинги в казармах и совещания с наиболее либеральными офицерами. С ведома комитета группы лиц состоящие из Митина, Образцова, Максимова готовится покушение на пристава Лаврова, одного из наиболее ревностных служителей самодержавия. Попутно разрабатывается план захвата власти. которое предполагается осуществить путем ареста представителей последней в Калуге и через об'явление начальником губернии с. д. Фосса.

Но этому плану не суждено было осуществиться точно также, как и попытке „убрать“ Лаврова. Правительство, обещавшее в манифесте созвать народных представителей на демократических началах, почувствовав за собою еще некоторую силу, быстро берет назад свои обещания. Пользуясь силой армии, солдаты которой не сумели в должной мере оказать поддержку восставшим рабочим, правительство начинает свою работу по подавлению революции. Отказываясь на каждом шагу от признания свобод, возвещенных манифестом 17 октября, оно закрывает рабочие газеты, разгоняет собрания, грозит тюрьмой за участие в союзах и забастовках, и, наконец, совершает последний акт предательства. В первых числах декабря им арестовывается Исполнительный Комитет Петроград-

ского Сотета Депутатов. И хотя ответом пролетариата на него и служит об'явление вновь всеобщей стачки, движение однако идет уже на убыль. Стачка поддерживается не всем рабочим классом. Вооруженное восстание Московского пролетариата, надеевшегося удержать завоеванные позиции с оружьем в руках подавляется с беспримерной жестокостью и реакция скоро празднует свое окончателньое торжество.

Понятно, эти события не дали возможности в Калуге развернуться и без того недостаточно широкому рабочему движению. Аресты отдельных работников, отсутствие в распоряжении руководителей движения достаточного количества вооруженной силы и др. причины побуждают местных социал-демократов отказаться от захвата власти. О предполагавшемся покушении на пристава Лаврова тоже своевременно узнает охранка и полиция, которыми и принимаются соответствующие меры. Но все же как ни как делается попытка поддержать декабрьскую забастовку рабочих Петербурга и Москвы. Комитет выносит решение призвать к забастовке рабочих ж. д депо, мастерских и служащих управления дороги. Выпускается соответствующая прокламация. Устраивается собрание служащих дороги для обсуждения текущих событий, а также для обсуждения циркуляра—призыва к забастовке, разосланного по управлениям всех дорог от имени конференции депутатов 29 железных дорог и самого центрального ж. д. бюро. Особенно горячими приверженцами забастовки выступают Н. Х. Фосс и А. Д. Никифоров (оба социал-демократа). Убедительно и страстно звучат слова Н. Х. Фосса, когда он, собирая служащих на собрание, обходит по службам и говорит: „оставьте работу: в Петербурге и в Москве проливается кровь наших братьев; мы должны поддержать их. „Такой же готовностью поддержать движение звучат слова и других—Никифорова, Полонского и Акимова. Есть еще уверенность в возможность победы“: „силы за нами, войска на нашей стороне“, такой гордый вызов бросает начальнику дороги служащий управления с. д. Акимов, оставляя работу и идя на собрание. Но надежды эти не оправдались. Хотя служащие и высказываются за забастовку, все же забастовочное движение вскоре подавляется.

12 декабря арестовываются в ж. д. мастерских с. д. Любимов и Кизик при попытке их призвать рабочих к забастовке, (как им ибыло поручено организацией). Только Митину, Стефановичу (Иван) и Максимову удается протиснуться с револьверами в руках сквозь толпы солдат и жандармов, но в последующие дни арестовывается еще целый ряд членов с. д. организации, в том числе Никифоров, Костин, Акимов и др. Некоторым приходится перейти на нелегальное положение. Часть из них, а именно—Образцов, Митин, Фосс, Максимов вынуждены оставить Калугу и уезжают в Москву, где еще идет бой рабочего класса за свою свободу, где еще в крови и огне строятся баррикады.

Движение задавленное в самой Калуге скоро глохнет и в уездах. Вооруженной силой подавляется движение крестьян, сами собою прекращаются стачки, которые в октябрьские и ноябрьские дни вспыхивают кое-

где и преимущественно на фабриках Боровского уезда. В октябрьские дни там бастуют рабочие ткацких фабрик (Полежаева, Александрова, Исаева и Ежикова), числом около 1000 человек. Но несмотря на то, что движением рабочих руководят социал-демократы (Владимиров и др.), несмотря на то, что там успешно развивают свою деятельность выдвинутые рабочими стачечные комитеты, не смотря на то, что там наравне с экономическими требованиями в октябрьские дни выставляются и политические требования, все же движение там замирает сразу.

Если еще мог оказывать реакции сопротивление более организованный и сплоченный пролетариат Москвы, то, понятно, нельзя было ожидать этого от Калужских рабочих. Но Несмотря на это движение все таки не умирает окончательно. Получившая боевое крещение в огне революции 1905 года, Калужская Социал-Демократическая организация продолжает и в подполье свою работу, пока не загорается заря революции 1917 г.

О. Чаадаева.

Настоящая статья, печатаемая вместо предисловия, составлена на основании части сохранившихся материалов фабричной инспекции, архива охранного отделения и личных воспоминаний участников партийной работы в Калужской губ.

О. Ч.

В Калужской тюрьме 26 лет назад

(С мая по июль 1896 года)

(Воспоминания политического заключенного).

Я сидел в Таганской тюрьме в Москве в одиночной камере. Наступил Май 1896 года. Прошло уже долгих 17 месяцев строгого одиночного заключения. Режим для политических заключенных в то время в этой тюрьме отличался особенной строгостью. Заключенный целый день находился в полном одиночестве; камера открывалась только 2 раза в сутки: 1 раз утром при метении пола, 2-й раз на прогулку, которая продолжалась всего 15 минут тоже в одиночестве под конвоем надзирателя: он стоял в центре небольшого круга и прогуливающийся ходил по окружности под его неослабным надзором. Надзиратели были строго вышколены, на вопросы или совсем не отвечали, или говорили: „не приказано разговаривать". Перестукивания были крайне затруднительны, так как политические сидели один от другого через несколько камер, между ними помещались уголовные. Из окна говорить не допускалось; часовой снизу кричал: „сойди с окна, не то стрелять буду", а надзиратель подбегал немедленно к двери и влек разговаривающего в карцер. Никаких вестей из внешнего мира не доходило: письма строго цензуровались, в них не допускалось никаких новостей. Отрезанность от внешнего мира была полнейшая.

Находился я в предварительном до заключения приговора. За это время меня водили раза два или три на допрос вначале заключения, и вот уже более года я сидел не зная, в каком положении мое дело и когда кончится мое заключение.

Вдруг, в начале Мая 1896 года старший надзиратель об'явил, чтобы я собирался со всеми вещами и шел в контору. Радость охватила меня. Может быть вышел приговор, каков бы он ни был, все было лучше полной неизвестности. На освобождение я не надеялся, так как был взят с серьезными уликами—мимеографом, оттиснутыми на нем прокламациями и т д, и как я узнал из допроса, после меня были арестованы также и многие рабочие из тех кружков, которые были организованы нами. (См. об этом мою статью в Сборнике: "На заре рабочего движения в Москве"). Вследствие всего этого я ждал не освобождения, а приговора.

В конторе меня сдали на руки жандарму, который, не говоря ни слова, повез меня на Курский вокзал (Брянского вокзала тогда еще не было), довез до Тулы; пересели на другую дорогу, а я все не знал, куда везут меня.

Наконец поезд остановился у ст. Калуга, жандарм вывел меня и повез по городу, привез в тюрьму и сдал меня в контору.—Что, зачем, почему ничего я не мог узнать: мой жандарм был непроницаем.

В тюрьме меня поместили в одиночной камере под церковью. Сразу же я почувствовал, что в этой тюрьме совсем другая атмосфера сравнительно с Московской. Здесь еще не сидело до того времени политических заключенных, (по крайней мере за последние годы, как мне разсказывал потом помошник начальника тюрьмы), еще не выработана была среди тюремной стражи дисциплина, наподобие Московской. Надзиратели добродушно болтали о чем угодно; пришел вскоре помошник начальника и целый час провел у меня в камере, рассказал, что рядом со мной сидит по одну сторону тоже только что привезенный из Москвы политический—Григорий Мандельштам, а с другой стороны студент Кирпичников, что нас перевезли сюда на время по случаю предстоящей в Москве в середине мая коронации царя Николая II, не хотели, повидимому, показать политических заключенных иностранным гостям, которые приедут на коронацию и пожелают посмотреть русские тюрьмы.

После ухода помошника я немедленно вызвал в окно своего соседа Мандельштама, которого я знал раньше в Москве и с громадным интересом узнал от него много новостей, так как он был арестован на 7 месяцев позже меня и так как в Москве он имел свидания, которые хотя и происходили через 2 решетки в присутствии жандармского офицера, все же на них удавалось узнавать кое-что из того, что происходит в мире. Много интересного расказал он мне. Из его рассказов я узнал, что рабочее движение после наших арестов продолжало развиваться все шире, что семена брошенные нами не засохли, а дали хорошие всходы, что за это время вышли легально две замечательные книги Плеханова, под псевдонимом Бельтова и Волгина,—Бельтова—„О монистическом взгляде на историю", Волгин „Обоснование народничества в трудах В. В.": Эти книги имели большое влияние на интеллигенцию, которая все в большем количестве стала переходить к марксизму. Необычайно радостно было узнать все это от него*).

После разговора с ним я пытался говорить с Кирпичниковым, которого я тоже знал в Москве и который был привлечен по одному делу со мной, но он упорно не отвечал. Потом оказалось, что у него за время заключения развилась душевная болезнь и он вскоре был переведен в психиатрическую больницу.

Так началась моя жизнь в Калужской тюрьме. После Московской эта жизнь казалась чуть ли не раем. Гулять можно было сколько угодно на большем дворе; у Мандельштама оказалось много книг и в том числе Бельтов и Волгин, он мне давал для чтения эти книги. Интересного чтения было вдоволь, а помошник начальника приносил газеты и рассказывал все новости. Особенно приятно было читать газеты, которых я не видел уже полтора года. Надо сказать, что повременная печать была строго запрещена для политических заключенных, и помошник рисковал, давая ее читать нам; вообще он для нас очень много делал всяких услуг и послаблений, он был из того типа, „хорошего человека на плохом месте", о котором писал Короленко в III томе своих воспоминаний, и у меня о нем остались

*) Как оказалось и в Калуге в это время уже велась марксистская пропаганда кружком Доброхотова, как я узнал теперь из сборника „Из партийного прошлого в Калуге". (ст. Разломалина). Но тогда у нас не было никаких связей с Калужанами.

хорошие воспоминания; не помню только его фамилии, как будто Племянников. Под конец начальник тюрьмы сделал ему выговор за разговоры с нами и он должен был сократиться и быть осторожнее. Из газет мы узнали тогда о знаменитой стачке 30.000 текстильщиков в Петербурге, которою руководил „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Радость нашу тогда трудно себе представить.

Особенно памятны для меня остались за это время долгие беседы через окно с Мандельштамом. Это был замечательный человек с большой начитанностью и оригинальным умом. Он был первым марксистом в Москве. Он приехал туда в 1891 году уже убежденным марксистом, пробыв перед этим несколько лет за границей. Он первый сгруппировал в Москве около себя марксистский кружок, из которого потом вышел ряд известных работников. Он пересылался затем полицией несколько раз из города в город, жил в Орле, Рязани, Екатеринославе и везде заводил первые в этих городах марксистские кружки интеллигенции и рабочих. Он был интересный собеседник и разговоры с ним доставляли большое удовольствие. В конце нашего пребывания в Калуге я начал замечать у него какие-то странности, которые стали проявляться в разговорах с ним: он начал видеть во всем шпионство без всяких оснований, стал проявлять какую-то боязливость. Оказывается у него начиналась душевная болезнь, которая быстро, как я потом уже узнал, овладела им и он умер душевно больной через несколько лет в психиатрической больнице в Москве. Самодержавие еще поглотило одну из своих многочисленных жертв из наших лучших, талантливейших людей.

Из семьи Мандельштамов вышло много революционеров: у Григория кроме него было еще 3 брата: Мартын (Лядов), Николай и Александр (Одиссей),—все они много лет работали в партии и все теперь коммунисты; последний прибыл в Калугу 29-го ноября 1917 г. во главе революционных войск из Москвы для ликвидации эсеровско-меньшевистского „органа губернской власти".

Так провели мы в Калуге два слишком месяца. В середине июля меня увезли из Калуги и опять привезли в ненавистную Таганскую тюрьму. Опять очутился я в том же суровом режиме, и еще прошло 7 долгих мес. в полной неизвестности, пока не об'явили в феврале 1897 года приговор: „по Высочайшему повелению" к ссылке на пять лет „в отдаленнейшие места Якутской области". Но и этого отправления пришлось дожидаться еще 4 месяца. Только в июне отправили нас в Сибирь, железная дорога доходила тогда только до Красноярска; до Иркутска шли пешком 2 месяца, 5 месяцев сидели в пересыльной тюрьме в Александровске близь Иркутска, и уже только в январе 1898 года я был отправлен в Якутскую область „конным этапом". В феврале был выпущен „на свободу" в Якутской области. 3 года 3 месяца пришлось провести тогда в царских тюрьмах и этапах и за это время только пребывание в Калужской тюрьме вспоминаю с удовольствием.

С тех пор прошло 26 лет, и опять судьба меня еще раз „по делам службы" закинула в Калугу. Вспомнилась старина...

С. Мицкевич.

Воспоминания из моей политической работы.

Для того, чтобы все рассказанное было более понятно, я должен в самой сжатой форме изложить свою автобиографию. Родился я в 1869 году. В железно-дорожн. мастерские С.-В. дороги в Калуге я поступил работать в 1880 г. (точно не помню). Был почти неграмотным (хотя до поступления в мастерские я учился у какого-то дьячка, потом в приходском училище, затем в подготовительном классе ж.-дорожного Технического училища и в первом классе уездного училища, из коего и был я определен учеником в мастерския).

Товарищами детства были: Михаил Петрович Доброхотов и Николай Николаевич Вашков. Первый учился в гимназии, а второй в реальном училище. Как и при каких условиях они завязали связь с политическими кружками (в то время народническими,—это было приблизительно в 1890 г.). мне неизвестно. Свои идеи они передавали мне и увлекли меня в русло политической жизни. У нас появились прокламации и другая нелегальная литература (названий совершенно не помню), главным образом из Москвы и частью из Тулы. Литература была большей частью из Женевы. Читали мы ее где нибудь в уголках или в лесу. По мере того, как сознание мое и моих товарищей развивалось, почти всю поподавшую ко мне литературу я переносил в мастерские С.-В. ж. д., где под строжайшим секретом и крайне осторожно давал читать своим товарищам, фамилии которых теперь совершенно не помню (но может быть, когда будут читать мои воспоминания, мои старые товарищи сообщат подробно об этом). В мастерских литературу я у себя не хранил, а хранил ее в ящике Старченкова Г. А., а иногда в ящике Грибова Г. Г. или же под полом мастерских, но не около своего станка. Позднее хранил у Езерцова, Михайлова Алексея, Титова (имя не помню, но кажется он работает где то в Москве членом Контрольной Комиссии), Никитина И. К. и многих других, которых совсем забыл. Одно могу сказать, что самым первым сеятелем социалистической идеи в ж.-дорожных мастерских являлся я при помощи Доброхотова М. П. и Вашкова Н. Н.

Дальше уже стали организовывать крайне конспиративные кружки из рабочих, на которых читали книжки как легальные, так и нелегальные. Мною, М. П. Доброхотовым и другими товарищами (фамилии коих не помню) писались и составлялись прокламации, а печатались они в большинстве слу-

чаев только Доброхотовым и редко через Н. Н. Вашкова в Москве; и распространялись в мастерских разными способами. В городе было много кружков, но главным образом интеллигенции и учащихся; во многих из них я также принимал участие. Охота жандармского охранного отделения на Вашкова, Доброхотова и меня была очень энергичная, но нам как-то удавалось отделываться. Вашков Н. Н. в Москве не увильнул от жандармерии и ему очень много пришлось перенести кар. Для меня лично это проходило легко,—по отношению ко мне ограничивались лишь тем, что в мое отсутствие из дома жандармы, переодевшись нищими, приходили в квартиру и нахально осматривали все комнаты моей квартиры и перелистывали книги, тетради и другие вещи, которые были в квартире и моей матери с трудом удавалось их выгонять. То подаяние, которое они получали от матери или бабки в виде хлеба, пирога, бросали или в сенях дома или на дворе, чем и выдавали себя.

В 1905 году, когда в первый раз я был арестован и когда жандармский полковник Шлейфер пришел в тюрьму к нам, то всех товарищей, в одно время со мной арестованных, выпустил из одиночек в общий коридор и подойдя к окошку моей камеры и обращаясь ко мне и моим товарищам говорит следующее: „Всех я вас выпущу, но тебя, подлеца и мерзавца, я сгною в тюрьмах и Сибири“. После долгих споров с моими товарищами по этому поводу, он и меня велел (но уже на третий или пятый день) отпереть. Когда были распределены места высылки нас в Сибирь, то он меня наметил отправить в Енисейскую губернию на 5 лет, всех же остальных—в Томскую губернию на три года. Но впоследствии, как и почему я незнаю, меня тоже отправили в Томскую губернию, Нарымский край, на три года.

Далее меня не оставляли в покое и в Харькове на паровозостроительном заводе, куда я поступил работать в качестве машиниста по возвращении из ссылки. Калужская жандармерия прислала мой послужной список в Харьков и меня чуть было не выгнали из Харькова в 24 часа, но благодаря настоянию начальника, инженера Кузнецова М. М. перед директором завода Редсони, как хорошего работника удалось перед губернатором меня отстоять и таким путем я задержался в Харькове до 1915 года.

Теперь вернусь назад к 1893 г. В Калугу, в числе высланных политических, были высланы следующие товарищи: Степанов-Скворцов, И. И. Базаров, Рудников В. А., Малиновский, Богданов А. А. и Луначарский, с которыми я через Доброхотова М. П. был знаком, и получаемую от них литературу распространял среди рабочих в мастерских, а также и устраивал массовки в бору и других местах с рабочими, где означенные товарищи несколько раз подвергались арестам. Бывали курьезные случаи, а именно,—бывали собрания и все проходило гладко, только разойдутся все, вдруг полиция с обыском и арестом и понятно „сыграют в пустую“.

Лично я нашел в мастерских разные, в то время либеральные и прогрессивные журналы и газеты, предварительно прочитывая дома или на разных собраниях отдельные статьи по политическим вопросам и вел беседу о них с рабочими в тесном кружке. В то время собирались во время завтрака и обеда в машинном отделении, где теперь дышловое и кулисное отделение, а ранее здесь была кузня и тут же машинное отделение. Бывало очень много случаев, когда слушавшие меня не выдерживали, брали за шиворот и тащили к жандармам на станцию, но в это время другие за меня заступались и дело для меня кончалось благополучно до следующего неосторожного моего собеседования. В частности могу указать на следующие случаи. Когда было введено нормирование предела низкой продажной цены сахара на внутреннем рынке, и избыток производства сахара вывозить за границу, за что заводчики не платили акциза и получали некоторую разницу потери при продаже за границу в виде процента от правительства, я разоблачил политическую подкладку в этом деле правительства и ставил это мероприятие в связь с угнетением и эксплоатацией рабочего класса. Когда в своей критике я резко отозвался о мнистрах и не особенно гладко о царе, то меня хотели предать как социалиста в руки жандармов.

Когда царь Александр III был болен и когда Земство под диктовку Охранки стало посылать иконы к нему с пожеланием выздоровления, а за земством потянули и разные слои населения, а также и некоторые рабочие были захлеснуты этим течением, то и наши рабочие сделали собрание в машинном отделении по этому вопросу. Я высказал свое мнение, что лучше деньги употребить или в пользу голодающих в то время в Поволжье или же употребить на помощь политическим высланным рабочим в Калужскую губернию. Коли царю выздороветь, то он выздоровеет и без нашей иконы Калужской божьей матери. В этом деле я было всыпался очень здорово и только должно быть судьба меня спасла. Когда меня повели к жандармам на станцию, то многие меня пожалели, а многие и сами испугались, как бы и им не попасть, отбили меня и посоветовали больше никогда ничего не говорить.

Когда Николай II-й вступил на престол и Земства были уверены, что с ним вместе наступает эпоха либерализма, поднесли ему хлеб-соль и адреса, когда Николай прочитал свою речь, которая была составлена III Охранным отделением, а земец-старик из Тверской губернии, слушая речь царя, затресся и уронил свой хлеб, за что и получил соответствующую награду в виде ссылки, я раз'яснил рабочим политическую обстановку этого дела. За это мне чуть не пришлось познакомиться с жандармами. Таких случаев со мной было очень много, всех не помню, да и пересчитать их все трудно было-бы.

Позицию, которую мы в политическом течении занимали, была позицией „Искры", т. е. большевиков. Как я уже говорил выше, преследования

меня продолжались и после ссылки, когда я работал в Харькове. Хоть и чувствовал за собой глаза охранки, все же не мог забиться в скорлупу семейной жизни и между отдельными товарищами вел беседы на политические темы того времени.

В двухмесячной стачке, которая разгорелась на Харьковском паровозостроительном заводе, я очень малое участие принимал, но все же агитировал за поддержку стачки среди тех рабочих, в которых имелось малодушие и недоверие к стачке. Я им указывал на важность ее и предлагал не сдаваться, а добиваться удовлетворения всех требований. Но, правда, стачка вспыхнула почти случайно и не в подходящий момент, а поэтому и была проиграна,—рабочие потеряли несколько из того, что имели.

Отдельно скажу о 1905 г. в Калуге. Прежде всего перед 1905 г. замерла как-то политическая жизнь в Калуге и я занялся ученьем. В 1904 г. я задумал жениться и вот накануне свадьбы я был в одном кружке; ночью принес много литературы для раздачи рабочим и спрятал ее на крышу развалившегося от ветхости сарая и накрыл изломанным из под навоза ящиком. На утро мне необходимо было итти на работу для ремонта машины. Я ушел часа в 4 утра, а в 5 часов утра ко мне на квартиру явилась полиция и жандармы. Они произвели целую вакханалию—перебрали и перерыли все, даже капусту и огурцы в погребе. Литература не была ими открыта, хотя и лежала на глазах и поэтому я уцелел в 1905 году. Во время жел. дорожной забостовки я был председателем комитета в мастерских и перед концом уже забастовки, когда терпенье рабочих стало лопаться, черносотенный элемент напускался полицией, схватили меня на канаве и хотели бить. Но и тут счастье было на моей стороне,—за меня заступились другие рабочие и не дали избить. Когда же окончилась забастовка и черная сотня была уже сорганизована, черносотенцы из котельного цеха вооружились трубами и железом и хотели двинуться на электро-станцию ко мне, для того чтобы убить меня. Начальник мастерских Савин призвал меня к себе в кабинет, где были и другие начальники Они стали меня уговаривать бежать домой, дабы спасти себя, а также и машины от поломки, но я отказался. Почему меня не тронули—неизвестно, но когда начались погромы, то хотели громить и меня. Я всех из дома пораспихал в разные стороны, а сам сидел и ждал погромную ватагу. Но и тут судьба меня спасла. Одному из толпы, как мне после передали, пришла мысль почти уже возле моего дома пойти громить адвоката Агурова, а Иванова оставить до завтра, и толпа с пением „боже, царя храни" повернула, и разгромила Агурова.

А. Иванов.

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА.

(Памяти М. П. Доброхотова).

Бывают люди, отличительной чертой которых является скромность, но не та скромность, что так хорошо укладывается в формулу: „смирение, паче гордости“, а скромность, какой отличаются сильные в интеллектуальном отношении люди, понимающие, что им дано и чего не дано, что они могут и в силах сделать и дальше чего не простирается сила их способностей и ума.

Такие люди поражают своей выдержанностью, стойкостью, уменьем всякий раз определить всю совокупность условий, при которых они могут действовать, уменьем, так сказать, использовать себя всего до конца, дать обществу максимум того, что они могут дать.

К числу таких людей принадлежал и покойный Михаил Петрович Доброхотов. Впервые с Михаилом Петровичем Доброхотовым мне довелось встретиться в Харькове в последний год реакции, наступившей после первой Русской революции, осенью 1910 года. Это было проклятое время: выйдя из Петербургской тюрьмы и попавши в Харьков, я увидел, что очень многие даже из „стаи славных“ предавались „унынию и празднословию“ и даже плевали на те жертвенники, где еще не так давно возвышались их боги. Разложение, маразм, уныние и даже прямое предательство царили в Соц. Демократической среде Харькова и только небольшая группка рабочих поддерживала священный огонь революции, да еще двое соц. демократов-интеллигентов не поддались растлевающему влиянию времени, это были—Борис Васильевич Авилов и Михаил Петровнч Доброхотов, оба Калужане.

Нам предстояла нелегкая задача,—отвоевать главные заводы Харькова у ликвидаторов, задача тем более нелегкая, что к тому времени во главе их стали два выдающихся человека, ныне тоже покойный Николай Павлович Скрыпник и рабочий.*)

Приходилось сплачивать рабочих большевиков, строить организацию почти заново, вести пропаганду, бороться с ликвидаторами, разоблачать их, завязывать связи с „Правдой“, заграницей, словом делать все то, что полагалось делать в подполье в те времена.

Но если у нас не было недостатка в организаторских силах, то ощущалась острая нужда в силах идейно пропагандистских. Б. В. Авилова, этого крупного и интересного человека, мы берегли, жаль было разменивать на мелочи (хотя должно сказать, что он никогда не отказывался ни от какой работы), а между тем человек, который бы вел в близком соприкосновении с рабочими идейно пропагандистскую работу был необходим во что бы то ни стало.

---

*) См. мою статью во втором сборнике из „Эпохи Звезды“ и „Правды“

Человек этот должен был быть человеком сильным в теории, знающим, с авторитетом, ибо Харьковские рабочие первого встречного пропагандиста слушать не стали бы.

Таким человеком и был Михаил Петрович, он у нас и исполнял роль ответственного пропагандиста.

При первой же встрече с ним я был поражен солидной эрудицией Доброхотова. Возвращаясь от Б. В. Авилова вместе с Михаилом Петровичем мы начали разговор о перспективах революционного движения. Михаил Петрович не торопясь, то с легким смешком, то закатываясь от смеха остроумно и ядовито высмеивал позиции противников большевиков и затем стал набрасывать широкую картину предстоящего революционного движения.

„Песня самодержавия спета, как сейчас помню, говорил он: через пять или десять лет, от мужицких голодовок и безработицы в городах, от внешней ли войны или от дворцовых комбинаций, от какого бы то ни было толчка, но революция будет. Вы только подумайте, какие гигантские экономические процессы идут во всем мире и в том числе в России“.

Михаил Петрович набросал кратко и ярко картину развития торжествующего финансового капитала: он хорошо владел многими языками и тогда уже хорошо был знаком с русской и, в особенности, с иностранной экономической литературой, подводившей новые итоги в области развития нового капиталистического развития. Термины, быть может, определения, какие давал Доброхотов тогда, были, конечно, не те, что мы даем теперь, но суть его построений ни чуть не отличались от тех, какие дали затем большевики в эпоху 1914—1917 годов.

Знание Маркса Михаил Петрович обнаружил изумительное. Все знают, как трудно было иметь в те времена в России все сочинения Маркса и Энгельса; Михаил Петрович имел все, что можно было достать по немецки и по русски. Окончив Филологический Факультет (он имел зачетное свидетельство за 8 семестров т. е. фактически окончил университет), он вместе с тем дошел до пятого курса Медицинского Факультета и имел огромный запас знаний: со своей доброй улыбкой тихим голосом, он цитировал любого латинского или греческого философа, свободно приводил подлинные выражения Гольбаха или Дидро и вместе с тем безошибочно указывал страницу в немецком подлиннике Гегеля или Маркса.

Однажды я был чрезвычайно поражен, когда Михаил Петрович, застав меня за подготовкой к лекции по историческому материализму и слушая, как я бранил Харьковские библиотеки, скромно мне сказал: „знаете, для Гераклита у меня есть выписки из диссертации Лассаля, а Демокритово учение я вам могу дать вместе с фрагментами из Дильса, а впрочем не стану сейчас занимать рабочих этими тонкостями“.

Он не принадлежал однако к тому сорту марксистов, которые отвергали, как это часто ныне встречается особенно среди пылких последователей Богданова, пользу изучения истории материализма,—нет, самый глубокий знаток этой истории, он только полагал, что в данный момент в боевых кружках нужно заниматься не Демокритом или верней не только критикой оружия, а, главным образом, подготовкой к тому, как скорее научиться владеть самым настоящим действительным, физическим оружием.

Но несмотря на свои вообще большия знания в области философии, химии, физики и даже математики, Михаил Петрович был исключительным знатоком истории и теории политической экономии.

Когда мы в 1913 году засели вместе в Харьковскую тюрьму и когда перед высылкой очутились в общей камере, истинным наслаждением было слушать по вечерам, как Михаил Петрович об'яснял товарищам по камере то или другое положение Маркса: просто, ясно он умел подойти к самой сложной проблеме, ибо он сам прежде всего для себя умел продумывать самые сложнейшие и темные вопросы теории.

Тогда же в тюрьме, наблюдая его, я не раз задавался вопросом: вот человек, обладающий недюжинными способностями,—памятью, быстрой со образительностью, огромным запасом знаний, необыкновенной теоритической выдержанностью и стойкостью, так почему же он не играет выдающейся роли в нашем движении?

И всякий раз задавая себе этот вопрос, я невольно глядел на Михаила Петровича, на его немного грузную «сырую» фигуру, добрые глаза и детски виноватую улыбку и начинал понимать: он был необычайно скромен.

Когда мне удалось ближе сойтись с ним, я увидел, что основной, определяющей все его поведение чертой его характера была та скромность, которая прежде всего пред'являет к своему носителю непомерно строгие требования. Такие непомерно строгие требования пред'являл Мих. Петрович и к себе. С его точки зрения после Маркса и Энгельса было только четыре человека, которых он считал достойными своего учителя это—Плеханов, Каутский, Ленин и Меринг.

Плеханова, как философа, Михаил Петрович уважал до обожания и всякий раз конфузливо говорил: «Такая философская голова, а вот... не понимает Ленина».

Из всех же остальных учеников Маркса он выше всех ставил Ленина и часто говорил мне: «Вот увидите, что Ленин скоро побьет их всех, в жизнь он врос со всей теорией Маркса, а они повидимому повторяют зады».

Я не хочу размалевывать покойного Доброхотова, как большевистского угодника, так сказать, канонизировать его, мне хотелось бы обрисовать его таким, каким он стоит передо мной и потому скажу здесь, что и ему, конечно, были свойственны слабости человечества.

Прежде всего это был превосходный товарищ, готовый поделиться последним с неимущими. Служа у П. В. Авилова в статистическом отделе Совета С'ездов Горнопромышленников Юга России (который, кстати сказать, он называл клоакой) и, получая приличное жалованье, он имел обыкновение каждый месяц оставлять рублей 10—15 про запас, но не с целью класть на книжку или вообще копить. Нужно было видеть его смущенную, наклонную к полноте фигуру, когда он в кругу своих подчиненных—сослуживцев студентов голодных и раздетых в грязной кухмистерской обыкновенно под конец месяца, когда у всех было безденежье, конфузливо и тихо кому нибудь говорил: «у меня есть свободные 5 рублей, возьмите». «Да, ведь, вам тоже нужно?» отвечали ему. «О, нет, „торопливо шептал Михаил Петрович:“, нет, табачек у меня есть и все, возьмите, ха, ха, ха!» и закатывался своим особенным заразительным смехом на а. И слушая его смех,

видя его добродушную фигуру, товарищ брал пять или десять рублей, хорошо зная, что в конце будущего месяца Михаил Петрович предложит ту же трешницу или десятку какому-нибудь другому голодному и раздетому товаришу.

Товарищи любили Доброхотова и потому, когда при получке жалованья, устраивалась обычная пирушка, его звали обязательно и где нибудь в дешевеньком ресторане Михаил Петрович за стаканом пива, с неизменной папиросой или дешевой сигарой в зубах, улыбался своей хорошей улыбкой и частенько слышался его добродушный заразительный смех.

В нашей нелегальной организации он был, как я сказал, пропагандистом и нужно было видеть, как тучная фигура Михаила Петровича осенью, в грязь, слякоть и дождь карабкалась на какую-нибудь лысую или холодную гору, где верст за семь от центра ожидал его рабочий кружок. Он пыхтел, падал, вымазывался весь в грязь, но все же лез в гору: опоздать на кружок для Михаила Петровича было недопустимым преступлением.

Все товарищи по нашей организации,—Матвей Константинович Муранов, Андрей Емельянович Пижиченко, Евгений Иванович Руднев и другие, я думаю, помнят тесную, жарко натопленную комнатку Николая Кобаненка, группу рабочих и Михаила Петровича, посвящающего товарищей в тонкости теоритической мысли Маркса.

Ни одного упрека нельзя было бросить этому знающему, умному и самоотверженному товарищу. Да, самоотверженному, несмотря на то, что Михаил Петрович не был боевой натурой.

Всякий раз, как требовалось проявление личной храбрости, уменья руководить толпой в боевых выступлениях, Михаил Петрович отходил на задний план, но конечно, не потому, что боевой жилки не было в его натуре.

Смеясь, как то уже в Петербурге, перед июльскими днями во время одного маленького столкновения с черной сотней Керенского, столкновения сорганизованного нашей военной организацией, Михаил Петрович говорил мне: «Ведь вот натура у меня! Понимаю, что от пули не спасешься никаким бегством, а как начнется стрельба, ноги сами бегут. И, главное, бежать то я не могу, ха, ха, ха!» И действительно, бегать Михаил Петрович не мог.

В мае 1913 года нас, т. е. руководителей Харьковской организации выслали по этапу в Полтаву, куда было всего несколько часов езды. Мы же, как выражался Михаил Петрович, «провоняли» на этапах около двух недель.

Никогда не забуду, как Михаил Петрович на предложение конвоира занять место на телеге в качестве привиллегированного, отказался и в невыносимую жару, кряхтя, взвалил себе на плечи шикарный мешок, сшитый ему моей женой. Мешок был парусиновый с малиновыми выпушками и лентами, но повидимому весьма неудобный, потому что Михаил Петрович то и дело поправлял малиновые ленты, на которых этот мешок держался. Но он не хотел выделяться из общей компании и стоически переносил все неудобства пешего этапа.

Этап был свирепый, Николаевский (по маршруту на г. Николаев) и вместо того, чтобы нас сразу отвести в Полтаву нас водили и возили

по какому то нелепому плану, то в Прилуки, то опять обратно, то на какую то станцию, то куда то в сторону.

В Полтаве Михаил Петрович, отдохнувши немного от тяжелого пути, сейчас же стал подумывать о побеге.

Дело в том, что нас выслали как будто только за пределы Харьковской губ., но, как только мы вышли из Полтавской тюрьмы, мы к величайшему своему огорчению узнали, что мы во 1) под гласным надзором и 2) что, это было всего неприятней, нас намереваются снова арестовать и отправить в Якутку. Предупрежденные об этом своевременно добрыми людьми, имевшими возможность ознакомиться с распоряжениями начальства, мы накануне, я при помощи своей жены, а Михаил Петрович при помощи Полтавских друзей, благополучно сели в вагоны и удрали заблаговременно.

После Полтавы, я не видел Михаила Петровича до 1917 года, когда, наконец, после долгих скитаний я был по постановлению П. К. большевиков вызван Подвойским в Питер в начале марта.

Здесь на квартире П. В. Авилова я снова встретил Михаилн Петровича.

Стану ли распространяться о том, что и здесь Михаил Петрович принимал самое живое участие в работе: во дворце Кшесинской Михаил Петрович был лектором военной организации и сотрудником газеты «Солдатская правда» и «Солдат».

Он уже давно жил в Питере, работал по подготовке к февральской революции, принимал участие в событиях февральских и мартовских дней, а с апреля вступил в работу военной организации.

Но и здесь при свободных условиях, он остался все тем же скромным, требовательным прежде всего к себе марксистом.

Прежде в нелегальные времена, он не принимал участие в литературе потому, что трудно было писать в наши органы за границу (в «Правде» он немного писал), а в легальной не с. д. прессе Михаил Петрович считал участие преступлением и не прощал этого даже Плеханову, теперь же он тоже давал в газеты немного статей и опять все по той же причине,— необыкновенной строгости к самому себе.

После переворота в октябре мы как то работали в разных областях но я знаю, что Михаил Петрович Доброхотов до конца дней своих оставался все тем же честным революционером большевиком.

Я написал в начале статьи «без страха и упрека» и не жалею, ибо не обладая боевой натурой, Михаил Петрович *теоретически* не боялся никаких выводов, как бы они решительны не были: лишь бы они были правильны.

И это его теоритическое безстрашие и удерживало всегда с нами, как бы он подчас не расходился с товарищами.

Крупная теоритическая сила ума, большие знания, необыкновенная способность наблюдения—все это были условия, которые могли поставить Михаила Петровича в первых рядах революционной армии; но его пуританская строгость к себе и делу мешали этому.

Об этом нужно жалеть, но этому нужно и радоваться, ибо Михаил Петрович был одним из тех ветеранов старой гвардии, которые полагают,

что не в местах, не в постах, не в кличках и не в личных выгодах заключается дело служения пролетарской революции и человечеству, а в уменье, в способности отдать всего себя этому делу, раствориться в массе, и, если нужно, умереть вместе с ней.

Теперь многие из молодых коммунистов сановников думают иначе.

Но не им скажет многое образ Михаила Петровича, а, кроме его соратников стариков, тем из молодых коммунистов, которые помнят, что не герои делают революции, а массы.

Такие коммунисты среди молодого поколения к счастью есть и для них, хотя бы и не знавших Доброхотова, страничка воспоминаний о нем скажет многое и, я уверен, они искренне подумают: вечная память борцу революционеру.

В. Невский.

Три прокламации Социал-Демократического союза учащихся г. Калуги в 1905 г.

I.

Учебный сезон осенью 1905 г. начинался в необычной, волнующей и возбуждающей атмосфере. Необ'ятная Россия со всех сторон загоралась революционными огнями; каждый день приносил потрясающие известия; с разных концов приходили вести о стихийно вспыхивающих стачках рабочих. События стремительно следовали одно за другим, иногда словно нагромождаясь друг на друга, и утомленный глаз и внимание невольно терялись среди этого грохота надвигавшейся революционной бури.

С'ехавшаяся с разных концов губернии учющаяся молодежь, раз'единенная летними каникулами, собравшись снова вместе в классах, менее всего могла в такой напряженной общественной обстановке оставаться спокойной. Сам собою возникал в старших классах вопрос, как быть, какое участие и в какой форме принять в общем движении страны, в ее борьбе с вековым врагом?...

Для социалистических групп и ячеек, которые были в это время, в каждой средней школе Калуги. ответ был ясен; с их стороны, напротив, выдвигалась задача, как сделать участие более внушительным, сильнее действующим и лучше достигающим цели. И первая половина сентября проходит в организационной работе, в выработке общего совместного плана действий, который разрабатывался на сходках за Окой и в других местах. С другой стороны, ими ведется усиленная агитация социал-демократического и революционного характера в своих и чужих учебных заведениях. Агитация эта была так заметна, что совет одной школы прямо отмечает ее в своих протоколах.

В результате этой подготовительной работы калужские учащиеся встретили октябрьские дни единым фронтом, сыграли в них очень заметную роль, озлобив до крайности черную сотню.

Руководящая же роль в этих выступлениях школьников выпала на долю социал демократической группы учащихся, состав который нам, к сожалению, неизвестен и которая потом именует себя социал-демократическим союзом учащихся.

Самоубийство ученика реального училища в сентябре послужило внешним толчком к выступлению сорганизовавшейся группы и ее заявлению,

что учащиеся не могут оставаться безучастными в общей борьбе с вековым врагом, ибо школа и ее строй тесно связаны с общими порядками страны и обновить ее удастся только тогда, когда учащиеся, примкнув к пролетариату, под водительством Р.С.-Д.Р.П., разрушат самодержавный строй. Это и было заявлено в прокламации от 22 сентября, которая была разбросана в стенах средних учебных заведений г. Калуги:

Ко всем учащимся г. Калуги.

Жизнь хороший учитель. Она не затемняет наши головы сказками Иловайского, бреднями богословия, синтаксическими хитросплетениями греческого и латинского языков, литературными красотами допотопных писателей, как это делает наша средняя школа. Нет, жизнь нам дает факты, и по этим фактам мы узнаем ту же самую жизнь. Разве не ярко обрисовано положение средней школы двумя последними событиями в гимназии и реальном училище?*)

Разве не встали перед нами во весь свой рост наши друзья—наставники, г. г. Миролюбовы и Макашевы?**)

Они в тысячный раз показали нам, учащимся, что делает учитель в русской бесправной средней школе.

Он, верный холоп высшего начальства, вышибает из храма науки своих питомцев. Он изощряет свое остроумие в грубых издевательствах над беззащитным третьеклассником; он, когда этот третьеклассник находит единственный выход из школьного болота в самоубийстве, назидает товарищей несчастного словами: „одним дураком меньше стало". И эти, с позволения сказать педагоги спокойны: они чувствуют, что они, как и любой городовой, составляют часть правительства, точно также бьющего студентов нагайками, клевещущего на курсисток устами продажных газет, расстреливающего в Петербурге 9 января не только рабочих, но и малых детей. Правительство имеет сыщиков и провокаторов; г. г. инспектора Калужской семинарии и реального училища не отстают. Они частичное проявление самодержавного строя. И тешится удалая опричина по всей земле русской, избивая, убивая, сажая в тюрьмы, преследуя свободную мысль. Где же же выход? Обратиться к жизни же.

Давно уже русская интеллигенция стремится сбросить с себя ярмо самодержавия, давно уже в России существуют революционеры. Но до конца XIX столетия все их усилия пробить грудью дорогу к царству свободы были безуспешны. Ни самоотверженное геройство отдельных личностей, жертвовавших собой, чтобы убрать с дороги какого-нибудь высокопоставленного мерзавца, ни хождение в народ не дали успеха. Между тем

*) Здесь разумеется самоубийство ученика III кл. Дм. Шкенева.

**) Макашев, преподаватель реального училища; Миролюбов—гимназии.

развитие капитализма создало новый класс,—класс пролетариев, т. е. наемных рабочих и класс этот в России, как и в других странах, стал передовым бойцом революции. Борясь за свое освобождение, рабочий класс борется против всякого насилия вообще, и мы видим, что рабочие и их партия, партия социал-демократии, поддерживает всякое возмущение против насилия, всякий протест. По всей России раздается громовой клич социал-демократов: „Долой самодержавие. Да здравствует демократическая республика“ Всюду рабочие выставляют тробовапие свободы слова, печати и собраний. А эти требования однородны с нашими требованиями, товарищи: Где нет свободы слова, там нет свободной школы. Где нет нет свободы печати, там факты, подобные недавним, могут быть неизвестными обществу. Где нет свободы собраний, там 5-6 учеников, собравшихся обсудить свои дела, могут быть избиты, разогнаны полицией. Где самодержавие, там произвол, насилие, нагайки, штыки, жандармы. Вывод ясен: или нам надо принимать участие в великой борьбе за освобождение России и в таком случае нам надо примыкать к единственной могучей силе Р.С.Д. Рабочей партии, или нам надо смириться и покорно склонить голову при виде всех возмутительных безобразий и насилий, которыми мы окружены в школе и вне школы, а тем, кто все-таки не может выносить безобразий—стреляться. Выбирайте товарищи! И если вы выбирете первое, примыкайте к нам, С-Д группе учащихся; готовьтесь серьезным изучением научного социализма к ответственной роли борцов за лучшее будущее; распространяйте идеи С-демократии среди своих товарищей, помогайте деньгами делу революции. Только тогда

К царству свободы дорогу
Грудью проложим себе.

По поводу последних событий были выпущены две прокламации ко всем учащимся. Одна от Калужской группы партии социалистов-революционеров, и тут проявивших свой революционный авантюризм заявлением, довольно......смелым, что партия С-Р больше других содействует приближению светлого царства социализма. Другая от Калужского Комитета Рос. С.-Д,Р. партии. Удивляемся Калужскому Комитету, не знавшему ранее в Калуге групп сознательных учащихся. Советуем ему помогать нам не сочувственными прокламациями, а чем-нибудь более реальным и не отказывать хотя бы в снабжении легальными книгами, как это делал Комитет, мотивировавший свой отказ тем, что учащиеся не хотят итти к нему в подданство.

Социал-демократическая группа учащихся г. Калуги
1905 г. сентября 22 дня.

Эта прокламация в некоторых учебных заведениях дополнялась своими частными прокламациями. Так в Духовной Семинарии одновременно с первой

того же 24 сентября была найдена начальством и другая прокламация, начинавшаяся словами: „Вот еще новая иллюстрация порядков нашей семинарской жизни“, резко протестовавшая против несправедливого распределения казенного содержания между учениками. Прокламация подписана „Группой борьбы“.

Это выступление было пробой сил, не прошло бесследно. В тот же день в цитадели православия и богословия—семинарской церкви пред началом всенощной собравшимися учениками был произведен внушительный шум. А в казенном реальном училище 22-23 сентября били стекла, были слышны два выстрела, бросали дробинками в преподавателей и непрерывно производили шум.

II.

Надвинулись славные и грозные дни октября. Газетные известия и письма о волнениях в других местах поддерживали и обостряли брожение среди учащийся молодежи. Осязательно чувствовалось надвигание и наростание неотвратимого, притягивающего, грозного раската. С 8-го октября в Москве начали становиться дороги узла, а 10-го уже бастовали все московские линии.. Оттуда забастовка стихийно перебросилась и в другие места, захватив в сферу своего влияния и калужские мастерские.... Союз учащихся энергично готовился к борьбе, собираясь то за городом, то в Техническом. училище. Подготовлялась всеобщая забастовка учащихся средних щкол. Она началась 11 октября в Техническот училище, которое пошло снимать гимназистов, реалистов и семинаристов.*)

В учебных заведениях была разбросана прокламация „Ко всем учащимся г. Калуги“, призывавшая прекратить занятия и примкнуть к общей забастовке для борьбы за лучшее светлое будущее. Вот она:

Ко всем учащимся г. Калуги

„Товарищи! Стыдно нам будет, если борцы за освобождение России от самодержавного гнета, борцы за свободу не увидят нас в своих рядах. Кровью своей люди эти готовы пожертвовать, чтобы успех революционного движения разростался все шире и шире И к этой армии примыкают все новые и новые силы, конечно, ее ядро, ее центр составляет могучий пролетариат. Волна движения разростается все больше и идет по лицу всей земли русской. Не найдется теперь почти ни одного местечка, где бы власти предержащие не дрожали и не боялись смелого крика: «долой самодержавие!» Большинство

*) М. И. Образцов в своей статье „Из революционного прошлого“ („из партийного прошлого“ т. I стр. 184) сообщает: что забастовка техников была 14 октября; на основании оффициальных документов утверждаем, что это было 11-го.

жел. дор. за последнее время забастовали, выставив не только свои частные требованяи, но и требования политические. Даже у нас в Калуге, этой мирной и тихой пристани, железные дороги примкнули вчера к освободительному движению. Даже у нас, наконец, поняли, что только борясь вместе, дружно идя на бой, можно завоевать себе свободу. Революционное движение идет и в учебных заведениях. Теперь бастуют учебные заведения в Туле, Харькове Воронеже и др. городах И мы повторяем, что стыдно в глаза нам будет взглянуть борцам за свободу родины, если мы сами не примкнем к общему движению, если мы не окажем ему поддержки. Калужский С-Д. Союз учащихся призывает вас, товарищи, совместно бороться с рабочими за лучшее светлое будущее. С этой целью он призывает вас прекратить занятия—забастовать и дружно потребовать от училищной администрации, чтобы она дала помещение для общих собраний, где бы вместе были выработаны резолюции о реоганизации нашей школы и об отношении к общему революционному движению.

Товарищи! Мы зовем вас стать под красное знамя свободы и зовем соединиться с пролетариатом, который, как говорит великий учитель К. МАРКС, потеряет в борьбе только одни цепи, а приобретет целый мир.

Долой самодержавие!

Да здравствует Р. С.-Д. Р. П!".

Прокламация напечатана на четвертушке петитом.

У нас имеются сведения о том, что делалось в это время в Духовной Семинарии.

Уже накануне—10 го вечером среди учеников шли споры по вопросу о забастовке и было заметно возбуждение, которое прорывалось во время всенощной. Утром 11 го, несмотря на то, что в Семинарию была принесена чтимая Калужская икона, ученики к обедне в церковь (домовую) шли с пением марсельезы. Пачальство было осведомлено о готовящейся забастовке и было настороже. Ректор—архимандрит даже не служил. Когда обедня закончилась и икону понесли по классам и службам Семинарии, то начальству сделалось известно о забастовке техников. Поэтому начальственные силы разделились: ректор пошел с учениками, которые ходили с иконой, а инспектор наблюдал за учениками, бывшими на верху. В это время к Семинарии подошла толпа техников, которым кто-то из квартирных учеников отпер дверь и они ворвались было в здание кучкой 10—15 человек, но были выгнаны Инспектором с лесницы. Тогда на поддержку им ринулась толпа свыше 50 человек, которых инспектор удержать уже не мог, и они свободно пошли по корридорам и классам с шумом и возбуждением, увлекая за собою семинаристов. В духовной Семинарии были беспорядки в ноябре 1904 г., за которые было много уволено наиболее активных учеников. Этим

до известной степени об'ясняется сдержанность семинаристов. Но ректор, уже осведомленный о вторжении техников, бросил „чудотворную“ икону и по телефону просил гражданскую власть о высылке охраны, справедливо полагая, что последняя будет гораздо действительнее незримой небесной помощи. Узнав о приближении казаков, техники быстро ретировались, потеряв двух пленных: одного задержанного в дровах, а другого пойманного около Семинарии.

Техники пошли в гимназию, которую и увели с собою, а потом вторично ворвались в реальное училище и оттуда увели большую часть учеников с собой.

На улице ходили тысячные толпы народа, которые разгонялись войсками. А в Семинарии с 12 ч. дня до 6 ч. ректор, инспектор, три помощника, надзиратель, а с 5 ч. до 9 ч. вечера и духовник были неотлучно при учениках и «постоянно беседуя то в одном, то в другом классе, то с группами на корридорах, выясняли как чисто личный [?] характер беспорядков, так и детали железнодорожный забастовки на почве экономических (?) недоразумений, а главным образом необходимость для учащихся семинарии уклоняться от какого-либо участия в этих беспорядках в виду бедственных последствий этого для них, для родителей и для Семинарии».

Однако, не надеясь на силу своего убеждения и опасаясь как бы чего не произошло вечером или ночью, ректор вызвал на ночь усиленную охрану, часть которой была размещена около здания, а часть введена в самое здание и даже была накормлена ужином. Мало того, вся прислуга приготовлена к охране; все окна были закрыты и шторы опущены. Ректор и Инспектор были наготове до 2-го часу ночи. Охрана была испрошена и на 12 число.*)

В 11 часов утра в этот день было созвано экстренное заседание Педагогического Совета.

В таких условиях ученики начали действовать с другого конца. Они указывали ректору на трудность хождения в классы квартирных, продолжительность предполагаемого движения, раздражительность против них неспокойных других учебных заведений учеников, свою взволнованность по поводу таких фактов, невозможность поручиться за всех своих товарищей и опасность из-за некоторых пострадать всем. Другие говорили, что рабочие и техники крайне недовольны и даже озлоблены на семинаристов за приглашение казаков; что при встречах они грозят семинаристам, а рабочие даже показывают ножи. Поэтому эти семинаристы просили убрать кордон.

Начальство было сбито с толку и склонялось к тому, чтобы прекратить занятия [их 11 и 12 и не было], не дожидаясь, пока они будут сорваны. Мотивировка заслуживает быть приведенной целиком „Толпы постоянно

*) 11 и 12 октября в семинарии не было занятий по случаю прибытия иконы и крестного хода.

ходят и грозятся напасть на семинарию. Есть серьезное основание предполагать, что участвующие в движении ученики и бывшие на сходках пригласят чернь и волнующуюся молодежь вновь к семинарии; может быть кто из воспитаников семинарии крикнет ей, прося освобождения от охраны, а это может сопровождаться крупною неприятностью. С другой стороны, и благоразумное большинство воспитанников еще не настолько сильно морально, чтобы удержать в случае вторжения массу и коноводов и очень боится насилия. Хотя власти приняли самые энергичные меры охранения Семинарии, но если масса двинется к Семинарии, и среди воспитанников семинарии окажутся сочувствующие, тогда и гражданские власти могут быть затруднены в подавлении беспорядков. Лазутчики из техников и гимназистов постоянно прибегают к собору высматривать семинарию и удобное время и позиции. Вообще положение может быть опасным и промедление рискованным. Подвоз продуктов которые уже дорожают, вследствие забастовки дорог может прекратиться, и хотя запасы семинарии начальством делаются значительные, все ж многого нельзя запасти в большом количестве, а недостаток продуктов может вызвать возбуждение среди учеников, которое может кончиться закрытием семинарии, что, в свою очередь, скажется раздражением родителей учеников, и вызвать новые обвинения на семинарское начальство. Поэтому в целях охранения наших юношей от насилия и от подневольного печального участия в беспорядках, было бы весьма полезно прекратить, предохранительно, а не карательно, уроки недели на две". Немедленно была дана телеграмма в Петербург архиерею, согласие было получено в тот же день и семинаристы были распущены на две недели, а потом и ещё на две, до 15 ноября.

III.

Медовый месяц возвещенных манифестом 17 октября свобод прошел, и обнаружились явные признаки реакции. Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, с своей стороны, перешел в наступление и вынес 22 ноября постановление, приглашавшее брать вклады из сберегательных касс. В ответ на это 26 ноября был арестован председатель Комитета Хрусталев. Совет 27-го выносит резолюцию о подготовке к вооруженному восстанию. 1-го декабря депутация членов союза русского народа просила Николая II-го о созыве вместо Думы Земского Собора. А второго декабря был опубликован знаменитый „финансовый манифест" Совета Рабочих Депутатов, Главного Комитета Всероссийского Крестьянского Союза и Центральных Комитетов Партий С-Д и С-Р. Третьего декабря Совет Рабочих Депутатов был арестован целиком. В ответ начинается декабрьская железнодорожная забастовка с 8 декабря, которая в Москве переходит во всеобщую забастовку,

9-го декабря вечером в Москве вспыхивает вооруженное столкновение в доме Фидлера, а с десятого строятся баррикады.

Слухи и вести о всех этих событиях быстро доходили до Калуги. В таких условиях Социал-Демократический Союз учащихся выпускает 12 декабря новую прокламацию, призывающую присоединиться к бастующим и подхватить лозунги революционного пролетариата: „Да здравствует всеобщая политическая забастовка!“. „Да здравствует вооруженная востание!“.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Ко всем учащимся г. Калуги.

Товарищи! В эпоху, которую мы переживаем, эпоху Великой Русской Революции, народ вступил в упорную и ожесточенную борьбу с царским самодержавием за свободу и лучшую жизнь. Наш долг, товарищи, вступить в эту борьбу, быть солдатами освободительной армии, если мы не хотим сделаться изменниками и трусами перед родной страной. Революционные партии и пролетариат об'явили вторую всеобщую забастовку, сопровождаемую вооруженным восстанием. В столицах забастовка уже началась. Скоро вспыхнет пламя революционного пожара и у нас в Калуге. Товарищи! неужели мы останемся пассивными зрителями того, что происходит, неужели мы не присоединимся к бастующим и не отдадим нашему кредитору народу свои молодые свежие силы! Время ли теперь спокойно сидеть в своих учебных заведениях и спокойно заниматься своими личными делами? Нет, товарищи, народ требует отплаты; народ с испокон века сносивший нетерпимое и угнетенное положение, теперь сбросил ненавистное ярмо и гордо поднял красное знамя свободы. Забастовка, теперь об'явленная является решительным сражением революционеров с правительством; оно, подрываемое финансовым крахом, теснимое со всех сторон восставшим народом, скоро рухнет окончательно. Но, товарищи, не нужно забывать, что только в единении сила, что только совместными и дружными действиями можно покончить с врагом. Одни столицы сделать могут мало; только вся Россия— вся целиком сумеет разрушить монархическобюрократический строй. Сознают это рабочие и солдаты Калуги.

Товарищи! Мы призываем Вас примкнуть ко всеобщей политической забастовке, призываем к соединению с революционным пролетариатом. В настоящее время, когда вся страна переживавт великие святые дни революции— школьные занятия пока к чорту! Оставим мертвых, а живые идите к жизни! Выставим принципом нашей забастовки полнейшую солидарность с бастующими и присоединение к ним, и потребуем удовлетворения тех нужд, о которых мы заявляли в первую забастовку и которые наше начальство

преступно замолчало. Не бойтесь репрессий; их не посмеют по отношению к нам предпринять.

Итак, товарищи, подхватим лозунг революционного пролетариата:

Да здравствует всеобщая политическая забастовка!

Да здравствует вооруженное восстание!

12 декабря 1905 г.

Социал-Демократический Союз учащихся г. Калуги.

Подлинник на поллисте, напечатан на гектографе.

Как ответили учащиеся на этот призыв?

В наших материалах имеются сведения только о казенном реальном училище.

Ученики старших классов этого училища собрали в улищной зале 12 декабря сходку, на которой было решено примкнуть ко всеобщей политической забастовке. О таком постановлении начальству заявили уполномоченные от собравшихся—ученики Н. Билибин и Шноор.

Начальство признало, что при слагающихся условиях правильный ход занятий невозможен, что группа забастовавших учеников будет всячески мешать продолжению занятий, и постановила прекратить занятия и распустить учеников, до 9 января. А в декабре утром в училище „проникли" гимназисты, техники, гимназистки в количестве до 100 человек и хотели устроить митинг, который однако не состоялся, потому что не прибыли ораторы, от которых ожидались руководящие речи. В 12 часов собравшиеся разошлись.

Что делалось в других школах, в наших материалах нет сведений.

М.

Воспоминания члена РКП(б) Василия Васильевича Торбина.

Я—сын литейщика Калужской губернии, Тарусского уезда, Солопеновской волости, села Мышега. После смерти отца, с 5 и до 11 лет воспитывала меня мать со старшим братом (тоже литейщик). Когда мне исполнилось 11 лет, моя мать умерла, а брат уехал в Сибирь и я, оставшись сиротой, принужден был скитаться по чужим семействам, дабы достать кусок хлеба, потому что пожитков от родителей никаких не осталось и крестьянством они не занимались, а что осталось от отца, то мать за шесть лет все прожила на содержание и обучение нас. Проживши один год по людям, я совершенно обносился. 13-ти лет поступил тоже в литейную мастерскую Мышегского завода в мальчики за плату 15 коп. в день, следовательно за 3 р. 60 коп. в месяц, без прогулов. Условия работы в мастерской были плохие,—защитника не было и кто хотел—бил, смеялся, но я все переносил. Пробыв в таком мучении 2 года, перевелся в другую бригаду. 2 литейщика—Сергей Зорин и Аким Шканичев, которых я узнал, были старые партийные работники, члены РСДРП.—Жизнь стала лучше. Указанные товарищи поставили меня на полное содержание и этим самым вовлекли в свою партию, точно меня испытав в годности для их партийной работы. 15-ти лет я вступил в ряды РСДРП. Я стал получать задания: всю получаемую нелегальную литературу и прокламации хранить у себя, потому что на меня подозрений не было никаких, а у т. т. Зорина и Шканичева были очень часто обыски. Меня вызывали для опроса, в надежде, что я может быть что нибудь расскажу,—не проносится ли литература на завод и пр. Показавши прокламации говорят: если ты нам укажешь, кто приносит их, мы скажем заводоуправлению, чтобы тебя перевели на лучшую работу и повысили оклад жалованья. Однажды я жандармам сказал: видел один раз у городового, который находился в проходной, несколько листков таких. С этих пор пошла у меня самая горячая работа по расбрасыванию прокламаций. Это было в 1904 году. Как в заводе по цехам, так и по деревням, приходилось класть прокламации под конюшни, на крыльцах, дорогах, в городе Алексине—в трактирах; прокламации вкладывались в журналы. Как-то в конце года приехала черная карета. Арестовали и увезли в тюрьму моих товарищей и я остался 1 член партии. После вступили еще 2-ое членов новых—Городищев и Зайцев. Стали продолжать работу,—устраивать в Петровском лесу и Алексинском бору митинги. Приезжали ораторы из Калуги, обращались ко мне и назначали митинги. Спустя 3 месяца вернулись товарищи из тюрьмы. Их освободили потому, что не было вещественных доказательств при обыске, а арест был произведен только по доказам со сторо-

ны администрации. Тут вновь закипела работа. В 1905 году мною была организована демонстрация с красным флагом с надписью «ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА». Демонстрация началась с 32 челов., а спустя $^1/_2$ часа было уже около 200 человек. Местная полиция ничего не могла сама сделать, вызван был ею пристав, который повстречался с нами около завода и остановил нас, идя прямо ко мне, потому что флаг был у меня и мною был сделан. Спрашивает, кто вам разрешил шествие, и сразу схватил за полотно одной рукой, а другой рукой схватил за свой револьвер. Я ответил, что ему нечего знать, кто разрешил. Он в этот момент отломал половину палки с полотном, у меня осталась нижняя часть палки. В этот день был праздник и нас окружило много народу. Все были на моей стороне. Приставу я кричал, что он не имеет права грабить днем, что я купил полотно за трудовые деньги и прошу возвратить. Окружающие вступили с ним в большие разговоры. Пристав флаг держал за спиной. Так как я был ростом очень мал, то пока он говорил, я проскользнул назад и в одно мгновение флаг был у меня; я ему зубами укусил кисть руки и при выхвате флага гвоздем распорол ладонь. Сквозь толпу я убежал в деревню, где флаг сбросил в колодезь. Пристав отправился в больницу, а я добежал до станции Рюриково и через 15 минут ехал в Тулу, а оттуда—в Москву.

Член РКП (большевиков) **В. Торбин.**

Из истории Калужской организации Р. С. Д. Р. Партии 1905—1907 года.

I.

В первой своей статье я упоминал, что Калужская Группа вначале и до середины 1905 года была в апогее своей силы. С средины лета активные ее работники начали убывать. Расчеты оставшихся работников на под'ем работы уповали на приезд в Калугу учащейся молодежи по окончании летних каникул. Расчеты эти оправдались в очень незначительной степени. Стал функционировать ряд кружков, оживились почти еженедельные массовки, завязалась нелегально профессиональная организация среди типографов, делала попытки расшириться касса взаимопомощи среди рабочих ж. д. мастерских, упрочился кружок среди женщин винного склада под руководством Л. К. Циолковской— и это почти все по старым связям.

Но не смотря на ограниченные силы Группе удается завязать связи и положить основу организации среди войск.

Первая живая связь установилась через семью Троицких*) (по Горшечной улице) с местным военным лазаретом и артиллерийской бригадой, стоявшей против квартиры Троицких. Создался кружок человек в 5, на собрание массовочного характера приходили до 10-ти человек.

Вторая связь установилась с нестроевой ротой 9-го полка или 225 баталиона (точно не помню) через портного Баевского, имевшего мастерскую около Московских казарм по Московской улице. Возникла она просто: т. Баевский когда то сам служил в полку,—еврей. Помимо старых знакомств, к нему были вхожи все евреи гарнизона. Создался кружок человек 5—6, которому в октябрьские дни суждено было разростись довольно в крупную организацию.

Война с Японией как нельзя более способствовала успеху агитации, но, к сожалению, в первое время солдаты встречались мало энергичные; боялись даже распространять прокламации в казармах, конспирировались от рабочей организации и на собрания ходили с большой «оглядкой».

К октябрьским событиям 1905 г. военные кружки насчитывали не более 10—12 человек, собиравшихся по условиям военного быта не-

*) В это время Зинаида и Мария Александровны Троицкие—гимназистки Казенной гимназии состояли в кружке учащихся и помогали в технике Группе, привлеченные М. Образцовым, в то время учеником Технического училища.

регулярно. Квартира т. Баевского была настоящим штабом. В любое время дня и поздно вечером там можно было встретить одного—двух товарищей, улучивших минутку забежать за литературой, обменяться новостями, дать материал для прокламации и т. д.

С первой волной октябрьского движения квартира Баевского делается тесна от притока новых членов. Кружки приходится перестраивать в полном смысле в *«военную организацию»*. По необходимости в том же доме при входе с одного двора снимается новая квартира, в которую с Дровяной площади перешел т. Максимов—«Клим».

Посетители,—по личному делу к Баевскому, партийные к Максимову—ходили через одни ворота, отвлекая внимание полиции от настоящей конспиративной квартиры, т. к. хождения евреев к Баевскому она наблюдала уже не один год и давала им другое об'яснение

На случай же обыска у Баевского по какому либо «сумлению» полиции, она у него не застала бы партийных тов., а тем временем с кв. Максимова можно было бы бежать, уничтожив улики.

В качестве организаторов и пропагандистов на работу среди солдат из'явили согласие и пришли за мною, кроме Максимова и Баевского, Ив. Стефанович—вольноопределяющийся и Кизик (техник).

Активно действующую организацию из одних солдат трудно было сколотить за их малосознательностью, разбросанностью по городу казарм, тяжелой караульной службой, а более всего потому, что в казармах невозможна была вообще какая либо техника пропаганды и агитации. Все же работа шла очень оживленно. Под ее влиянием одна рота, посланная в то время на усмирение крестьян в Козельский уезд, отказалась стрелять.

Когда организация разрослась до 40—50 человек, в ней выдвинуты были некоторые общие вопросы с боевой дружиной и рабочей организацией. В начале или средине ноября в комитете военной организации был поставлен вопрос о нападении на военные склады оружия с целью захвата его для боевой дружины.

Трудно предположить, чем бы кончились задуманные предприятия, если бы не провал наш в мастерских на митинге в декабре, когда арестовали Кизика; мне, Максимову и Стефановичу пришлось бежать в Москву и дело осталось на руках одного т. Баевского.

На сколько деятелен был последний, показывает быстрый упадок военной организации весной 1907 г., когда Баевский был выслан из Калуги. Все же помощью его связей непартийными солдатами было похищено около 100 винтовок, купленных Кавказской организацией в 1907 г. по 8 р. за штуку.

За нашим провалом и от'ездом в Москву последовали так—же демобилизации после Японской войны, что не мало способствовало временному упадку дела.

Организованные т. солдаты в ноябре и декабре 1905 года постоянно жаловались на недостаток массовой работы. Комитетская техника изданий нелегальной литературы для военной организации ничего не могла сделать. Приходилось с большой тратой средств и энергии

издавать самостоятельно или получать ее из Москвы, а главное,—решили перейти к митинговой работе.

Этот вопрос был выдвинут и еще одним важным обстоятельством. В конце ноября уже чувствовалось, что мы стихийно приближаемся к вооруженному восстанию. Наша боевая дружина была слаба на столько, что без поддержки войск не могла бы в какой либо степени повлиять на события. Расчетов на поддержку рабочей массой так же у близко стоявших к ней (см. ниже) не было. Лишь мечталось о возможности вызвать забастовку, и то неуверенно. Ставился вопрос даже так: кому надо начинать,—войскам или рабочим. Нам, работавшим в том и др. районах, было ясно, что ни те, ни другие без уверенности друг в друге не выступят. Следовательно, вызвать массовые движение среди солдат было необходимым условием в расчетах на успех забастовки и т. д.

Товарищи солдаты взять на себя инициативу и открыто выступить на митингах не рисковали. Притти людям со стороны в казарму и своими усилиями что либо сделать было абсолютно невозможно. Нужен был герой из военной среды,—кто бы открыто начал. И такой герой в нашей организации нашелся—Ив. И. Стефанович*). Т. Стефанович вызвался на своем ротном дежурстве собрать на митинг батальон; требовались в помощь агитаторы. Мы организаторы и пропагандисты партийной тактики и программы плохо знали военный быт и службу солдат, а знать их было необходимо.

Порылись в литературе и в одном из нмоеров *Социал-Демократа*, нашли статью, в которой, до некоторой степени, освещался этот вопрос. Решились выступать с тем, что имелось.

Часов в 7 вечера на кв. Максимова пригладили мне шевелюру под солдатскую фуражку, облекли в шинель и в сопровождании одного из товарищей и проникли в казарму у Московских ворот.

Встретил нас Стефанович, нашлись еще человека 5 своих, разослали их по всем казармам баталиона на противоположную сторону улицы приглашать на собрание в роту Стефановича по вопросу о—«скверной пище, холоде в казармах» и т. п.

Ожидали с полчаса. Медленно тянется время. Кто то из солдат задает мне обычный вопрос:—какой я роты?

— «Тринадцатой», отвечаю я, случайно помня такую в загородносадских казармах.

— «Как у вас живется... каково начальство... в казармах»? —следуют вопрос за вопросом.

Я скромно отвечаю: «ничего... так себе... скверно», чтобы не сделать себя заметным.

Как то сразу наполнилась казарма солдатами,—человек 300. С непривычки выступать на митингах с малым запасом знаний военной службы, невольно охватывает волнение. На счастье первым высту-

*) Иван Иосифович не по праву почти забыт сейчас даже в партийных кругах Калуги. Сын машиниста. Техник из Калужского технического училища. Перед тем как поступить вольноопределяющимся в войска. работал в ж. д. мастерских. Погиб в Сибирской тайге.

пает Стефанович, об'являя цель собрания и привлекая внимание к материальным вопросам. Кончил...—моя очередь на тему: служба, события, роль армии и т. д.

Поднимаюсь на табурет. Распространяюсь о тяготах караульной службы в трескучие морозы в жалких шинельках; говорю о скотском и рабском существовании солдат. Перехожу к концу речи к роли солдатской массы в теперешнем движении, приводя славный пример Киевских сапер. В начале слушают внимательно, к концу видимо многие насторожились.

Вдруг по лестнице с нижнего этажа из дежурной комнаты вошли, позвякивая шпорами, командир баталиона и дежурный по части офицер с фельдфебелем.

Я прервал кончавшуюся речь. Заговорил полковник...— Братцы, что вы собрались, что вам нужно? В заботах о вас Царь батюшка увеличил вам жалование*), стали больше выдавать сахару... улучшили пищу...

В этот момент из рядов заголдели глухо и осторожно. Потом среди всеобщей тишины быстро нашелся Стефанович: поднес с дежурного столика миску с супом и, поднимая к носу полковника, громко и отчетливо задал вопрос:

— Эти-ли помои вы называете улучшенной пищей? Вот... сегодня их никто не ел. Может быть вам прислать на ужин?!

Произошло некоторое замешательство. Полковник смущенно обратился к Стефановичу:

— Вольноопределяющийся... удивляюсь. Вам то плохо...—Потом снова к солдатам:

— Братцы, я должен передать командиру полка. Если вы не прекратите сходки,—это сочтут за бунт...

На последнем слове кто то из солдат с криками —«вон» сбил висячую лампу. Масса заволновалась, зашумела. Послышались крики;

— Дай ему по роже миской! Негодяй! и т. д. Дежурный с полковником быстро ретировались по темной лестнице.

С трудом удалось восстановить порядок. В темноте кто то из пришедших вольноопределяющихся говорит коротко с призывом к борьбе и отказом от подавления восстаний... предлагает принять требования об улучшении быта и созыве Учредительного Собрания. Раздаются со всех сторон голоса:—«принимаем!» Слышно, что многие уходят. Митинг об'является закрытым. Выкатываюсь в общей массе и я за ворота.

Через четверть часа на конспиративной квартире встретили меня с несколькими солдатами Максимов, Баевский, Кизик и Попов Н. (случайный посетитель, пропагандист рабочих кружков). Делимся впечатлениями и неудовлетворительными результатами митинга. Ставим себе вопрос об организации митингов на какой нибудь квартире солдат с рабочими. Но поздно... события опережают.

---

*) Действительно, с 48 коп. в 3 месяца—до 50 коп. в месяц рядовому.

В этом мы убедились через сутки, когда поступили сведения о восстании в Москве, а весь вечер—мысли, разговоры и беспокойства за Стефановича: как то он выкрутится из положения перед начальством, как то передаст требования, принятые на митинге и т. д. Общее мнение:—если события не примут иной оборот... бежать—лучший выход.

Через два дня несколько солдат присутствовали на рабочем митинге в д. Колесниково (на ветке), где Комитетом было выявлено предпоследнее усилие призвать к забастовке и вооруженному восстанию. Еще через день митинг в мастерских ж. д. и наш провал.

В той же военной организации еще в ноябре выделилась небольшая группка человека в 3 солдат для работ по изготовлению бомб. Обратились за помощью в К. К. или скорее к т. Фоссу, у которого почти ежедневно можно было встретить одного из опальных офицеров горнизона, находившегося под судом за отказ по убеждениям отправиться в поход против Японии*). С ним то познакомил меня Фосс. Он очень охотно отозвался на наше предложение. Рассказал нам о некоторых химических составах бомб и их конструкции, а сам по собственному проэкту на каком то заводе заказал для них оболочки.

Первую пробу действия своеобразных ручных гранат в цинковой пока оболочке сделали в Лаврентьевской роще. Накануне ночью валил хлопьями снег. По такому конспиративному делу я пригласил М. Образцова. Рано утром мы шли по дороге Ямской улицы, осторожно придерживая в кармане «страшные бомбы». Впереди нас по той же дороге шагал околоточный. Я пошутил:

— Не попробовать ли на нем наши «рецепты»? Образцов задумался... поглядел по сторонам как бы соображая:—«не стукнуть ли на самом деле»?

Надо было зайти на вокзал ко мне—повидаться на службу, а потом в лес. Особенно боялись «толкануться» о кого нибудь в толпе из пассажиров: как бы не взорвались! Ходили все время—руки в карманы.

Но вот лес и овраг. Увы... страхи были напрасны. Как не бросали их вниз с крутого берега,—они не рвались.

Пробуем прострелить одну из гранат. Она горела красивым зеленоватым бенгальским огнем... вот так «химики»!

Новые рецепты и новые пробы до самого провала, пока при обыске у меня на квартире жандармы не извлекли десятка полтора кульков с «пробными» веществами, скомбинированными по группам. Опечатывая „вещественные доказательства“ сюргучной печатью, долго и осторожно крутились с ними жандармы с нескрываемым испугом, под сердитое ворчание моей покойной мамаши.

На этой стадии развития нас захватили Декабрьские события и провал. Работа, как я сказал, осталась на плечах т. Баевского

*) Фамилия его мною забыта. В феврале 1906 года я его встретил в статском. Оказалось—он был осужденным на 3 года военной тюрьмы с лишением чинов и до утверждения приговора суда бежал за границу.

и временно замирает. Много уезжают по демобилизации. Работа снова возобновляется с осени 1906 года, о чем речь впереди.

II.

Вполне естественно, что военная организация персонально и в работе имела много общего с боевой дружиной.

Октябрьская революция 1905 года, несмотря на свою относительную широту, в отличие от Февральской 1917 года не заменила полицию народной милицией.

На постах, где с первых дней революции 1917 года выдвинулась фигура рабочего и студента, в 905 году красовался напуганный городовой, а за демонстрациями и по собраниям рыскали как «гончие» околотки и «шпики».

Широкие массы горожан и большинство в массе рабочих наивно верили в «завоевание свободы». Голос партии, призывавший на подготовку к вооруженному восстанию, не находил должного отклика.

Учитывая это, Р. С. Д. Р. П. особое внимание уделяла на работу среди войск и в то же время стремилась создать передовые вооруженные кадры из партийных организаций и революционных рядов рабочих, вокруг которых, мыслилось, организуется будущее движение масс при новой битве с правительством.

Огромную трудность представляли из себя практические вопросы вооружения. Требовалось оружие, годное для борьбы в решительный момент с правительственными войсками. На лицо лишь у немногих были жалкие Смит-Вессоны да Бульдоги, в редких случаях у некоторых интеллигентов пистолеты «Браунинг».

Ряд повсеместных погромов, в том числе и в Калуге, в первые же дни октября, дали больно почувствовать важность и спешность организации боевой дружины и вооружения.

В Калуге банды черносотенцев под охраной полиции и казаков, под руководством пристава Лаврова, начали погром с раннего утра 20 или 21 октября.

Вечером перед погромом заседала *Калужская Группа* и постановила: войти в сношение с Союзом С. Д. по вопросам об общих тактических выступлениях, а с Союзом и К. К. С. Р. еще и по вопросу об организации боевой дружины. На другой день с 10 часов утра начавшийся погром заставил нас спешно собраться на кв. Максимова («Клима») по Дровяной площади. «Союз» еще не был извещен; от Группы присутствовали—я, Максимов и Кизик, от С. Р. первый попавшийся из Радиловых (вольноопределяющийся) и кажется М. Троицкий*) из Татаринского переулка.

За малочисленностью у нас оружия, мы предложили С. Р-ам учредить общий штаб на паритетных началах, приступить к организации боевых дружин и сейчас же разрешить вопрос, как противодействовать начавшемуся погрому.

*) М. Троицкий С. Р. с анархическим оттенком ни в каком родстве и даже знакомстве с семьей Троицких по Горшечной улице не состоял.

Радилов заявил, что он, придя больше по личному с нами знакомству, на вопрос о боев. дружине за свой Комитет ответить не берется и передает вопрос на его разрешение, что-же касается сегодняшнего дня, то ему известно: сейчас погром на Благовещенской улице, направляется по Никитской к площади; по списку черносотенцев намечена к погрому их (Радиловых) квартира, поэтому он спешит собрать некоторое оружие и спешно перевести к себе на кв. для обороны, где его братья сейчас заняты забаррикадированием окон и дверей. Мы предложили свои услуги притти им на помощь. На это Радилов с полной уверенностью и даже с каким то особым удовольствием отвечал:

— Не беспокойтесь, мы им всыпим,—у нас есть винтовка, 2 бердана, ружья и револьверы. Если по ходу дела потребуется помощь, мы вам сообщим.

С этим С. Р. ушли

Мы решили: Кизик сейчас же отправится в технич. училище что-бы предупредить о возможности нападения на него (училище), призвать партийную организацию и учеников к вступлению в боевую дружину и вооружаться кто чем сможет. Максимов должен был дежурить на квартире, а мне отправиться для переговоров к Фоссу и наведаться в рабочий район.

С Фоссом решено было начать немедленно организацию совместной дружины, приступить к сбору средств на оружие, обратиться к интеллигенции с просьбой сдать оружие в дружину на временное пользование.

Как потом выяснилось, одновременно по собственной инициативе некто Шалаев близкий к «Союзу» многими знакомствами человек с большим темпераментом и в некотором роде эксцентричный, носился по «общественным деятелям» и кадетам с призывом к оружию и с просьбой на оружие. Те, по выражению из одной древней Египетской легенды о потопе,—«сидели как боги, поджавши хвосты», много охали и «сочувствовали», но дать ничего не дали. Большинство обещали помочь, а нервные зажимали уши, выражая ужас и отвращение к крови. Говорят, кто то из них даже ответил:—«Что Вы... Вы хотите настоящей революции?!..

В этот день убит был студент Радилов. С. Р-ы понадеялись на свои силы. Братья Радиловы с кем то из своих С. Р-ов встретили погромщиков стрельбой из окон верхнего этажа. Стреляли картечью из ружей, оставляя в запасе две винтовки Гра заряженными для стрельбы специально по приставу Лаврову.

Лавров, конечно, этого не мог знать, но сметил, что его фигура в толпе будет первой мишенью и потому во все время перепалки прятался за лавченки Трубянской площади.

Картечь много ранила, но не убивала, поэтому первоначальный испуг главарей погромщиков скоро прошел и нападение яростно повторилось. Только пытавшиеся проникнуть в окна падали под пулями. Тогда

погромщики решили поджечь дом. Некоторые же спьяна ломились в дверь и падали под выстрелами из револьверов.

Защищавшиеся подготовили еще заранее себе путь для побега через чердак в слуховое окно на крышу соседнего дома и на Воробьевскую улицу.

Положив на месте самых ярых погромщиков, когда последние стали поджигать дом, все С. Р-ы незаметно ускользнули. Студент же Радилов, прикрыв отступление товарищей, вместо того чтобы скрыться тем же путем,—выбежал с двумя Браунингами в руках прямо на толпу и открыл стрельбу.

На бегу один из солдат ранил его штыком вынутым с пояса из ножен. Родилов упал, но отделался несколькими тумаками в спину, выронив один из Браунингов. Поднявшись, бежал на Ильинскую и Спасо-Жаровскую улицу, преследуемый несколькими черносотенцами. Погоня была слабая. Но вдруг он натыкается на новых погромщиков и получает удар камнем в голову. После удара он падает, теряя сознание у паперти церкви, что против бывшего Епархиального училища.

В тот момент на месте случился мой отец, старик 60 лет. Он и вышедший из церкви священник с крестом долго уговаривали толпу, заслоняя собою Радилова. Толпа между тем все прибывала. Появились новые свирепые пьяные лица и камнями еще нанесли ему несколько ударов. В бессознательном состоянии он был отправлен в больницу, где через сутки умер.

На второй день погрома нам стал известен список квартир, намеченных к погрому. В этом списке фигурировала и наша «коммуна», квартира Максимова и некоторых членов «Союза».

Таким образом образование дружины являлось не только идейным партийным делом, но и вопросом самозащиты.

На второй день погрома на собрание по вопросу о дружине явилось свыше 30 человек рабочих и техников. Самым важным вопросом фигурировал вопрос об оружии. Решено: выпустить подписные листы, организовать сбор средств на оружие на митингах, организовать ряд вечеров в пользу дружины, постараться выкачать оружие у интеллигентов (у многих из них были Браунинги—вещь модная в то время).

Кто то предложил «провоцировать» погром натравлением погромщиков на казенные винные лавки.

Нельзя было установить, кто был причиной тому, что к вечеру на второй день, погромщики «увлеклись» и ударили по «казенке», кажется на Московской улице. Пришлось даже «безучастным» казакам и полиции вмешаться в дело.

Произошло небольшое столкновение.

Тем временем охрана «спокойствия» в городе перешла к войскам гарнизона и на 3-й день произошел интересный случай.

Отряд конных артиллеристов человек в 50 с нагайками, под командой молодого поручика (фамилии его не знаю) около 11 часов медленно спустился вниз по Никитской улице и повернул к площади. Там

с иконами и портретами царской семьи уже организовывалась порядочная толпа погромщиков. Не доезжая до них шагов 50-80, отряд остановился.

—„Охрана“, думали погромщики.

—Разойдись! крикнул поручик.

Как бы в ответ, толпа зашевелилась, сплочиваясь к знаменщикам и запела:

—Боже царя—храни!!!, а с другого конца затянули,—

—Спаси господи люди твоя...

Без каких либо других предупреждений, поручик что то не громко скомандывал, с рассеянной грацией наклонился немного к седлу и рысью с отрядом врезался в толпу.

—Я за царя!—кричит один из портретистов.

—Вот тебе за царя! отвечает поручик, перепоясывая его через плечо плетью.

Многие под лошадьми падают, раздаются крики. Потом как то сразу все стихло и точно вихрем разнеслось во все стороны.

Увлекшись, некоторые артиллеристы на бегу подхлестывают братцев.

Так кончился погром...

Покончив дело, отряд ленивой рысцой пересек площадь и, завернув на Облупскую улицу, скрылся.

Так кончался погром, но не миновала опасность отдельных нападений на квартиры наших товарищей.

Так, в день первого музыкально-вокального вечера в техническом училище в пользу дружины, носились упорные слухи о нападении черной сотни. Вооруженные товарищи все были вызваны для охраны. От С. Р-ов с квартиры М. Троицкого мною были привезены 4 винтовки Гра, 2 ружья, несколько шашек и 4 ящика патронов.

Вечер прошел оживленно. Сбор тоже. Через неделю поступили некоторые средства от „Союза“. Были куплены несколько Наганов, а в большинстве случаев револьверы Смит-Вессон. К началу или средине ноября вооруженных было до 40 человек. Началось их обучение стрельбе. Для этой цели почти ежедневно дружинники по вечерам, а в праздники днем собирались в техническое училище. Там в длинных комнатах общежития велась практическая стрельба по фигурам нарисованным на классных и чертежных досках. Не обошлось и без печального случая. Несколько товарищей во главе с Максимовым однажды отправились за реку в лес. Там случайным выстрелом сам себя застрелил тов. Тулин.

Конечно черной сотни и полиции хорошо было известно, что творилось в техническом училище, но нос свой туда совать боялись, оправдывались слухами, что у учеников чуть-ли не по 5 бомб на каждого и пулеметы. Эти слухи нам поддерживать было весьма выгодно, для этого мы стреляли не только в стенах училища, но и по переулкам. Для наблюдения полиция выставила посты на Ильинской при входах в Черновский и Куков переулки и на Никольской, куда они выходили. В переулок же глаз не показывали.

В первый же период образования боевой дружины у отдельных членов ее возникает мысль,, убрать“ пристава Лаврова. Тов. Образцов в своих воспоминаниях об этом факте кое-что перепутал.

Без особой критики расскажу, как было на самом деле.

На—кануне вечера в техн. училище в пользу боевой дружины, т. е. числа 25—27 октября, на военной квартире т. Максимов спешно издавал около грехсот штук открыток с каррикатурой на погром и пристава Лаврова—для продажи. В этот момент и зародилась первая мысль его убрать. Больше недели эта мысль держалась втайне и дошла до Комитета неофициально. Так же неофициально Комитет имел разговор по этому вопросу и, в частном мнении, решил не препятствовать лицам, которые возьмут на себя частный почин по из'ятию Лаврова. Дальше уж я начал нащупывать охотников, так же не ставя официально или иным путем на повестку дня этот вопрос даже в боевой дружине. Все дело было делом частного почина, поэтому в первое время этому вопросу было посвящено негласное (для партии, конечно) заседание нас двух или трех техников, кого то из С. Р-ов и даже Шалаева, человека революционного, но беспартийного. После долгих разговоров, соображений и планов, Шалаев не выдержал и предложил: „кто первый встретится с приставом где бы ни было, тот должен стрелять“. Все от такого предложения отказались. Собрание разошлось, не придя ни к какому решению. После этого, немного дней выждав, мы у себя решили в положительном смысле этот вопрос. Фосс оказал содействие в переодевании и гриме у него на квартире. У Никифоровых взята была шинель и шашка для Максимова.

В этот вечер Лавров не появлялся на кв. Меньшовых и наш „заряд“ пропал даром.

В гриме и костюмах мы неожиданно явились к Колесниковым, где наше появление—полковника с серебреными (врага) погонами, женщины и меня, шпико-прокурорского типа с портфелем—чрезвычайно напугало целую компанию. Узнала после некоторого всеобщего оцепенения прежде всего меня Вера Петровна Доброхотова. Дело кончилось гомерическим смехом и стаканом чая.

От них мы направились на квартиру „коммуны“ сестер Роговой и „Капитала“ (семинарист Егоров). Здесь произвели настоящий переполох. Егоров долго не отпирал калитку... куда то бегал... и только на наш окрик:

—„Именем закона—отпирай! или взломаем дверь, отпер, пятившись к сеням.

Максимов бросил назад мнимым полицейским:

—Николай! распорядись окружить дом. Никого не выпускать... бегущих стрелять!

Трепетно ввел нас в квартиру Егоров (Капитал). Женщины, ни чего за собой не чувствуя, встретили нас храбро. Я открыл портфель и всех записал. Обратясь к мужчинам, мы увидели среди гостей коммуны „своих“: т. А. Борисова и В. М. Баташева с „выражением“ на лице.

—Ведите нас в свои комнаты! приказал им Максимов.

Повели... в одной комнате топилась лежанка и пахло знакомой гарью гектографа. В тайне мы удивились.

—Отчего это вонь? спрашивает „полковник". В ответ общее молчание.

—Покажите, что это у Вас горит в лежанке! „Капитал" нагнулся и вынул переварившийся гектограф.

На столе лежал оригинал прокламации от *новой* в Калуге организации под названием *Группа Социалистов.*

В тексте выражались мысли, обращенные к рабочим и социалистам вообще с призывом бросить партийные и фракционные раздоры, т. е. Социал демократам—большевикам и меньшевикам, Социалистам Революционерам, имеющим искренное, революционное настроение, предлагалось бросить вражду, побудить своих „генералов" к единению, встать под общее знамя социалистов и т. д.

Мы не выдержали, рассмеялись и открыли себя. Сколько нам насажали „чертей", передать не берусь. Оказалось, что переполох у них был ужасный. Вас Мих. Баташов лазил на чердак прятать оружие. „Капитал" мыкался от сеней до ворот, Борисов не успел спрятать гектографа.

Так мы узнали о новой в Калуге организации, возникшей среди идеалистически настроенных людей, отделившихся и об'единившихся под тяжелым впечатлением принципиальных разногласий С.Д. с С. Р-ами и большевиков с меньшевиками.

Держались они очень конспиративно и с большим трудом я узнал потом, что в эту группу помимо А. Борисова и „Капитала" входили еще—Поликарп Иванов, эсеры И. Павлов, Ю. Матвеева (Мицит), И. С. Гайгеров и, кроме того, приглашена была Ломакина.

Вторичная попытка „убрать" Лаврова действительно натолкнулась на полицию и сыщиков, как верно передает т. Образцов, но это так же происходило за 2 недели до призыва к вооруженному восстанию.

Но вернемся к боевой дружине.

Когда уже об'единились в общий Комитет Группа с Союзом, боевая дружина выросла до 60 человек. Организационно она разделялась на *пятерки* и *десятки,* во главе которых стояли выборные начальники. Начальник всей дружины (я) был также выбран общим собранием дружины и утвержден комитетом. В то же время она делилась на два района: рабочий и технич. училище, что составляло своего рода отряды. При этом начальники их, кажется, Максимов и Иванов являлись помощниками Нч-ка дружины. Горожане не составляли отдельного отряда или района, а являлись пришлым элементом в ту и другую группу соответственно квартированию в городе.

С первых же дней дружины начата была организация красного креста. Для организации его была приглашена Циолковская, которая в компании с Ломакиной, Троицкими и др. гимназистками вошли в переговоры с Ларисой Фосс, где и образовался их собственный штаб. Нашлись также врачи и в общем этот „крест" розросся чуть ли не больше самой дружины.

В начале декабря по городу распространились черносотенно-погромные прокламации и поползли зловещие слухи о готовящемся новом погроме. Была созвана общегородская партийная конференция (наз. коллективом, функционировал постоянно как законодательный орган) для обсуждения этого вопроса. Постановили выпустить прокламацию к населению. В ней раскрывались тайные козни черной сотни, население призывалось к вооруженному сопротивлению, а от имени Кал. комитета заявлялось, что в его распоряжении имеются бомбы, оружие и боевая дружина, которая примет решительные кровавые меры против всяких попыток к погрому.

Чуть ли не 6 декабря предполагался погром. Вся дружина была призвана под ружье. Вместе с красным крестом собралась она на кв. одного зубного врача. По городу наряжены патрули. Ведутся смены. Так же решено противодействовать всяким арестам на улице. Чувствовалась гроза грядущего восстания. Вырабатывается тактика возможных столкновений: в первую очередь „снимать“ начальников войск, могущих действовать против восставших; действовать мелкими партизанскими отрядами, налетая неожиданно из домов, из за заборов и т. д. на воинские казармы. Полицию беспощадно „снимать“. Длительных баррикадных боев не заводить, где не будут принимать участие широкие массы населения и т. д.

Под предлогом грядущей опасности, Комитет на кв. Фосс сзывает собрание из представителей всех партийных, профессиональных организаций, известных общественных деятелей и часть прогрессивного офицерства гарнизона. Фосс, „Жор“ и др. выступают с докладом по текущему моменту и с предложением оказать поддержку в борьбе с погромами и провокацией правительства (см. стр. 171 и 172 моей ст. первого сборника).

Заявление в конце концов офицеров повлиять на своих коллег, а так же и условный знак установленный для распознания „своих“ дает нам маленькую надежду на случай.

При всей нашей подвижности события развивались с страшной быстротой и толкали вперед без достаточной подготовки. На последнем заседании коллектива прошло постановление: „призвать к всеобщей забастовке, начиная с ж. д. мастерских, вовлечь солдат и арестовать власть во главе с Губернатором и Нач. Гарнизона, если это не удастся днем, то попытаться сделать ночью силами дружины и военной организации“.

Естественно, что таким путем встал вопрос о революц. власти, если бы удалось свергнуть старую и поэтому в кулуарах „Коллектива“ поговаривали о Фоссе и других лицах, коих придется временно поставить у Власти. *)

Состоялся митинг рабочих с двумя тремя десятками солдат. Впечатление не важное, подтверждало старое убеждение, что солдатам первыми не начать, а рабочих без уверенности в солдатах с места не сдвинуть. Все, что могли придумать военная и рабочая организации,—это попытаться сначала вызвать забастовку рабочих мастерских путем митинга, с участием

---

*) Вопреки сообщению т. Образцова в его статье на стр. 193 первого сборника.

мнимых делегатов от солдат. Окончилось это неудачей и провалом некоторых товарищей, а в ночь, вместо ареста губернатора и пр. властей, мы сами подверглись массовым обыскам и арестам. Так ознаменовался конец 1905 года. Организация главным образом в „верхах" и среди интеллигенции потерпела разгром. До 30 человек было арестованных из военной и рабочей организаций, к-ме меня, Кизика, Любимова и Максимова; „провалов" не было. Уроки конспирации Группы как будто здесь сослужили службу.

После провала я и Максимов временно укрылись на кв. Шараповой по Горшечной улице. На другой день к нам присоединился М. Образцов ради компании.

На 5-й день мы сочли возможным выйти из своего убежища, побывали в Комитете и встретили Стефановича, бежавшего из казарм и с военной службы и сговорились все об от'езде из Калуги в Москву, что нами и было сделано 27 декабря.

III.

Для полной картины 1905 года необходимо хотя бы вкратце восстановить в памяти работу рабочей организации или района. Как я сообщал в первом сборнике, в средине лета в ней насчитывалось до 60-ти человек. За недостатком в Калужской Группе пропагандистов с раз'ездом видных работников, массовая работа сводилась к организациям массовок в разных местах за городом. Помимо вопросов дня, т. е. текущего момента, массовки иногда собирались на темы углубляющие классовое сознание, нося дискуссионный характер с эсерами по вопросам тактики, профессионального движения и т. д.

Как я сказал выше, надежда на постановку широкой кружковой работы была у „Группы" на осень в расчетах на счет учащихся после летних каникул. Завязались связи с некоторыми учителями сельских школ, с'езжавшимися на с'езд или курсы (не помню), с ними специально было организовано большое собрание за рекой совместными усилиями „Союза" и „Группы". Возник кружок из женщин на винном складе и небольшой из мастериц швейных мастерских по городу. Работала среди них Циолковская и Соколова. Из организации мне приходилось встречать Рогову, А. А. Таболину, мастерицу „Анюту" (кличка) и др. Помню, в рабочей организации состояли: Карев, Константинов, Галкин, П. Иванов, Камзелев, Соловьев, Власов, Венков, Серганов, Михайлов, Дегтяров, Пономарев, Малютин, Борисов, Мельников, В. М. Баташов, Титов, Гуров, Карандасов, Баранов и много др.

С ними с июля до октября вел дело Н. И. Попов и Кизик, а с октября пришлось и мне принять участие. Персонально „центра" этой организации не помню.

В момент об'явления Октябрьской забастовки на жел. дороге я сидел у себя дома с забинтованной головой после ушиба телеграфным столбом на ст. Муратовка. О забастовке узнал от прибежавшего в „Коммуну" тов. М. Образцова, который мне сообщил, что жел. д. остановилась, уча-

щиеся вышли с демонстрацией на улицу, в управлении ж. д. собрание на котором он выступал с лозунгом „Долой Самодержавие“.

Потом мы узнали, что после его выступления общее собрание служащих управления раскалолось. „Правые“—меньшинство под руководством кого то из инженеров и техника Шапошникова выделилось в особую группу для составления „верноподданической“ петиции; „левое“ большинство продолжало собрание по выработке „требований“.

Сначала меня охватило отчаяние, так как ходить я почти не мог, но решил сделать попытку навестить управление ж. д, как ближайшее к „коммуне“. Образцов „затопился“ в техническое училище. Между 3 и 4 часами я застал общее собрание служащих управления под председательством кажется кого то из юрист-консультов. В этот момент к управлению подошли учащиеся учебных зав. города и просили принять их делегацию. Поднялся невыразимый шум: заохали и ахали отцы и маменьки. Многие бросились к окнам и еще больше заволновались, увидев в хвосте демонстрантов отряд казаков.

— Ой! боже мой... дети!... они не понимают. Их порубят, постреляют казаки... уговорите их разойтись... товарищи! вопила суетясь из стороны в сторону не одна дама. Многие бросились по корридорам вниз, на улицу взглянуть на своих „сумашедших деток“.

Как апельсин румянился Толстой (отец Н. А. Толстого), то же носясь по корридору, но сдержанно угрюмо молчал.

На частные выходы „маменек“ и „папенек“ с охами и страхами учащиеся твердо отвечали:

— Мы ждем ответа от общего собрания и *требуем* принять нашу делегацию!

Бесполезно звонил, обливаясь потом, председатель. Всякое голосование срывалось новыми истеричными криками и суматохой вновь вбежавших. Наконец председатель охрипло в изнеможениии крикнул: „я не могу“—сбежал. Небольшая группа молодых лиц с трудом выталкивает на стол председателем Н. Г. Потанина (эс-эр, позднее провокатор). Кое как удалось на время привлечь внимание, но к концу его речи—опять суматоха. Измученный он тянет на стол за руку меня. Напряг я весь свой бас, привыкший „горланить“ в хору А. А. Соколова и что есть мочи „рявкнул“.

— Товарищи внимание!

Новый ли человек на трибуне или устали уж галдеть, но меня выслушали и даже внимательно.

Речь была коротка. Начиналось с того, что учащиеся не разойдутся, что их еще не придавил к земле ум „рабского опыта“, что кто политически прозрел и воспитан, тот должен понять, что против вооруженной силы правительства возможна лишь вооруженная победа восставшего народа.

Учащихся впустили. На трибуне гимназист Фридберг (эс-эр). Говорит о том, что они пришли выразить общую солидарность со всеми, кто решил порвать цепи рабства, что они должны подумать о школе, где живое дело воспитания заменено бездушным чиновничьим формализмом и где уродуются души их детей, выступивших теперь на борьбу и пришедших сюда в надежде на их поддержку и т. д. Говорил энергично и красиво.

Собрание слушало с большим вниманием. Председатель под общие аплодисменты сочувственно отвечал делегации.

Кто то ставит вопрос об об'единении или скорее связи с собранием рабочих и служащих вокзального района и друг. нежелезно-дорожными учреждениями и предприятиями гор. Калуги, т. е. впервые, еще не ясно формулированная, выдвигается идея Совета (стачечного по тогдашнему выражению).

Н. Потанин предлагает послать на вокзал меня пригласить от общего собрания служащих и рабочих делегатов в стачечный комитет управления. Предложение принимается без возражений. Я ухожу и присоединяюсь к демонстрации учащихся, направившихся мимо губернского присутствия (ныне губпродкома) вверх по Никитской улице с пением революционных песен. Казаки следовали за демонстрацией, то отставая, то опережая ее. Демонстранты группами забегали по магазинам, чтобы призвать служащих к забастовке и присоединиться к демонстрации. После закрытия путем принуждения нескольких магазинов, точно ветром разнесло вперед: магазины стали сами закрываться с приближением демонстрации. В толпе я нашел Борисова А. и вместе с ним отправились в Коммуну. Его я пригласил с утра на завтра вместе отправиться на вокзал. Вечером собиралась „Группа", отсутствовал только семинарист Никольский; решено с утра образовать группу из рабочих и учащихся, чтобы снять с работ винный склад и организовать там митинг. К сожалению не было уже времени (было за 12 ночи) найти нужных ораторов.

Утро 2-го дня. А. Борисов и я уже с 7-ми часов на вокзале. Нашли своих из ж. д. мастерских. Узнали, что на предполагающемся собрании в театре (старый вокзал) от них должны быть только делегаты. Выбрано много „наших", но большинство беспартийных. Отправляемся в депо. Встречаем техников Баранова, Вельдгрубе, Еремина. Последний настроен отрицательно и к нашей миссии делегатов насмешливо. Проходим в контору, потом в депо, в дежурную машинистов; везде настроение отличное, подготовляются к собранию, выбраны также делегаты, основные требования уже намечены и делегатам вручены. В „Стачечный" комитет входят несколько „своих", в том числе кажется и Лысов. Придя в театр, мы просили дать нам слово в начале открытия собрания под предлогом, что нам нужно вернуться в управление сообщить о решении собрания по вопросу о высылке делегатов в общедорожный комитет и продолжении забастовки.

Мельком мы советуемся с партийными товарищами о платформе и тезисах нашего выступления.

Говорить: „долой самодержавие" можно, но осторожно; о вооруженном восстании тем более. Советуют „напирать" на стойкость борьбы за свои экономические интересы, на организованность и дисциплину вокруг забастовочного комитета, на связь с другими дорогами, делегировании в ж. д. узел Москвы, о профессиональных союзах и связи с рабочими других заводов, фабрик и учреждений.

После этого мы выбрали с Борисовым центральное место на галерке и наблюдали приходящих.

В Стачечном Комитете за столом на сцене (опущена) преобладают люди „положительного" возраста и темперамента: общее собрание пестрит разными формами: сторожа, ламповщики, уборщицы вагонов, стрелочники, фельдшер, чернорабочие, телеграфисты, агенты службы движения, рабочие службы пути, конторщики, грузчики угля и дров, носильщики и каким то образом попал извозчик (видимо посетитель) и несколько рабочих винного склада.

Собрание открылось. Председатель об'явил, что стачечный комитет, разбившись на секции, по наказам и от себя лично выработал требования, которые будут зачитываться, дополняться и приниматься на собрании голосованием, а потом сведены в общую программу требований, которые следует направить в стачечный комитет управления дороги и своему начальству. Собрание одобряет.

Дальше председатель информирует о прибытии делегатов из Управления (т. е. нас) и предоставляет мне слово.

Хорошо слушали, когда вкратце привел две три исторические справки о рабочем движении у нас и заграницей, о только что минувшем 9-м января, о том, что теперь с широким движением правительство не справилось и „подарило" нам манифест, что теперь вся сила в нашей солидарности не только на дороге, а со всеми рабочими России, что нужно быстро ковать профессиональные союзы, твердо стоять за стачечные комитеты и т. д. Что правительству Булыгинской и Святополко-Мирского дум доверять нельзя, а надо твердо поставить вопрос об Учредительном собрании и царско-чиновничью власть заменить народной, чтоб твердо провести законы о 8 часов. рабочем дне, охране труда... Что правительство так не уступит и выставит военную силу, что надо ее заменить народной милицией—одним словом я „жарил" программу минимум „извиваясь" в расчетах на психологию собрания. Упомянул об С. Д. и С. Р., к которым надо прислушиваться и т. д.

Подогрело ли меня сочувствие собрания или по другим причинам, я не удержался и от последнего лозунга, намереваясь остроту его сгладит сообщением, что якобы общее собрание управлен. думает по этому вопросу так: „товарищи! разбираясь во всех этих вопросах собрание в управлении пришло к выводу, что нужна крепкая организованность и дисциплина во всероссийском масштабе, что нужна еще и еще борьба с правительством. Чтоб не повторилось всероссийского 9-го января, придется готовиться к вооруженной борьбе—вооруженному восстанию...

На этом месте несколько голосов из партера перебивают меня криками: „довольно... что это такое... довольно председатель?!.

Председатель мягко заявляет, что об'явлена свобода слова и тов. рассказывает, как смотрят на обстоятельства в управлении, поэтому нечего его перебивать и т. д.

Потом обращаясь к нам на галерку говорит: „позвольте от общего собрания заявить, что наши экономическия требования солидарны со служащими управления, что мы окончив их разработку вышлем своих делегатов в „Дорожный Комитет", что мы так же намечаем требования" учредительного собрания; „об остальных вопросах подумаем и вероятно не разойдемся с вами".

Мы отвечаем, что передадим об этом управленскому собранию и спешно уходим,—ведь еще винный склад и много мелких заводов в городе.

Сбегали в управление, а потом к 12-ти или к 2-м часам с частью учащихся, кружками работниц, несколькими рабочими из мастерских и мелких предприятий города подошли к винному складу, где только часть рабочих продолжала еще работать.

Сняли... митинг.—Две три речи. Пытался и я говорить, но разбитая голова кружится, чувства через край, обрываюсь... стыдно, но товарищи весело смеются и под моросистым дождичком направляемся с революционными песнями снова в город, а тов. винного склада выбирают свой забастовочный комитет.

В этот вечер в управлении жел. дороги опять словно обострились прения. Выступал с речью доктор Земблинов и др., требуя начать движение поездов на жел. дороги, так как в остановившихся поездах пассажиры бедствуют на вокзалах и есть даже роженицы, но с треском проваливается*).

С этого момента забастовочный к-т правильно заработал. В нем работали главным образом силы Калужского Союза Р.С.Д.Р.П. и С. Р-ы; последние, надо сказать, персонально в движении были почти невидны или, как говорят,—„на перечет“; что же касается выпуска ими листовок, то они далеко опережали „Группу“ и „Союз“ вместе взятые.

Надо заметить, что Группа и Союз в этом движении (в начале) держались полулегального положения. Никто не рисковал на собраниях в первом лице заявить: „я член такой то партии и организации, или—я представитель ее“. Если было трудно моменты этого, то выражалось это как нибудь в третьем лице,—например: „такой то комитет Р.С.Д.Р.П. выступает с такой то программой“.

Потом с конца октября начали выступать официальные представители партии и организовываться массовые собрания от ее имени.

Конечно, это Октябрьское движение усилило прилив новых членов в организацию, но в то же время от непосредственной работы в организации лучшие силы отходили в профессиональные союзы.

Прежде всего возникали они среди типографов и в ж. д. мастерских. Типографы имели уже до Октября нелегальный остов союза. Им оставалось только легализироваться, что же касается мастерских, то для них дело было довольно новое и развивался профсоюз довольно медленно.

В Ноябре месяце профсоюз в мастерских насчитывал около 500 членов с председателем А. Д. Ивановым. В ноябре по делу всероссийского профессионального об'единения приезжал в Калугу В. В. Фетисов; выступил в мастерских на общем собрании „на канаве“ с большим успехом. Его почти 2-х часовая речь привлекла массу рабочих. Ловко и умело

*) Для исторической точности необходимо вспомнять и отметить еще одно имя. Как только „стал“ первый поезд на вокзале, зашевелилось управление, на вокзале явилось некто в „красной шапочке“ (под таким прозвищем она осталось у рабочих),—очень юная курсистка или служащая управления. С кем то из станционых служащих варвалось в мастерские с призывом к забастовке.

Цех за цехом мастерские стали сниматься. Из мастерских с рабочими Белоусовым, Володиным и еще двумя она возвратилась на вокзал остановить работу служащих, но была арестована жандармами. Рабочие об этом узнали и „окружили“ вокзал; жандармы уступили освободить ее. Вокзал забостовал. Рабочие проводили ее в город. Долг товарищей вспомнить ее в печати.

связанный доклад о революционном рабочем движении, выразительная и яркая речь призывала к борьбе, и к борьбе давая экономические и политические формы. Рабочие его узнали и горячо приветствовали. После его выступления рабочие сильно напирали в союз и давали большие надежды партийной организации.

Типографы почти поголовно влились в свой союз, не раз ставили вопрос о прекращении печатания черносотенных листков, но старики губернской типографии были еще верны иллюзиям веры в царя и начальство, работали изредко сверхурочно, но казалось доживали последния дни вместе с Калужскими Губернскими ведомостями (газета).

Совет рабочих депутатов в Калуге, не получил своего полного выражения ни по содержанию, ни по форме.

В отдельных производствах делегаты от предприятий правда сыграли на 5-6 дней роль стачечных комитетов, потом делегаты послужили проводниками для организации профессиональных союзов, а с возникновением последних, собрания их „выдохлось" еще по той причине, что этот новый революционный орган рабочего движения вообще в Калуге недооценивался. Партийными органами проявлено было мало энергии, отсюда не было за ним ни авторитета, ни сплоченности масс. Сам он тоже как то не находил себе работы. Собираясь в Нардоме по Венской улице, однажды организовал лекции о „крепостном праве на Руси" и о „поэте и поэзии Некрасова".*)

С началом революционного движения возник так же „социал демократический союз учащихся". С первых шагов его руководители практические интересы школы не выдвигали в первую очередь, принимая участие в технике работы рабочей и др. организаций. К Калужскому комитету стоял в некоторой оппозиции. С роспуском духовной семинарии лучшие силы учащихся выбыли из Калуги, и только к весне 1906 года организавали свой с'езд, на повестке которого стояли вопрос о создании всеросойского об'единения духовных семинарий.

Выйдя на половину из подполья и столкнувшись с бурлящей в различных направлениях революционной мыслью в массе, обе партийные организации,—„Союз" и „Группа"—почувствовали потребность друг в друге, тем более, что по организации боевой дружины и по выступлениям в управлении жел. дор. практически они уж связали свою работу. Само по себе революционное движение выдвинуло неожиданно новые вопросы тактики и форм массовых организаций, до тех пор еще не резко фракционно формулированных даже центральными органами партии. Временами казалось, что принципиальным разногласиям наступает конец, а серьезность практических вопросов заставляет пренебречь „мелочами". Местные организации по России без особых деректив „сверху" проявляли решительные шаги к слиянию, выдвигая „снизу" вопрос о партийном с'езде и областных конференциях.

В конце Октября или начале Ноября слилась Группа с Союзом в Единый *Калужский Комитет РСДРП.*

---

*) Очень возможно, что за прошедшие 18 лет я забыл о его деятельности; в таком случае долг товарищей, принимавших в совете участие, вспомнить о нем в печати.

Комитет избирается т а й н ы м голосованием; подсчет голосов поручен был 3 лицам, которые не об'являя общему собранию состав комитета, должны были персонально об'явить об этом избранным. Таким образом полулегальный комитет составился из лиц: Фосс, Жор, Преображенский, Овчинников, Костин, Гуров; др. не знаю.

В это время впервые Жором был точно и ясно формулирован большевизм и создавалось вокруг него идейное ядро из среды интеллигенции. Из рабочих к этому ядру примыкал лишь Титов (Титыч). До этого же времени эту группу можно было бы скорее отнести к „сочувствующим“ большевизму. Дальнейшее его развитие пошло через Власову, Гайгерова Ив. Сем., Опарина, Лысова и Борисова уже в 1906 году, благодаря возникшим у них связям с Москвой еще летом 1905 года через девиц Виноградовых (Пчела и Блоха клички) и Фалеева Н. Н., учившихся в Москве.

С провалом Фосса, Никифорова, Стефановича, Любимова, Максимова, Кизика, Акимова, Костина, меня и мн. других, главным образом по стачечному комитету ж. д. управления, многие сами по себе отходят от организации. Почти не задетая провалом рабочая организация, напротив, после некоторого перерыва еще более оживляет свою работу в подполье. Кружков среди интеллигентов не возобновлялось до начала 1907 года, а часть наиболее деятельная: Снегирев, Введенский, Толстой, Нахалова, Громова, Циолковская, Попов, Овчинников, Никифорова и образовавшаяся в конце ноября „Группка социалистов“,—Иванов, Аульченков, Егоров, Борисов, Павлов, Ломакина,—образовала конспиративную квартиру в Алексеевском пер. и исключительно начала работать среди рабочих жел. д. мастерских; но войдя практически в работу сливается с рабочей организацией, утрачивая свою самостоятельность и первоначальное название.

На этом заканчивается все, что осталось у меня в памяти от 1905 г.. Эти воспоминания были бы гораздо полнее, если бы остались у меня в памяти много имен, с которыми связаны не только частные эпизоды работы, но иногда и центральные вопросы организации.

Помню, что были связи с небольшими организациями Дугненского завода, с Протопоповым (ст. под Тулой), Вязьмой, г.г. Мещовском, Козельском, Жиздрой и многими селами, но к сожалению ни имен, ни названий не помню.

IV.

После провала в Калуге, 28 декабря я уехал в Москву, где пробыл до конца сентября 1906 года. По многим причинам изложенным в отдельной статье воспоминаний о Москве, из Москвы я выехал в Смоленск к своему приятелю Максимову, работавшему в Смоленской военной организации.

Поезд в Смоленск примчал меня к 10 час. утра. Квартирного адреса Максимова я не знал, а на службу к нему в фотографию по Благовещенской улице спешить мне было не к чему.

Попил на вокзале чайку. Недалеко от вокзала зашел в гостинницу и на всякий случай снял номер. Бояться мне было нечего. Мой фальши-

вый паспорт на имя Николая Александровича Холодкова,—Муромского мещанина только что выдержал пробу на благонадежность в Московской охранке и сыскном отделении. Около 12 часов я был уже в фотографии, но Максимова не застал. Мне об'яснили, что он на службу в этот день не являлся, адреса же его квартиры мне указать не могли. Что делать?.. Зашел еще через 2 часа,—опять нет. Оставил письмо и обещался зайти к 4-м часам снова.

Мое последнее появление было встречено как-то таинственно. Один из служащих отвел меня в темную (лаборантскую) комнату, спросил откуда я, а потом сообщил, что за полчаса до моего прихода утром Максимова в фотографии арестовали жандармы и увезли „неизвестно" куда.

Такого финала я никак не ожидал; выезжая из Москвы я не считал нужным даже взять партийной „явки" (т. е. адреса и пароля). От 25 р., полученных на дорогу из Московского Комитета, у меня в кармане болталась одна трешница, на все остальные была из Москвы привезена литература. Знакомых никого. После почти двухдневных поисков Смоленского Комитета мне удалось найти связи и получить деньги на выезд в Темкино, где на жел. дор. служил мой зять—дор. мастер Овчинников.

В семи верстах от него в сел. Дубна жили Ольга, Василий и Илья Стефановы, так близко стоявшие раньше к „группе" в Калуге. В этот момент Василия и Ильи в деревне уже не было, так как каникулы кончились и занятия в духовной семинарии и реальном училище, где они учились в Калуге, начались.

После небольшого отдыха в Темкине и Дубне, с Ольгой Стефановой—уже учительницей—мы обдумали идею создания Губернской С. Д. организации.

В Дубне была небольшая группка крестьян человек 5-ть, которых в революционном и партийном духе просвещала Стефанова. Были связи с учительством и крестьянами соседних деревень, были знакомства в Юхновском уезде и Медынском. Выработали примерный устав крестьянской С. Д. организации и с этим в начале Октября я отправился в Калугу предложить Комитету свои услуги и поставить вопрос о Губернском крестьянском С. Д. с'езде.

В это время на ст. Мятлевская служил надсмотрщиком телеграфа А. В. Борисов. От скуки пил. Туда же вдруг приехал учителем в 2-х классное училище В. Жданов—„Борода". Сговорился и с ними. Дело казалось обещало наладиться. Не успел я уехать в Калугу, как А Борисов был арестован, Овчинников взят под подозрение, но дело этим и ограничилось.

Комитет в этот момент я застал почти в полном смысле рабочий. В нем состояли: Карев, Константинов, Иванов-Аульченков, Ив. Сем. Гайтеров и кто то еще из рабочих. Н. Ив. Попов приглашался с совещательным голосом. Вокруг него в качестве пропагандистов работала деловая группа интеллигентов ранее державшихся группы: И. А. Голубев, Введенский, упомянутый Попов, Громова, Снегирев, Стефанович Иосиф, Стефанов Василий, Толстой Н., кажется, Нахалова К., Фелицин и кто то еще.

На одном из заседаний был рассмотрен проэкт о крестьянской организации, принят и для начала было учреждено так наз. „Окружное Бюро" при Калужском Комитете. В него вошли: Билибин Н., Стефанов В. и я. К нему в качестве постоянных работников организаторов и техников сейчас же примкнули: Баташов П., Степанов И., Зубков П., А. Крылов, Н. Борисов и косвенным образом по установлению связей Поликарп Иванов-Аульченков.

Пересмотрены были все связи, по которым сейчас же была разослана повестка с визой на Губернский с'езд. Время созыва его не помню, но он все же состоялся, вероятно, в конце октября 1906 года в сарае какой-то деревни верстах в 7-ми от гор. Калуги. Состав его был невелик—человек 15—20. Вопросы на нем кроме постоянного „текущего момента", сводились главным образом к оформлению связей, организации и о содержании работы среди крестьян.

На нем переизбрано Бюро в состав которого вошли те же лица и принят проэкт организации и устава крестьянской С. Д. организации в целом.

По положению Бюро должно было входить в состав Губернско-Городской конференции с решающим голосом. Таким образом я снова втянулся в работу по Калужской организации.

Комитет по понятным соображениям связи ввел меня с совещательным голосом в свой состав и в результате пришлось принять участие и в работе по городской организации.

Для меня открылась любопытная картина: в организации насчитывалось до 300 человек рабочих; в нее входили все более крупные предприятия в Калуге. Это тем более приятно поражало после того, как в Москве я наблюдал охлаждение к партийным организациям и „напор" в профсоюзы. Провинция же, лишенная возможности открытия самостоятельных профессиональных союзов, напирала в партийные организации.

Связи с Москвой немножко хромали; неустойчива была и типография. Наборщик Басов из Москвы (почти мальчик) постоянного жительства не имел, как и типографский станок со всеми принадлежностями. Печатание прокламаций на столько было затруднено, что предвыборные воззвания и кандидатский избирательный список во 2-ю государственную думу для печатания мне пришлось отвозить в Москву. „Маяк" (книжный магазин) хирел находясь в руках больной М-м Дунаевой—матери Ларисы Фосс Работы на очереди было уйма.

С Ноября в Калуге начали открываться профессиональные союзы в качестве отделений Московских союзов.

В первую голову открылся типографский, потом портновский союзы. а за ними зашевилились служащие торговых заведений и предприятий. Для работ в них были направлены: в союз типографов Ив. Сем. Гайгерсв, к портным я и Анна Афанасьевна—потом Таболина, на собрания торговых служащих кто то из приезжих или высланных товарищей. Союз типографов с самого начала находился под влиянием С. Д. В портновском обстояло дело так: Васильев, приезжий из Москвы, был его главным инициатором и председателем. Человек очень начитанный, развитой и бывалый,

старый работник по Финляндии и Петрограду, Соц. Революционер. По характеру очень милый и корректный, меня и др. С. Деков встречал всегда с удовольствием и в прениях по разным вопросам всегда избегал какой бы то нибыло демагогии. Энергичный на редкость, с первых же дней завоевал себе большую симпатию и популярность и будучи сам портным кажется у Демьянова, очень скоро сплотил союз и организованно отдельными короткими забастовками то в одном то в другом предприятии добился удивительной дисциплины среди рабочих и к Марту 1907 года в правлении перебывали „на поклон" почти все предприниматели для заключения коллективного договора.

Помимо этого помощью организации из безработных было организована на Болдасовской улице столярная артель в большинстве из партийных т. рабочих. Члены ее скоро рассорились и через 4-5 месяцев артель развалилась.

Во всей работе с низу до верху организации царила серьезная деловитость. Хорошо посещались кружки, регулярно собирались местные и Калужский комитет и конференция Не было старых разговоров о „комитетчиках" и комитетах, какие наблюдались в былые времена конца 1905 года.

В то же время в г. Медынь после декабрьских баррикад в Москве вернулся Чивов. Там совместно с Селяниновым, Головашкиным, Здобниковым и Езуповым образовали группу. С ноября 1906 г. К. Комитет постановил взять под свое покровительство книжный магазин „Маяк", вошел в переговоры с хозяйкой магазина Сиротиной, жившей в Москве, выделил в помощь Дунаевой в качестве продавщицы З. Троицкую, нарядил дежурства в нем некоторых членов Комитета, пересмотрел залежавшийся состав книг и выделил оборотные средства на переодическое обновление его литературой, связавшись с книжными магазинами Москвы Труд и Волна или Весна откуда стали поступать все политические и профессиональные новинки.

„Окружное Бюро" Комитета к концу года постепенно расширило свои связи с учителями и крестьянами. Образовалась Группа крестьян в с. Усадье Калужского уезда, две или три группки в ближайших деревнях к г. Калуге, расширялись связи по Медынскому уезду, образовалась группа в г. Козельске, одиночные связи в Тарусе и др. городах. Комитет нашел лучшим передать в Бюро и свои связи по губернии с рабочими различных фабрик и по линии ж. д.

Большой помехой в работе явилось отсутствие средств, так как разбросанность связей по губернии лишало его возможности не только регулярно, но и вообще получать деньги, всегда нужные местным организациям на литературу, поездки и проч.

Одно время был намечен план об'езда всех организаций и связей примыкавших к Бюро. Первым на такую работу выехал П. Баташов. Возвратившись, он изложил обстановку, в которой приходится работать в деревне. По его мнению выходило, что наезжему из города человеку без риска провалиться в тот же день в деревню показываться нельзя. Я на заседании в квартире Зубкова и Степановых не-

осторожно резко отозвался о его поездке. Он обиделся и отказался работать в Бюро.

В Декабре месяце выдвинулся в комитете вопрос о выборах во 2-ю государственную Думу. На двух конференциях состоявшихся обсуждались два тогда принципиальных вопроса: первый—как участвовать в выборах т. е. *бойкотировать выборы или выдвигать своих кандидатов,* а если выбирать, то входить ли в соглашение с „Кадетами" (Партией Конституционно—Демократической или народной свободы), с Социалистами Революционерами и Трудовиками.

На первый вопрос конференция ответила в положительном смысле т. е. *выбирать в Г. Д.,* без каких либо возражений с чьей либо стороны. Второй вопрос вызвал живой обмен мнений, в которых принципиальным противником выступал Ив. Сем. Гайгеров (Бульва).

После этого было постановлено: проводить кампанию выборов со списком только своих партийных кандидатов и наметить: Суханова, Фелицина, Фосс и (не помню), кажется, Масленникова.

В это время, т. е. в конце декабря (29 или 30) из Москвы вызвали делегатов на областную Московскую конференцию.

Спешно собралась конференция и делегировала меня. Областная конференция состоялась главным образом по вопросам выборов в Государственную Думу и работы среди крестьян, деревенских батраков, фабрик и заводов вне городских районов. Для меня, как представителя своего Окружного Бюро, опыт Московской Областной организации был очень ценен; что касается резолюций по вопросу о выборах и т. д., теперь ничего не осталось в памяти.

На этом заканчивалась работа 1906 года. Выборная кампания помимо широкой пропаганды обещала дать нам связь со всеми фабриками и заводами губернии, с крестьянами и городами. Окружному Бюро таким образом предстояла большая горячая работа; между тем типография по конспиративным условиям не работала.

Поэтому в феврале мне пришлось ездить в Москву и по своим старым связям с типографами найти их нелегальную типографию и на ней изготовить до 3-х тысяч различных предвыборных листков и плакатов.

Лично мне, больше занятому в Окружном Бюро с Билибиным и Степановым, хватало работы на столько, что бывали дни, когда приходилось проводить по четыре собрания в день. По поступившим газетным и письменным сведениям из уездов о выборах, мы сейчас же старались завести связи с „выборщиками", т. е. выбранными на первичных собраниях и высылали им адреса для явки в Калугу на собрание по выбору делегатов в Думу. Для беспартийных рабочих таким адресом были профсоюзы, для партийных явка Бюро.

Труднее было с крестьянами выборщиками. Не больше чем одной трети их мы знали политическое настроение, поэтому постарались вызвать заранее из них 3—4-х своих и помощью их орнизовать направление их в рабочую курию для совместного обсуждения вопросов.

Таким образом у Бюро сразу расширились связи почти на все фабрики и заводы губернии и с многими крестьянами.

Рабочих выборщиков уловили всех и перед выборами провели с ними 2 или 3 общих собрания; нагрузили их всевозможной литературой и адресами, наметили кандидатов в Думу (2-х С. Д. одного из Калужских мастерских и одного из Жиздринского Людиновского завода).

На выборах решающее значение должны были иметь крестьяне. Собрать их полностью никак не удавалось. В тоже время такую желовлю их организовал Союз Русского Народа, угощая их бесплатным чаем в своей чайной по Ильинской улице и т. д.

Все же нами за 2 дня до выборов почти большинство удалось созвать в чайную на старом базаре (Коммерческий). Пришел туда же один из вождей черной сотни, какой то чиновный помещик чуть ли не Полторацкий и до открытия собрания стал приглашать в чайную Союза, где по его заявлению часть крестьян собрались и ждут остальных. Пришлось с ним „срезаться" в открытую.

Крестьяне остались, но до чего нибудь путного и определенного договориться было трудно.

Большинство из них упрямо твердило „как другие, посмотрим". Им, видимо, в вожди и для „авторитету" требовалось больше солидная борода, чарка водки, а не наши с Билибиным горячие речи.

Кончилось тем, что накануне выборов фабрикант Зимин. выборщик по г. Медыни тряхнул мошной,—на 100 рублей перепоил их всех пьяными, пообещал угощение и „подарки" после выборов и уговорил добрую половину голосовать за черносотенцев.

В результате оказались выбранными: один черносотенец—Зимин, и два крестьянина кулачка, из которых один только по крестьянской курии. При этих выборах руководители от губернского присутствия или правления обставляли дело в пользу правых до того, что сами нарушили закон при этом.

Это и незаконное лишение депутатских прав 2-х выборщиков губернатором дало формальный повод кассации выборов по жалобе выборщиков. Для этого кадетами и нашими выборщиками было организовано собрание у Мартынова по Московской улице, куда приглашались все выборщики недовольные результатами выборов и готовые подписать письменный протетст. Были туда же кадетами приглашены и мы с Билибиным. На собрании обращали внимание на себя своими фигурами гр. Орлов—Давыдов, Блистанов и Гончаров. С нашей стороны и импонирующей фигурой был один старик рабочий из Брянского—Людиновского завода, с большой бородой и мощной фигурой, необыкновенным добродушием и степенностью. Своим тактом он возбудил общее внимание кадетов и графа, которого особенно задело заявление старика, что он С. Д. В свою очеред наш выборщик удостоил

его своим вниманием и долго доказывал ему, что для избежания кровавых аграрных движений нужна свобода собраний, слова и организации и что только последнее, т. е. организованность крестьянства способна удержать его от пожаров и дикого разгрома поместий, а поможет конфисковать их без „нарушеия уголовного кодекса". Граф крутил только отрицательно головой, не возражая.

Протест подписали. Тов. рабочие выборщики от ж. д. мастерских обратились к общему собранию с просьбой пожертвовать нз наших ссыльных товарищей.

Орлов не глядя сунул в фуражку сотню, другие отделывались трешниками и пятерками.

Чем кончилось дело с протестом я не помню, кажется, что состоялось восстановление кадетских выборных, кассированных губернатором или произведены перевыборы.

Новые связи требовали на первое время литературы и литературы. Пришлось Бюро снова изыскивать средства подписными листами, должаться у комитета и выписывать журналы и книги из Москвы через „Маяк".*)

„Маяк" оживился. Каждую неделю приходил новый транспорт книг и журналов. Новинки привлекли покупателей. Много над этими поработали также Образцов, вернувшийся из Феодоссии перед масленицей и Н. Борисов, ездивший на станцию получать по доверенности багаж с литературой. В Феврале или Марте был поднят вопрос о приобретании этого магазина Комитетом от Сиротиной. Для заведывывания была приглашена подставным лицом жена комитетчика П. П. Суханова, но с этим делом не успели до провала его, закрытия и ареста Дунаевой и многих товарищей.

Когда стала расширяться работа окружного Бюро, а отчасти и с самого начала его открытия, много способствовали успеху его и связям с уездами семинаристы, обычно издревле жившие коммунами. В одной из них по Шеверевской улице особенно часто я находил себе убежище в трудные минуты безквартирья и отсутствия средств. Лица всех помню, но фамилий нет. Вторая—у Чертикова Моста, в которой жили два неразлучных комика с кличками „Бобчинский" и „Добчинский", Третья на Монастырской и, наконец, четвертая по Воскресенской, 26, где за старшего был „Капитал"-Егоров. Последняя коммуна потом перешла в угольной дом по Никольской ул. и Черновскаго переулка (ныне полуразрушенный) как раз против Губернского Полицейского Правления. В нее в качестве члена перешел В. Билибин—реалист, я—квартирантом, прописавшись по фальшивому паспорту Теренина и Г. Богомолов, служивший у нотариуса по Воскресенской улице.

*) „Маяк" был открыт в декабре 1905 г. О. Сиротиной на свои средства с обязательством тогдашнего об'единенного Комитета возратить ей затраченные суммы в случае провала.

Здесь днем, когда все ученики уходили на занятия, я оставался чаще один в квартире и, разбираясь под окном с какой нибудь нелегальщиной, часто наблюдал как во 2-м этаже противуположенного дома принимал у себя с докладом Полицеймейстер приставов или как „чертил" по комнате с папиросой его секретарь и находил, что в смысле конспирации у меня очень приятное и надежное соседство.

Не помню, в каком месяце в эту же зиму „Нотариус" (Бровцев) организовал провокационную экспроприяцию в аптекарском магазине Чернобровина. Его соучастниками были молодые эсеры и просто охотники.

Вдохновителем ее был жандармский ротмистр Никифоров не без ведома, а скорее с согласия Губернатора в целях иметь повод делу продления усиленной охраны по губернии, чтобы получать усиленные оклады и секретно-безотчетные суммы.

Передавали (сам Бровцев в тюрьме), что „провал случился неожиданно для самих вдохновителей". Предполагалось экспроприировать магазин Билибина и об этом предупреждена была и расставлена для охраны полиция. Но в назначенный час в магазине Билибина оказалось группа вооруженных покупателей-офицеров. „Экспроприаторам" это не улыбалось, а между тем откладывать было нельзя. Тогда руководитель шайки „Нотариус" решил эксонуть Чернобровина. Эксонули, потеряв на эту проволочку больше полчаса, а полиция по телефону уже донесла в половине 8-го прокурору о совершившейся якобы экспроприации в 7 часов у Билибина.

Потом оказалось, что она произведена в 8 часов у Чернобровина. Прокурор Данилов таким образом был конечно изумлен каким образом доносила полиция об экспроприации еще несовершившейся. Пришлось жандармскому и полиции жертвовать своим агентом, допустив арест и дать ход судебному делу. Ротмистр же Никифоров срочно перевелся на службу в Сибирь, а его место занял свирепый Ершов, ведший потом дело по арестам и процессу Калужского Комитета.

К февралю месяцу этого года (1907) расширились и упрочились через Баевского связи с солдатами 9 и 10 го пехотных полков местного гарнизона. Связи эти были еще с ранней осени 1906 года, но все тогда организации насчитывали около человек 8 солдат, регулярно не собиравшихся и не оформленных в организацию. Тогда же из Московской военной организации приезжала специально по военным вопросам большевичка X, установила с нами прочную связь и щедро снабжала военной литературой, из которой хорошо помню „Катехизис солдата„

До февраля Баевский справлялся с работой сам с помощью Ив. С. Гайгерова, заглядывавшего к нему, а с этого времени работа и связи усилились; в помощь ему принял участие В. Билибин

с товарищами, которых не помню. Но в мое отсутствие на с'езд с 18-го апреля по конец мая Баевский был выслан, а Билибин арестован и дело рассыпалось.

Приблизительно с масленицы Калугу начали посещать товарищи из Москвы по подготовке к V с'езду партии, получившему название Лондонского.

К сожалению не помню имени тов., приезжавшего от большевитского крыла партии. За ним следом от меньшевиков приезжал т. Череванин.

Оба делали соответствующие доклады в комитете и на конференциях, оба нащупывали почву и интересовались нашей работой, приятно поражаясь бодростью духа наших верхов и низов.

В период между этим приездами был арестован техн. секретарь Окружного Бюро Н. Билибин. Влад. Билибин—его брат, ходивший к нему на свидания, сообщил, что он на допросе заявил себя принадлежащем к партии и секретарем чуть ли не, кажется, Калужского Комитета или Бюро.

Через некоторое время от него было получено нелегальное письмо на имя Зинаиды Троицкой с просьбой оказать ему содействие на побег из тюрьмы. В это время к работе по Окружному Бюро или в кружках принимал участие приехавший из Москвы Н. Фалеев. Посовещавшись, мы решили обратиться с предложением к товарищам и совместно с „Бандитом", Богомоловым, Н. Борисовым, В. Саввиным и Михайловым решили помочь.

После короткой переписки был принят такой план: Билибин заявит в тюрьме себя больным такой болезнью с которыми обычно водили арестованных в Хлюстинскую больницу,—как например, выдернуть зуб, промыть уши. Конвой для сопровождения в больницу высылался обычно по понедельникам и четвергам. Был условлен понедельник. Мы должны были собраться встретить его идущим из больницы на первом перекрестке Широкой и Венской улиц, где сворачивала дорога на тюрьму и отбить у конвойных.

Собрались у Анны Афанасьевны. Вышли на свои посты, имея, впереди „Бандита" с Саввиным, которые должны были первым встревстретить и зачинать дело выстрелами из Маузера в упор по конвойным. Способ мне весьма не нравился,—могло случится, что мы „сняли" бы и своего солдата, а потому надо было считаться и с настроением гарнизона, в котором начинала работать наша военная организация. Мне казалось возможным отбить неожиданным нападением на конвой без выстрелов, хотя для нашей жизни этот способ был бы опаснее.

На квартире нас ждали Троицкая и Фалеев. Оказалось что Н. Билибин в больницу не ходил и свою мечту бежать осуществил через год из Лихвинской тюрьмы. К тому же и мы потом потеряли к этому предприятию настроение (за исключением „Бандита", искавшего „веселенького" дельца).

В Марте собралась Государственная Дума. Пришли первые отчеты о выступлениях нашей фракции во главе с Церетелли, Алексинским и пр. Началась работа в массе в целях будирования ее по вопросам поднимаемым в Думе и установления живой связи по поддержке фракции на случай попытки ее разгона, а так же в целях создать вокруг нее революционного движения.

Первыми проводниками к этому были профессиональные союзы. После переговоров с председателем союза портных Васильевым, было назначено общее собрание портных. На повестке впереди вопроса об общем нормировании в предприятиях рабочего дня и заработной платы, стоял вопрос об отношении к Государственной Думе и ее фракциям.

Накануне общего собрания состоялось собрание правления и делегатов, на которое пришли два местных эсера,—студент Денисов—сын пристава—с товарищем. Правление по Думскому вопросу определенного решения не вынесло, встретив два предложения: 1) выразить приветствие, солидарность и доверие трудовикам, внесенное Васильевым и 2) С. Д. Фракции—внесенное мною.

На общем собрании моим неожиданным оппонентом оказался М. Образцов, попавший на него с Н. Борисовым случайно в поисках за мной, увлекшийся „революционным синдикализмом".

Собрание затянулось, сбивалось, что называется, с толку и в результате проголосовало большинством за предложение Васильева.

Вспоминаю забастовку булочников, с которыми Образцов и Борисов устроили несколько собраний (одно первое днем, неожиданно, в Коммуне Ломакиной, собираясь на следующий день повторить то же, что вызвало протетст Ломакиной, протестовавшей против явного провала конспиравтивной квартиры.)

Широко ли практиковались общие собрания рабочих в др. местах—в памяти у меня не осталось.

В конце марта и начале Апреля практически выдвинулся вопрос о делегировании на с'езд партии. Перед этим был на конференции переизбран в Комитет, куда вошли: Карев, Константинов, Голубев, я и Гайгеров. Начались собрания в низах организации и кружках, а за ними два собрания общей конференции. На с'езд требовался один представитель от 300 членов, у нас было немногим больше. Выдвинуты были кандидаты: „Касьян"—Крылов, Ив. Ал. Голубев, Н. Попов, я и Гайгеров.

К моему удовольствию и смущению собрание уполномочило меня на поездку за границу, вручив мне из 110-ти руб. кассы 80 руб. на дорогу... Выехав 18-го Апреля, обратно со с'езда я вернулся 30-го Мая.

За мое отсутствие в организации произошло много событий: арестован В. Билибин на кв. семинарской коммуны с литературой по военной организации; закрыт „Маяк" и арестована Дунаева; выслан Баевский; Нилу Михайлову оторвало руки взорвавшейся бомбой при поездке его

в кампании с „Бандитом“; той же бамбой убит „Бандит“; у некоторых были обыски; были подозрения, что кто то провоцирует.

Н. Борисов и М. Образцов, секретно от Комитета взялись за контрразведку и по некоторым данным обещали довести дело до конца, успешно „прищупав“ одного из агентов наружного сыска.

В это время организация пополнилась новыми лицами: приехал из Москвы или Брянска и поступил в земство некто Ошарин,—химик по профессии и по кличке; вернулся к партийной работе С. Лысов, вышли на активную работу из Кружка Голубева, М. Жданова, втянулись в работу Н. Фалеев и З. Троицкая.

Они по собственной инициативе решили организовать между собою „Коллектив пропагандистов“. До того времени такой организации в Калуге не практиковалось,—пропагандисты входили членами обычно в какую либо рабочую организацию или примыкали к кружкам. Наши старые пропагандисты—Голубев, Попов, Снегирев, Введенский, Циолковская и ж. д. в этом „коллективе“ отсутствовали.

Коллектив подал в Комитет заявление с просьбой признать их проэкт *организации в дальнейшей работе.* Основные положения этого проэкта выражались в том, что „Коллектив“ должен был быть:

1) Самодовлеющей организацией.

2) Ему и только ему должно быть представлено право идейного руководства организацией ввиде направления пропаганды в кружках, составление прокламаций, листков и вообще всех изданий комитета, освещение всех принципиальных эпизодических вопросов партии и т. д.

3) Ему должны были быть представлены право и средства выпускать свои бюллетени, листки и т. д.

4) На случай расхожденая с комитетом предусматривалось, что приостановить *организационную* работу „Коллектива“ может только Ц. К.

Комитет постановил: „коллектив пропагандистов признать желательным для целесообразного и успешного распределения сил по организации и кружкам, предоставив каждому из членом право голоса в любой из партийных организаций (ячеек) или же не пользуясь им в ячейках иметь свое пропорциональное представительство на *конференцию* наровне с другими ячейками организаций“.

С началом самой ранней весны полиция и жандармы видимо все силы употребляли к розыску и раскрытию организации. Мое лично появление на улице сделалось почти невозможным. Несколько раз меня атаковали в попытках изловить на бульваре и кв. Борисова; необходимо было временно скрыться „с горизонта“. Усталость от полуголодного и скитальческого существования с 1903 года так же заставила меня выехать к знакомым С. в деревню, где я и пробыл до осени, собираясь снова уехать в Москву. В Калугу приезжал за лето не больше 2-х раз, зато в деревню наезжали многие: Толстой, Зубков, Константинов, кто то из семинаристов и пр. От них я узнал, что около сотни винтовок были проданы Кавказской организации по 8 рублей, надеясь этим самым пополнить скудные средства нашего комитета, нуждавшегося в типографии и вообще в расходах по связи с организациями в губернии.

Летом, как известно, была распущена 2-я государственная Дума, Соц. Дем. фракция предана суду, а на осень были назначены новые выборы.

28 Сентября из деревни я приехал в Калугу. Мой приезд совпал как раз с приездом рабочих выборщиков со всей губернии. Явка их была на кв. Иванова—Аульченкова, Н. Баташова (провокатора) и Таболина, живших по Ямской улице. В это время был уже арестован М. Образцов и Борисов. По делу я обратился к Суханову; ночевал у Н. Толстого на Венской улице. На следующий день с Сухановым и Толстым мы сговорились встретиться на квартире по Ямской. в 4 или 5 часов. Переговорив о деле, я сдал свой револьвер наган Суханову с тем, чтобы встретиться с ним вечером на Крестовском поле и в ночь уехать вместе в деревню, а с Толстым пошли обедать.

Дорогой нас сзади преследовали 4 городовых. Мы шли спокойно, так как к таким облавам я уже привык, а в данном случае был даже не уверен за мной ли охотятся. На углу Садовой (Театральной) мы немного задержались с кем то из встретившихся товарищей.

Толстой нес с собою упакованными две кипы нелегальной литературы и предвыборные воззвания.

Приблизительно около быв. Саловской гимназии, что близко к стрелке Никитской с Никольской, к нам подошел старший городовой и пригласили меня в участок, называя настоящей фамилией и об'ясняя на мои возражения, что знает давно всю мою семью, начиная с отца и т. д.

Толстой прибавил шагу, а я наоборот замедлил чтобы дать ему уйти с уликами. Сзади нагоняли еще три городовика.

В кармане у меня был паспорт на имя Владимира Теренина—техника, мещанина, г. Вязьмы, поэтому вначале блеснула быстрая мысль пойти с ним совершенно спокойно до участка и там помощью паспорта отделаться от него, но и предполагавшаяся поездка с Сухановым и пр. соблазнила меня уйти от городовых неожиданным скачкам на Молотковскую и скрыться в садах переулков этой улицы. К моему разочарованию туда свернул Толстой, мне оставался выход только на Венскую почти наверху не имевшую перекрестков.

Не доходя до стрелки у мужской гимназии стоял постовой городовой, его предупредительно позвал на помощь прицепившийся ко мне старший. Надо было действовать. Отпихнув на тумбу своего спутника быстрым шагом я направился к Венской. Постовой нерешительно остановился, а сзади в 10 шагах „топотал“ мелкой рысцой старший, выхватив „несчастный револьверишка на 100“ (калибр) и размахивая над собственной головой, кричал: „стой застрелю“.

Вот я у угла Венской. В последний раз оглянулся чтобы засмеяться и послать привет, как почувствовал что меня охватило несколько рук и увидел вокруг человек 5 или 6 солдат, вышедших неожиданно из за угла.

Так я был водворен сперва на извозчика, а потом в тюрьму, откуда вышел за „пределами" губернии только осенью 1909 г. и о жизни организации до меня доходили слухи лишь с арестом новых товарищей, прибывавших в тюрьму.

15/III 1923 г. *С. Мохов.*

Мои воспоминания о партработе и тюремной жизни.

I.

Волна студенческого движения и семинарских бунтов 1900—1901 г. г. захлестнула и нашу Калужскую духовную семинарию, питомцем коей я в то время состоял. Мертвечина и схоластика преподаваемых наук с суровой школьной дисциплиной оказались палкой о двух концах: жажда знания и дух протеста юных сердец породили в стенах семинарии нелегальный «Кружок самообразования», который задался целью помочь своим членам в деле умственного развития и выработки правильного миросозерцания.

Из небольших ежемесячных членских взносов составлялся оборотный капитал кружка, дававший возможность постепенно приобретать хорошие книжки популярного характера, как по естественным наукам, так и из публицистики и новейшей беллетристики, т. е. как раз то, чего не только семинария официально не давала, но и строго запрещала, карая сурово виновных в «либерализме».

Наш кружок имел сочинения: Эдв. Клодта «Картины мира», Гетчинсона «Вымершие чудовища», Лампа «Теория мира», Фламмариона «Популярная астрономия», Лункевича «Биология», Рубакина «В царстве животных» и другие книжки по геологии, археологии, ботанике и анатомии человека. Из критиков были: Писарев, Белинский и Добролюбов, а из легкого чтения: Решетников, Гл. Успенский, Л. Толстой, Гаршин, Короленко, Чириков, Куприн, Скиталец и Горький с его «Песней о Буревестнике» и рукописной брошюркой: «Весенние мелодии».

Руководство кружком в мое время принадлежало И. А. Сергиевскому и немногим другим, кого я знать не мог из-за строгой конспирации, которой всегда придерживались наши руководители и того же требовали от нас:

—Держись крепче и рот не разевай!.. Попадем ни за понюшку табаку,—говаривал мне не раз мой старший товарищ и наставник, сидевший на задней парте с Боклем в руках, Володя Боголюбов.

От него же впервые я получил и нелегальную брошюрку. Это было с.-р. издание: «Царское правительство и рабочий народ». Помню, как у меня дыханье захватило и «перевернулось» все внутри, когда я прочел эту книжку: написана она была живо, красочно и ядовито и впечатление производила сильное. За этой брошюркой последовали: «Пауки и Мухи», «Косвенные налоги» и др., в особенности же мне памятна осталась «Речь рабочего Петра Алексеева на суде», заканчивающаяся словами:... «И ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».. И, наконец, вслед за этой агитационной литературой в наш кружок стали проникать и периодические нелегальные издания: «Искра», «Революционная

Россия» и «Заря». Эти зачитывались буквально до дыр, так как поступали в семинарию уже изрядно потрепанными.

Постепенно расширяясь, кружок завязал связь с другими учебными заведениями г. Калуги и стал издавать собственный рукописный журнал «Пробудитель», хотя и чисто академического характера, но с определенной тенденцией руководительства всей оппозицией.

Семинарское начальство, пронюхав через шпиков о существовании журнала, забило тревогу. А тут еще на грех громовые «церковные раскаты». Бедняга инспектор А. А. Преображенский совсем сбился с ног и замучил своих помощников и надзирателей выслеживанием «крамолы».

Дело в том, что семинаристы, как жившие в казенном общежитии, так и на частных квартирах, обязаны были по праздникам являться к богослужению в семинарскую церковь. В конце всенощной хор поет: «Честнейшую херувим»... Все стоят и спокойно слушают. Но только что начинается известный стих, как вся семинария дружно подхватывает:

«Низложи сильные со престол
И возвезде смиренные,
Алчущие исполни благ
И богатящиеся отпусти тщи»...

После этих слов все сразу стихают и дальше поет только один хор...

—Смотрите, Введенский!.. Вы висите на волоске,—предупреждал меня добряк преподаватель греческого языка.

Вскоре этот волосок оборвался...

В конце 1902 года я был уволен из семинарии без об'яснения причин и вместе со мною три одноклассника: Владимир Боголюбов (впоследствии административно высланный в Великий Устюг), Кирилл Филицын и Григорий Пятницкий. Нам выставили по 4 из поведения и выдали на руки аттестаты, в коих по всем предметам отметки были удовлетворительные.

В то время покойный отец мой бросил семью и уехал из Калуги. Кроме меня, старшего сына, у матери оставалось на иждивении еще четверо детей. Материальное положение было до того трудное, что, распродав всю лишнюю мебель и домашние вещи, мать наша еле могла достать нам кусок черного хлеба и чаю с сахаром.

Чуткий И. А. Сергиевский быстро организовал сбор денег среди семинаристов в пользу уволенных товарищей, и я раза два получал через него пособие в размере 10—12 рублей...

Горькая проза жизни делает свое. Жажду знания, пищи духовной, жажду борьбы пересиливает потребность в пище телесной и я смиренно иду проситься на «место» к управляющему казенной палатой старику А. П. Булгакову.

—А вы за что уволены из семинарии?—тихо спрашивает Булгаков.

—Не знаю,—обычный наш ответ...

—Ага!.. Как это... поется?.. Да.. «Низложи сильные со престол»... Знаю, знаю!..

И в казенной палате отказ.

II.

Пристроившись в 1903 году в качестве писца в канцелярии губернского по земским и городским делам присутствия, я «для крепости» вскоре определяюсь на государственную службу и, сияя кокардой и пуговицами, имею самый благонамеренный внешний вид.

Земские с'езды 1904 года, их резолюции с требованием конституции разбудили и такого флегму, как мой старинный приятель П. И. Зубков («Солидный»). Он начинает сочувственно относиться к политической деятельности земцев и революционной работе зарождающейся Калужской с.-д. группы и, хотя сам не принимает активного участия в работе, но, как «сознательный», частенько дает себя использовать в деле хранения литературы, сборов денег по подписным листам и т. п. С П. И. Зубковым мы начали корреспондировать в «Слово», «Зритель» и др. легальные периодические издания, через него же и В. В. Дурасова я помещал в «Освобождении» и секретные циркуляры министерства внутренних дел и ответы на них Калужского губернатора Офросимова, приходившего в бешенство от этих «корреспонденций» и разносившего в пух непременного члена губ. присутствия А. П. Козловского, из канцелярии которого выходили секретные бумаги и попадали прямо в Штутгарт к Петру Струве.

Конечно, были допросы и разговоры: «Кто бы это мог?» и т. д. Но роль наивного чинуши и беспечного «Шалды-Балды», как прозвал меня Козловский, выручала меня всегда. И нередко после таких разговоров и допросов, я забирался вечером в канцелярию и переписывал на машине семинарский журнал «Рассвет», а возле машины держал на-готове какое-нибудь амурное стихотворение или циркуляр Калужской партии «За царя и порядок», лидером коей был секретарь нашего присутствия В. А. Грузевич-Нечай. Кстати сказать, это был один из умнейших и корректных черносотенцев. Будучи ярым монархистом, он умел вести дружбу неразрывную с такими людьми, как напр., И. Л. Толстой, (сын графа Л. Н. Толстого), который как-ни-как всетаки был левым «кадетом».

Меня однажды Грузевич призвал после службы к себе на квартиру в дом Кологривова и отечески журил, требуя, чтобы я больше не «корреспондировал»:

—Не вздумайте отговариваться!.. Кроме вас в канцелярии некому этого сделать...

Хотя он и дал мне слово никому о нашей беседе не говорить, всетаки я чувствовал себя неспокойно. Нащупав почву через П. И. Зубкова у секретаря губернской земской управы А. А. Журавлева (с-р) и председателя управы В. П. Обнинского (к-д), я подаю прошение о приеме меня на службу в губернское земство. Порядки того времени требовали, чтобы о каждом лице, поступающем на службу в земство, испрашивалось разрешение губернатора. И когда послан был запрос обо мне, то он так и остался у губернатора под сукном, и мне перейти в земство не удалось. Конечно, это было делом рук В. А. Грузевича, не желавшего отпускать меня из своей канцелярии.

Помимо связи с «третьим элементом» (земскими работниками), помогавшим нам главным образом в печатном деле, как напр., Н. А. Толстой и И. В. Смирнов, из под рук которых вышла не одна тысяча «лям» (прокламаций), сработанных на земском ротаторе,—налаживались связи и с «Калужской с.-д. группой».

И. А. Голубев («Козыренко», он же «Церетелли»), впоследствии мой самый старший серьезный товарищ и всегдашний руководитель и собеседник, вначале почему-то был мне далек; и непосредственная связь с Группой произошла у меня через семинаристов: братьев Крыловых («Касьяна» и «Вака»), А. Лихачева («Петрович», он же «Лобуда») и Я. Чистякова («Янкель»).

Квартиры у Чортова мостика и в Старичковском тупике близ ресторана «Лондон» памятны мне, как маленькие склады, где временно хранилась и откуда распределялась нелегальная литература, в том числе и прокламации к запасным войскам, которых тогда по случаю войны с Японией было расквартировано в Калуге около 12 тысяч штыков. Кроме всех казарм мобилизованными занято было под постой много и частных домов и даже школ, превращенных в казармы. Поэтому для расброски прокламаций по гарнизону город был разбит на районы, которые обходила известная группа, начиная работу в заранее назначенный час ночи. Со мной работали: П. Н. Покровский, И. В. Смирнов, И. С. Тулин, А. Н. Кузнецов («Несчастный») и друг.

Часть этих товарищей входила и в наш пропагандистский кружок, который в зимнее время ютился в квартире Купецкой в глухом переулке на Лебеданской улице, близ Жандармского Управления, а летом вел занятия в бору. Задачей этого кружка было прежде всего изучение азбуки марксизма. Пособиями у нас были: «История культуры» Липперта, «Труд и Капитал» Свидерского, «Краткий курс экономической науки» А. Богданова, «Коммунистический манифест», «Эрфуртская программа».

В этом кружке я познакомился со старыми марксистами: Л. Цалковской («София Перовская») и Н. И. Поповым («Моща»).....

III

1905 год!..

Год митингов и демонстраций, год забастовок, год бури и крови, год смерти дорогих товарищей!..

Более полутора десятка лет отделяют нас от этого года, и трудно теперь исключительно по памяти восстанавливать картины минувщего... Отдельные факты и эпизоды сливаются во времени... Кажется, в этом году я получил партийную кличку «Чепчик», а потом «Счастливый».

Соперничество «Союза» с «Группой» окончилось их слиянием. Первичными организациями через «Коллектив» был избран «Калужский Комитет Р.С.Д.Р.П.», об'единявший собою: 1) городской район (типографы, булочники, заводы Фонина, Грибченкова и др.), 2) ж.-д. район (главные мастерские Сз.-Вм. ж. д. и депо, а также казенный винный склад). Позднее КК имел «секции»: военную (работа среди военнослужащих местного гарнизона), окружную (связь с уездами) и боевую дружину.

В организации боевой дружины главное участие приняли: С. Д. Митин («Мохов») и М. И. Образцов («Воробей»), расположившись штабом в техническом училище.... Перед этим, когда еще было «тихо», деньги на оружие собирал по подписному листу Л. Баевский («Бай»), ходивший по заранее намеченным квартирам. Собирались также деньги для этой цели и по правительственным учреждениям, а также и среди учащихся и местной интеллигенции. Рабочие ж.-д. района делали непосредственно %% отчисления на б. д. из кассы своего районного комитета, а городские рабочие пока еще не были организованы—по подписным листам.

В распоряжении боевой дружины было около шести десятков револьверов, включая и Тульские «смиты» с «бульдогами», несколько трехлинейных винтовок, старых берданок, охотничьих ружей и кое-что из холодного оружия, как военного, так и вольного образца.

Револьверы почти все были розданы по рукам, за исключением нескольких «Ноганов», которые я хранил в магазине З. Я. С-ой на Никитской улице на случай экстренного требования для кого-либо из комитетчиков в служебную поездку и т. п.

Неоднократно П. П. Суханов в частной беседе предлагал мне собрать все оружие в одно место, «чтобы не было частых потерь» и таким образом устроить арсенал. Но представители Комитета, помнится мне, на это не соглашались. Это предложение Суханова послужило впоследствии одним из поводов к обвинению Суханова в провокации.

Обучение стрельбе из револьверов производилось десятками по очереди где-нибудь за городом.

Однажды такой десяток отправился на стрельбу за реку. Пошли: В. А. Нахалов («Аграрий»), Кизик, Н. В. Максимов («Максим», он же «Клим»), И. С. Тулин, Левандовский и др.. Выбрали место поглуше, установили мишени... Стреляют.

Вдруг Тулин садится на колени, а затем безпомощно падает на землю лицом вниз... Изо рта кровь... В руке (на тесемке) разряженный револьвер... Среди дружинников смятенье...

— Кто это?... Это ты его убил?—кричит один на другого.

Наконец, выясняется, что у Тулина во время стрельбы револьвер дал осечку. Чтобы снова взвести курок, который поднимался очень туго, Тулин взял револьвер в обе руки,—дулом к себе—и стал поднимать курок, но он соскользнул и дал выстрел... Пуля пробила сердце...

Что делать?... Бросить здесь, в овраге, тело товарища стыдно, а взять с собою и рассказать, как было дело—значит всем сесть в тюрьму... Думали, думали и всетаки решили пока оставить Ваню Тулина без присмотра... «Мертвые сраму не имут»... Отбирают у него револьвер и быстро расходятся.

На конспиративной квартире у «Максима» на Дровяной площади пишется анонимное заявление Калужскому уездному исправнику о случайной встрече в лесу в таком-то месте мертвого тела, а на утро трое «убийц»—Левандовский, «Максим» и «Аграрий» после юридической консультации у Н. Х. Фосса идут с повинной к прокурору Данилову, где и встречают исправника Мантейфеля... После допроса «убийцы» были отпущены.

Тело Вани Тулина было перевезено в Хлюстинскую больницу, откуда после вскрытия мы несли его на руках в церковь на Васильевской улице. Здесь был приготовлен венок с красной лентой:

«Безвременно погибшему дорогому товарищу».

Священник струсил и не хотел итти на кладбище, пока не уберут красную ленту.

Не помню, чем это кончилось, так как мои мысли были заняты совсем не красной лентой. Родные Вани, в особенности его отец и сестра старшая, такие взгляды бросали на нас, что казалось, говорили: «Уйдите прочь, убийцы! Вам не место здесь, у гроба нашего Вани!».

И к горькому чувству потери дорогого товарища присоединилось это гнетущее настроение от сознания невольной вины в происшедшем несчастии, хотя я лично не присутствовал на этой роковой стрельбе...

В этом же году получилось известие о трагической кончине И. А. Сергиевского в Вятке.

Октябрьские дни наступили, и что было предрешено судьбой, то и свершилось. Что могла сделать наша горсть с черной тучей, которая, как саранча, брала приступом даже такие крепости, как квартира братьев Радиловых на Старом торгу, где полегло на месте несколько черносотенцев под ружейным огнем.

Октябрьский погром закончился кровью. Со стороны нашей из пострадавших сейчас помню П. Н. Баташева, которого сильно избили и повредили лицо. От с.-р-ов погиб Денис Радилов, настигнутый толпою во время его бегства... Со стороны черной сотни около десятка трупов...

IV.

В 1907 году наша организация послала на с'езд РСДРП в Лондон делегата от Калужского района (Калуга, Медынь, Говардово, Троицко-Кондровск. фабр.) тов. Митина, состоявшего членом К. К. По приезде из Лондона он сделал несколько докладов о с'езде и «в силу непредвиденных обстоятельств», перейдя на нелегальное положение, вынужден был отойти от активной работы, продолжая скрываться от полиции. Одно время Сережа был очень комичен с волосами на голове двойного цвета: вследствие маскировки он остригся на голо и перекрасил волосы, а когда они подросли, то и получился двухцветный флаг...

Будучи кооптирован в этом году в Калужский Комитет для постоянной работы в качестве его секретаря, я принял дела и печать от Н. М. Снегирева («Борхард»). Для иногородних сношений моя кличка была «Бронислав», как подписывались все официальные бумаги, выдаваемые комитетом: «явки», «проходные» и т. п. удостоверения.

Комитет состоял из пяти выбранных членов. Сейчас затрудняюсь всех перечесть персонально в виду давности времени. Помню, что в комитете долгое время состояли следующие лица: интеллигенты: И. А. Голубев (меньшевик) и Н. Фалеев («Струве», большевик), Гайгеров («Бульва», большевик) и рабочие: А. Карев («Калиныч») и Пономарев («Падин»). Последний избран от жел.-дорожн. района.

Работа шла хорошо. Одним из больных мест комитета был недостаток денежных средств. Надо ездить за литературой, распространять ее по городу и в уездах, надо поддерживать голодных «нелегальных гастролеров», которые то и дело залетали в Калугу со всех концов... На все нужны деньги .. А тут еще задумали издавать свой печатный орган...

Приходилось изощряться в добывании денег.

— Деньги есть везде... Надо только уметь их взять—говаривал один партийный товарищ.

И мы облогали специальным сбором всю «сочувствующую» местную интеллигенцию, служащих правительственных учреждений, учащихся, неорганизованных ремесленников и мелкую буржуазию, а к богатеям и купцам на Никитской ул. также пробовали не раз подсылать сборщиков, как говорится «с разбегу», чтобы не дать опомниться от неожиданности и тут тоже «зашибали копейку».

В книжном магазине комитета «Маяк» в Никитском переулке разыгрывались лоттереи и перепродавались различные революционные издания, иллюстрации и портреты, известные юмористические открытки «Червя» на политические темы и т. п. Кроме того устраивались концерты и спектакли в пользу комитета. Наприм., в местном зимнем театре была поставлена пьеса О. Мирбо «Труд и Капитал», на которую все билеты заранее были распроданы нашей организацией.

Собравшись со средствами, Комитет стал издавать газету «Калужский Рабочий», которая печаталась в собственной типографии комитета при квартире Н. М. Снегирева в Лядовском переулке.

Однажды ночью во время печатания газеты раздался со двора звонок. Перепачканные краской Снегирев и П. Н. Покровский остолбенели... Куда убрать? Все разбросано... Работа в самом разгаре... А звонок все сильнее заливается...

— Засыпались!.. Делать нечего... Иди, отпирай!..

Отворяют двери...

— Здорово, ребята!.. Какого же черта не отпираете?—перед глазами «типографов» предстал «Касьян» (В. В. Крылов), запоздавший с поезда...

Редакционная комиссия газеты с главным редактором И. А. Голубевым устраивала свои заседания большей частью на Крестовском поле в квартире Виктора Плотникова («Мельник»), который также входил в число членов комиссии...

В этой квартире происходили впоследствии и нелегальные собрания уполномоченных от рабочих, которые приезжали в Калугу на официальный губернский с'езд избрания двух выборщиков от рабочих. Эти выборщики входили в число 72-х выборщиков от всех сословий для избрания депутатов в Государственную Думу от Калужской губернии. Конечно, такого случая, как с'езд рабочих избранников да еще с благословения начальства надо ждать годами, а потому он и был использован комитетом до последней возможности в смысле знакомства, завязывания связи, обмена впечатлениями и пр. Уехали уполномоченные домой с полными карманами легальной и нелегальной литературы...

А я по-прежнему продолжал служить в губернском по земским и городским делам присутствии под отеческим покровительством непременного члена А. П. Козловского.

Здесь была сосредоточена вся работа по проверке, контролю и опубликованию в печати списков избирателей в Государственную Думу по всем «куриям»: землевладельческой, крестьянской, городской и рабочей. Сюда летели рапорта исправников и доносы на неблагонадежных выборщиков; и здесь «верховный жрец» Козловский, набивший руку на городских и земских выборах с ловкостью фокусника перекраивал списки (по директивам «его превосходительства»), искал лазейки под все статейки «Положения о выборах в Госуд. Думу», чтобы кассировать выборы, давшие нежелательные результаты, и «в два счета» отсылал «производство о выборах» в губернскую комиссию для отмены таковых и назначения новых выборов...

Депутатом 2-й Государственной Думы от рабочих Калужской губерн. был избран В. Баташев. Кандидатами от с.-д. по городу Калуге выставлены были, но не прошли: Н. Х. Фосс, Д. А. Фелицин, П. П. Суханов и Масленников...

С расширением деятельности Калужского Комитета прогрессивно выростает число организованных рабочих и механически увеличивается кадр активных работников партийных, а параллельно с этим идет интенсивнее и работа местной охранки.

Простые смертные «шпики», несшие наблюдение на улице, были у нас почти все на перечет, а более серьезные и провокаторы уже нащупывались нами. Между прочим, не обходилось и без курьезов и печальных недоразумений, когда кого-либо из преданных делу товарищей вдруг один или двое заподозревали в провокации. Но таков уж характер подпольной работы, когда сплошь и рядом приходилось остерегаться чуть ли не самого себя. И нередко, сидя в пивной у Ольги Павловны с И. А. Голубевым и В. А. Нахаловым после сообщения о новом аресте кого-либо из товарищей, мы задумывались и поглядывали друг на друга:*)

— Ну, теперь, твоя очередь «засыпаться»...

И мы не ошибались.

Несмотря на то, что большинство арестованных, имея с нами тесную связь в той или иной области работы, ничем не скомпрометировало нас, оставшихся на свободе, несмотря на кажущуюся нам конспирацию наших деловых свиданий, разговоров и переписки, где на первом плане были явка, пароль, кличка, шифр, костюмировка,—все, что требовала конспирация,— все же наш враг не дремал, и мы только, как страус, прятали голову под крыло...

Уж слишком намозолили глаза жандармам постоянные встречи одних и тех же лиц почти в одном и том же обществе. А в Калуге, небольшом городе, безусловно этого не заметить нельзя.

И слежка велась шаг за шагом.

---

*) Пивная Горшанова на Старом торгу,—старинная студенческая пивная, где буфетчица Ольга Павловна и маркер Алексей Аристархович Турбанов («Дюжарден») были своими людьми и оказывали услуги партии хранением литературы, оружия, явками и т. п.

В путевых журналах филеров определенно указывается день и час, откуда вышел об'ект наблюдения, куда пошел и с кем, при чем наблюдаемым даются шпиками также свои клички.

Так, например, одна знакомая, с которой я часто появлялся вдвоем в общественных местах, в донесениях филеров именовалась «Канарейка». Об этом я узнал только много лет спустя, когда брат мой Дмитрий переслал мне из Калуги мои портреты, найденные в разгромленной Калужской охранке, вместе с регистрационной карточкой.

Регистрационная карточка содержит в себе следующие данные: I) три фотографических снимка (ан-фас, в профиль и во весь рост); II) описание примет: возраст, рост, телосложение, об'ем в поясе; цвет, волнистость и густота волос; цвет и выражение лица; высота, наклонность, морщины лба; форма головы, цвет, форма и расположение бровей; величина и глубина орбит (глазных впадин); цвет райка (глаза) и расстояние между глазами; форма носа, уха, ушной бородки и мочки, губ и подбородка; ширина и наклонность плеч; шея, руки, привычка их держать, ступни и форма ног (№ обуви); осанка, походка и особенности в жестикуляции, гримасы или мимика. Природный язык, иностранный акцент, выговор, голос, шепелявость, картавость, особенности одежды, привычки; III) номер дела; IV) ложное имя, прозвище, кличка, фамилия, имя и отчество, подробное звание, месторождение, отец, мать, живы ли они, женат или холост, любовная связь, братья и сестры и проч. известные родственники, вероисповедание, военная служба, где получили образование, знает ли мастерство (профессия) и последнее место службы, последнее местожительство, когда, где и по какому делу задержан или привлечен, по какому делу ранее привлекался, была ли ранее снята фотография, когда и где, не подвергался ли уже приводу или регистрации при помощи антропометрических измерений или дактилоскопии, когда и где и V) оттиски пальцев правой и левой рук отдельно...

Частые «провалы» одно время так озлобили нас, что против разведки шпиков у нас образовалась своя контр-разведка, которая вскоре превратилась в «Боевую Группу», поставившую себе целью «убирать» особо неугомонных шпиков. Душою этой группы был «Петрович». Правая его рука— «Мохов», левая—«Савва». Группа была тщательно законспирирована и действовала независимо от комитета, который официально даже не знал о ее существовании. Совещания свои группа устраивала на Зеленой улице в домике на краю оврага. Здесь, между прочим, решено было убрать одного шпика (фамилии не помню: в синих очках, с бородкой, фуражка ж.-дор. агента), который жил на Успенской улице. В неудавшемся покушении на убийство этого шпика принимал участие и пишущий эти сроки...

V.

Наступила осень 1907 года.

Наша организация решает использовать рекрутский набор, как подходящий случай для агитации, и на собственной «типе» (типографии) выпускаем «ляму» (прокламацию): «К новобранцам.»

Сотни две экземпляров этой прокламации остались у мена на квартире.

Дело было 11 октября. На утро я собирался «перетырить» их по принадлежности и без всякой предосторожности положил в своей комнате на подоконнике. Думаю, больше никакой нелегальщины под рукой нет, а эту сплавлю завтра вмести с оставшимися частями типографских принадлежностей, которые хранились в сарае. Для этой цели я и попросил свою мать разбудить меня в 6 час. утра, что она и выполнила по обыкновению аккуратно. Жаль только, что она не энергично будила меня и я вскоре опять задремал. Но эту ошибку исправили за нее другие..

Не прошло и полчаса, как послышался в передней стук, разговор в полголоса и звяканье шпор..

— Пришла моя очередь!.. Вот уже эти разбудят и живо поднимут с постели.

В мою комнату входит пристав I части П. И. Мещерский. Сзади маячит высокая фигура жандармского вахмистра Горелова, за ним еще один жандарм, городовые и двое штатских.

— Константин Дмитриевич Введенский здесь?

— К вашим услугам...

— Одевайтесь!..

И рука пристава протягивается к пакету на подоконнике:

Приобщите к делу!

Околоточный усаживается за составление протокола. Жандармы начинают шарить. Ничего нелегального больше нет за исключением протокола «Межрайонной конференции» и блокнота с шифрованными московскими явками.

С ожесточением набрасываются на кипу изданий «Донской Речи», благо многие из книжек в красных обложках. Копаются в большой коллекции газет, издававшихся явочным порядком: «Начало», «Северный Голос», «Борьба», «Сын Отечества» и др.

Одевшись, я выхожу на кухню умыться. Сопровождающий жандарм останавливается возле двери.. В кухне мать и две маленькие сестренки сидят и плачут. Умышленно долго умываюсь и не перестаю диктовать матери, куда должна пойти, что сделать, сказать и проч. Бедная плачет, но всетаки обещает исполнить все, что прошу. Это меня немного успокаивает.

В столовой осталась неубранной с вечера закуска по случаю именин матери. Желая слегка подкрепиться, я наливаю рюмку водки.

— Нельзя!.. Вы арестованы,—останавливает меня жандарм...

— Да вы что думаете, отрава? Неугодно ли попробовать? Самая настоящая николаевская!..

Но угрюмый «дух» несокрушим; и я сажусь за крепкий чай.

Околоточный сидит у окна за круглым столом и скрипит пером. В окно видно, как вихмистр Горелов роется в соседском огороде и что-то ищет.

— Где оружие спрятано?—допытывается у меня Мещерский.

— Я ничего не прятал.

— На чердаке?

— Может быть и на чердаке... Вы поищите!..

Вскоре слышу тяжелый топот над головой. Мы занимали маленькую квартиру в мезонине, где чердак очень низкий, так что «искателям» приходилось там ползать на четвереньках и малейшее неловкое движение награждало их шишками на лбу...

В сенях один из жандармов роется в чуланчике, наклонившись над горшками и банками с провизией. В это время моя мать в валенках тихо подходит сзади и берет с полочки над головой жандарма коробочку с печатью Калужского Комитета, которая в тот же день по уходе жандармов была отослана по принадлежности...

— Ваше Высокоблагородие! Типографию нашли!—влетает в квартиру потный и красный Горелов.

— Как? Где нашли?—испуганно-радостно спрашивает пристав.

— В сарае, под дровами!

Немедленно делается распоряжение послать за экспертом в губернскую типографию и вместе с тем отправляется экстренное донесение в охранку о ценных «трофеях». В комнату втаскивают часть набора «Калужского Рабочего», немного рассыпанного шрифта и несколько пачек ружейных и револьверных патронов. Жандармы, конечно, ликуют.

Обыск заканчивается в 11 час. дня. Просят подписать протокол и следовать за ними. Выходим на улицу. Не желая путешествовать со всей полицейской ватагой, я заявляю приставу, чтобы распорядился дать извозчика...

День ясный, теплый.

Напротив здание городского училища, и ребята—самый чуткий элемент и необходимые спутники всяких шествий и происшествий—уже столпились в ожидании «черной кареты». Я с удовольствием замечаю среди школьников Леню Смирнова, брата А. И. Смирнова. Значит А. И. немедленно будет знать о моем аресте и немедленно же известит, кого следует. Где же первые новости и «последние известия» из партийной жизни, как не в парикмахерской Анатолия Смирнова, главного редактора калужской «устной газеты»?

Извозчик готов.

— Прошу садиться!—любезно приглашает мой конвоир, красавец помощник пристава Эрман...

В части меня вторично обыскивают, отбирают кошелек, часы, пенсне портсигар и носовой платок и сажают вместе с пьными, пока не освободится маленькая женская камера. Вскоре городовой Макаревич переводит меня в женскую. Здесь гораздо чище и одному спокойнее. Жаль только,

что покурить нечего... Хожу из угла в угол и никак не могу привести в порядок мысли...

Вдруг загремели запоры... Дверь распахнулась и в камеру влетает В. А. Грузевич-Нечай.

— Достукались?

Я ничего не отвечаю и прошу дать папиросу. Закуриваем...

— Сейчас я был у прокурора и у жандармского полковника... Черт знает, что у вас там нашли!.. Ведь вы не представляете себе, чем это пахнет!.. А у вас мать-старушка... Пожалейте ее и малолетних сестер!... Скажите, откуда у вас это все, и мы устроим... Только сознайтесь!... А я знаю, кого попросить, и вы скоро получите свободу... Охота вам сидеть в тюрьме из-за каких-то голодранцев?.. Подумайте!... Напишите мне, и я в любое время...

Пришлось не очень вежливо оборвать заступника просьбою, чтобы он выдал мое жалованье и сверхурочные моей матери... На этом свиданье и кончилось...

Вечером, при получении из дома постельных принадлежностей, я узнал, что кроме меня арестовано еще много товарищей и все одиночки в тюрьме заполнены.

Только на пятый день ареста меня переводят в тюрьму. Попадаю в угловую камеру под церковью, № 3, сырую и холодную. Соседями моими оказались: старик-учитель С. М. Пшенай, С. Д. Богданович (Живоглот), М. Троицкий (с.-р.), учитель Головашкин (из Медыни), А. Лихачев (Петрович) и два молоденьких эксиста В. Щукин и В. Добровольский.

Привезли меня вечером, после поверки. Почувствовав жажду и не зная тюремных порядков, я стал требовать, чтобы мне дали воды. Дежурный «мент» Сергей Дмитриевич Ерохин на все мои просьбы заявлял только одно, что открыть камеру он не может, а стучать не полагается.

Дело в том, что после вечерней поверки ключи от всех постовых надзирателей отбираются и хранятся в конторе тюрьмы до утра. Я ничего не понимаю, а соседи мои, слышу, со смеху покатываются на новичка. Убедившись, наконец, что воды мне не достать, я с'едаю уцелевшее одно антоновское яблоко и устраиваюсь на ночлег.

— Товарищ, к телефону!—слышу осторожный окрик своего визави.

Оказывается, что три «подцерковные» одиночки соединены одним сточным канализационным жолобом и в каждой камере есть постоянное судно, заменяющее парашу. Стоит только открыть крышку и заключенный немедленно получает возможность легкого (хотя и не совсем приятного) разговора.

«Телефоном» пользуются только тогда, если «дух» ходит близко и кричат через дверной «волчек» нельзя, а разговор срочный.

Со своими непосредственными соседями слева, справа, сверху или снизу можно разговаривать еще и по «телефону». В каждой одиночке на стене обыкновенно изображена таблица с азбукой элементарной тюремной «стуковки».

—	1	2	3	4	5
1	А	Б	В	Г	Д
2	Е	Ж	З	И	К
3	Л	М	Н	О	П
4	Р	С	Т	У	Ф
5	Х	Ц	Ч	Ш	Щ
6	Ы	Ю	Я	—	—

С начала выстукивается вертикальная цифра, показывающая, в которой строке находится буква, а затем горизонтальная — которая по счету буква, напр., слово «арест» изображается так:

1....1 (а)
4....1 (р)
2....1 (е)
4....2 (с)
4....3 (т)

или сокращено, если нужно написать:

11.41.21.42.43

Этот же способ употреблялся нами при переговорах во время встречи на дворе или в корридоре тюрьмы, когда одного вели на допрос или на свидание, а другой шел в баню, в больницу или на прогулку. Практика выработала даже определенные „стенографические сиглы“, которыми мы обозначали все секретные или особо интересные для нас предметы. Эти предметы мы называли только первою буквою слова. Напр., Хлюстинская (больница)—51, ножик—33, бритва—12, „ксива“ (письмо)—25, свидание—42 и т. д.

Бывало дежурит „выводным“ хромой Павел Евграфыч—„рваный ус“. Выводит на прогулку... Вдруг кто-нибудь из товарищей встречается:

— Костя, здорово! 25-ю? (Значит: „Ксиву получил)?“

— Ну, иди, иди!—ворчит „Пал Еграфыч“,—Знаем, небось, ваши 25 да 45!... Вот ужо начальнику доложу... Тогда и будет тебе 25!...

Хлюстинская больница („51“) была излюбленным местом наших прогулок. И мы, чтобы не „провалить“ больницу, устанавливали даже очередь на нее.

Хотя все мужчины политические сидели и в разных местах,—1) под церковью, 2) в „задних“ (секретных) одиночках, 3) в общей камере № 9 внизу и 4) в „околодке“ наверху,—всетаки связь держалась крепко и устная и письменная.

Конечно, ни один из надзирателей суровой школы Загряжского не рискнет передать записку (а если и возмет, то только; чтобы провалить, как напр., Дьячков),—на них мы и не расчитывали. Помогали нам в этом только „корридорные“ из уголовных и кашевары за кусок сахару или осьмушку табаку.

Но курьезнее, всего, что самым верным и регулярным нашим „почтальоном“ был тюремный священник о. Чиннов, ненавидевший политических. По долгу службы он обходил камеры с книжками религиозно-нравственного содержания и различной душеспасительной ерундой, какая только могла и быть в казенной тюремной библиотеке. Взявши у „бати“ книгу „для чтения“, мы подкалывали булавкой или чуть заметно обозначали карандашем точки под буквами текста, так что из этих меченных букв составлялись целые фразы и в следующий визит отца духовного просили передать книгу такому-то товарищу, который, мол, ею очень заинтересовался, а тот уже знал, на какой странице искать начало „радиотелеграммы“. Иногда мы даже целиком заделывали „ксиву“ в переплет книги. Такой способ практиковался и для получения писем с „воли“, откуда мы получали книги, разрешенные тюремным начальством. Для переписки с женским отделением тюрьмы мы отдавали туда в стирку белье и оттуда получали „ксиву“ на кусочке белой материи, зашитой в воротник рубашки. А на „ближнюю дистанцию“ можно было перетыривать ксиву в метелке, которая давалась по очереди из одиночки в одиночку, чтобы подмести пол..

Так мы держали связь и таким образом к ожидаемому визиту тюремного врача мы знали, кому следует записаться в больницу с настоящей или выдуманной болезнью, а кому и обождать, потому что все равно сразу всех не поведут, только легче обратишь внимание начальства и скорее провалишь больницу.

В больнице в общей приемной комнате конвой очищал нам место среди публики, и мы терпеливо ожидали приема врача, тихо беседуя с кем-либо из вольных „больных“, особенно щедро угощавших папиросами конвойных солдат. Самое удобное место для свиданий было в глазном отделении больницы, которое помещалось в глубине двора, в маленьком деревянном флигеле, куда обыкновенно приходило очень мало больных. Там при „добром“ конвоире можно было спокойно посидеть и прочитать „ксиву“ с воли, маленькую „передачу“ получить и побеседовать с глазу на глаз.

Конечно, не всегда подобное путешествие удавалось, когда и подходила „очередь“. Все зависело от тюремного врача, и сплошь и рядом приходилось получать капли, микстуру или примочку вместо отправки в больницу. Особенно непримиримой политикой по отношению к нам отличался один врач (кажется, по фамилии Фельдман,—высокий, худой, рыжий), который в редких случаях даже соглашался прописать больному то лекарство, которое он просит. Если вы просите от нерв валерианки, то он обяза-

тельно пропишет „кали бромати", просите бертолетовой соли для полоскания горла, он даст борной кислоты и т. д. Это был настоящий эскулап, трусливый чиновник—службист, которого так же, как и иерея Чиннова, забрал в свои когти тюремный коршун Загряжский.

Доходило до курьезов. Напр., врач осматривает больного, находит острое малокровие, прописывает лекарство и переводит с общего арестантского котла на больничный, о чем и делает пометку в своем журнале. „Больничный" котел состоит в следующем: 1) щи с мясом (вместо „баланды" общего котла, заправленной салом, а в постные дни—маслом) и 2) 1 ф. белого ситного хлеба (вместо 2 ф. черного). Гречневая каша с салом или маслом дается одинаково больному и здоровому.

Проходит день, два. Лекарства получены, а пища не изменяется. Приходит доктор.

— Почему меня не перевели на больничный котел? — спрашивает больной.

— Начальник не разрешил...

Начальник Калужской губернской тюрьмы Василий Иванович Загряжский, бывший становой пристав Медынского уезда, в тюремной церкви во время богослужения стоял у церковного ящика, как степенный и заботливый церковный староста, у которого в храме полное благолепие, а кандальники даже „Взбранной воеводе" и „Многая лета" не простые поют, а по нотам. С дамами Василий Иванович был галантен до обольстительности, сверкая своими золотыми погонами и прикрывая в разговоре гнилые зубы под пушистыми усами. В приемной у губернатора с „ недельным рапортом" в руках он раболепно заискивал у дежурного чиновника и в тоже время беседовал с полицеймейстером Трояновским, как равный с равным. Перед надзирателями начальник корчил из себя старого гвардейского офицера, молодецки принимая рапорта постовых и позвякивая шпорами вдоль тюремного корридорами. С политическими Загряжский изо всех сил старался держаться, как „джентльмен" и „интеллигент", а уголовных ругал матерно на чем свет стоит и бил „по морде" собственоручно, бил часто и немилосердно. В прошлом полицейский урядник, достигший звания начальника губернской тюрьмы, Загряжский зубами уцепился за эту почетную и хлебную должность и лез из кожи вон, чтобы не испортить себе карьеру. Большой актер и пройдоха, хотя и недалекий по уму, но хитрый от природы, Загряжский в то же время был слишком мелочным и капризным человеком, в немалой степени ехидным и порою бесцельно жестоким.

Однажды во время вечерней поверки, когда я из одиночки был переведен за „примерное поведение" в околодок (общая политическая камера), мы услыхали в соседней камере шум, отчаянную ругань начальника и вслед за тем удары, специфические звуки удара по человеческому телу... Вскоре все стихло и соседняя камера запела: „Помилуй мя, боже". Значит, там поверка кончилась.

Заходят к нам. Впереди всех начальник, потом старший Свиридов и группа надзирателей. Мы выстроены в одну шеренгу посреди камеры.

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте!—хором вполголоса отвечаем мы.

„Менты" осматривают постели, оконные решетки и попутно производят легкий обыск.

— Черт возьми, как руку ушиб!—потирая кулак, рисуется Загряжский.

Оказывается он только что побил одного из „урпингов", о чем нам подробно и рассказал.

Больше всего побои применялись во время тревоги или обыска.

Тревога делалась обыкновенно по инициативе постового надзирателя, когда в камере происходит драка, скандал или заключенный не слушает приказаний „слезь с окна". Тогда надзиратель нажимает злосчастные три кнопки электрической сигнализации и через несколько минут тюрьма оглашается командными криками:

— Встать, смирно!

Бегут, в чем застала тревога, начальник или дежурный помощник, бежит старший Свиридов, бегут резервные „духи" кто с шашкой, кто с револьвером, с чем попало. Виновник тревоги, если он уголовный, будет избит и посажен в карцер, а политический—посажен в карцер и лишен свиданий или еще чего-нибудь. Без этого ни одна тревога не проходит. Ясно, что дать тревогу постовой надзиратель может и по своему произволу, желая свести счеты с назлобившим ему арестантом и выбрав для этого подходящий предлог. И доказывать свою невинность в момент тревоги совершенно бесполезно. Такова уж „традиция!"

В карцере заключенный получает лишь хлеб и воду и лишается табаку. Кроме того уголовному в карцере не полагается кожаной обуви, а даются лапти на босу—ногу. Карцеров два: светлый и темный. И того и другого я попробовал по милости В. И. Зягряжского.

Однажды, забравшись на подоконник, я увлекся разговором через открытую форточку с «Кумой» (О. И. Сиротиной), сидевшей напротив в женском корпусе, и не заметил появление «самого». Он узетил меня со двора и отдал распоряжение посадить меня в карцер.

Так как при заключении в карцер полагалось иметь только одну какую—нибудь верхнюю одежду: или куртку или пальто, что хочешь, то на этот случай мы имели в «околодке» длинный ватный пиджак, в котором зашиты были кусочки спичек, зажигательная полоска и готовые цыгарки из махорки, т. е. самое дорогое, необходимое для арестанта, в особенности в карцере.

Приказание начальника было немедленно исполнено. У меня отобрали табак и спички, что было на виду, пэнснэ, носовой платок и носки, заставив надеть штиблеты на босу—ногу. На этот раз я попал в темный карцер. Пол здесь асфальтовый. Обстановки никакой. Нар или койки нет. Воздух наполнен испарениями от «параши», которая без крышки стоит в углу. Жара и духота одуряющие, так как карцер этот помещается возле печи амосского отопления. Стены карцера покрыты копотью, так что выходя оттуда на свет божий, бываешь похожим на трубочиста. В виду того, что темный карцер вредно влияет на зрение, заключение в нем бывает короче, чем в светлом.

В светлый карцер попал я 29 декабря. На улице был сильный мороз, а в карцере оконные стекла разбиты и снизу также несет холодом из нечем не прикрытого судна, устроенного в углу карцера. Попал я сюда из одиночки, следовательно, «универсального» пиджака у меня не было, а пальто почему-то не догадался захватить и я дрожал от холода в одном пиджачке. Первые сутки я провел на ногах, не решаясь сесть на холодный асфальтовый пол.... На второй день ноги стали подкашиваться.... Рядом со мною помещалась секретная одиночка уголовного Штанденки. Какими «таинственными« связями с истопниками он обладал я не знаю, но помню только, что он добился, что железная печка, часть который выходила и ко мне в карцер, была хорошо истоплена, и я стал понемногу отогреватся, поворачиваясь то грудью, то спиною к печке. Два пайка черного хлеба, к которому я почти не притронулся, пошли у меня на изготовление «ковра». Я скатал из хлебного мякиша большой шар, размял его в блин и, засушив возле печки, положил этот импризированный коврик на пол возле печки, сел на него и, пригревшись, заснул.

Заключение мое в светлом карцере продолжалась двое суток...

Обыски в тюрьме происходили примерно один раз в месяц. Обыкновенно обыск устраивается ночью. «Духи» в валенках под предводительством начальника тихо подкрадываются, внезапно открывают камеру и выводят арестованного в одном белье на карридор, куда постепенно выбрасывается одна за другой осмотренные «ментами» принадлежности костюма. Роются во всех вещах, распарывают соломенный тюфяк, перебирают грязными руками сахар по кусочку и высыпают на стол чай..

—Ваше высокоблагородие! Ножик!—докладывает кто-нибудь из надзирателей, поднося Загряжскому маленькую железную полоску, отточенную с одной стороны. Такими орудиями мы запасались для очинки карандашей.

—Ага! Чей это?—торжественно и злобно вопрошает «сам», если дело происходит в общей камере. И если виновник не находится, то подвергаются наказанию все обитатели камеры.

Наказания бывают разные: лишение прогулки, табаку, книг, карандаша и тетради, лишение свидания, переписки, передачи, продуктов. Смотря по характеру проступка и настроению начальства, налагается то или другое наказание. Иногда наказания комбинируются. За более сильные «художества» сажают на парашу. Это значит, что вся (общая) камера лишена прогулки и в течение дня не выпускается ни за какой надобностью в уборную, получив в пользование известный сосуд, который в обыкновенное время приносится в камеру только на ночь..

Все эти эксперименты проделывались над нами Загряжским. Заветной мечтой его было переодеть «политику» в бушлаты и остричь под машинку,—тогда и по морде легче дать, как-то само собой сделается. Но к счастью для нас, эта мечта его не могла воплотиться в действительность по законам того времени, запрещавшим переодевание политических как подследственных, так и осужденных на заключение в крепость.

Те же наказания, только с присоединением побоев, применялись и к уголовным арестантам с тою лишь разницею, что там, наприм., запрещенною вещью считался даже карандаш, за который владелец его немед-

ленно летел в карцер. Именно летел, так как его подгоняли ударами ружейных прикладов конвойные солдаты, которые цепью были расставлены в коридорах во время обыска.

Суровый режим Калужской тюрьмы далеко в окружности был известен всем пересыльным арестантам. С упразднением каторги она стала одним из „централов", где отбывали наказание приговоренные к каторжным работам. По отзывам пересыльных, только в двух централах еще суровее Калужского был режим: в Орловской тюрьме «политику» заставляли петь молитвы и носить нательные кресты, а в Псковской были даже случаи наказания политических розгами.

VI.

Ориентировавшись в тюремной обстановке, мы начали понемногу разбираться и в инкриминируемых нам преступлениях и в своих «сообщниках». Таковых оказалось вместе со мной 18 человек, в том числе Н. Н. Билибин, В. Ошарин, («Химик», он же «Антоныч») и старушка А. Дунаева, которая до суда умерла на свободе, а Билинин и Ошарин бежали из Лихвинской тюрьмы.

Предварительное следствие по нашему делу вел жандармский ротмистр Ершов.

Допрос обвиняемых производился как в конторе тюрьмы, так и в охранке. Меня, напр., четыре раза возили на Дворянскую ул. в дом Алтынникова (с колонами, на углу Мироносицкой ул.). Здесь подолгу приходилось мне сидеть в передней на сундуке, пока не покажется из дверей полная фигура ротмистра Ершова, приглашающего войти в канцелярию. Допрос велся наедине целыми часами, и бедняга «следователь по государственным преступлениям», как именовал себя Ершов, выкуривал десяток папирос, нервно шагая из угла в угол и бесплодно гипнотизируя меня своими большими серыми глазами в надежде получить желанное «признание». Кроме обычных жандармских угроз и запугиваний в ход пускались увещания и «отеческие наставления», которые как-то неуклюже кончались предложением работать... в охранке в качестве «сотрудника». Подобные предложения сразу отшибали у меня охоту к дальнейшей беседе и я просил немедленно отправить меня в тюрьму, корректно ссылаясь на нездоровье или усталость.

После первого же допроса были разрешены свидания с родными. Появилось подкрепление в виде пышек и лепешек. И утолив физический голод, мы принялись за книги.

Заключение в одиночке в этом отношении очень благоприятно, так как дает возможность вполне сосредоточиться на серьезной книге. Среди разрешенных начальством для чтения оказалась и книга Геккеля «Мировые загадки», которую я проглотил с жадностью и очень сожалел, что не прочитал ее раньше, будучи на свободе.

Труднее пришлось мне после с получением Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Почему-то Загряжский вообразил, что книга эта «противоправительственная» и задержал ее в конторе. Не желая быть назойливым, а главное, чтобы не дать понять этому

бурбону, что я в этой книге очень нуждаюсь, я после одного отказа больше о книге не упоминал, поджидая подходящей комбинации. Вскоре она и представилась.

Дело было на праздник Крещения. Вышеупомянутый с. Чиннов, отслужив обедню, подхватил «святую воду» и помчался на квартиры администрации служить платные молебны вместо того, что-бы сначала обойти заключенных, как это полагается по церковному обряду.

Я немедленно учел это обстоятельство... Пишу прошение архиерею, именуя его «Вице-Президентом Калужского Губернского Тюремного Комитета» (было такое звание и учреждение) и излагаю все дело тоном «несчастного заключенного», оскорбленного в лучшем своем чувстве, религиозном, указывая, между прочим, на то, что о. Чиннов, как отец духовный, должен прежде всего итти к блудному сыну и наставить его на путь истинный и что он ошибается, считая огульно всех политических атеистами, что неосужденный еще не преступник, и стыдно, мол, пастырю доброму в порыве сребролюбия забывать заблудших овец стада своего...

Всякое прошение подается через начальника тюрьмы, который обязан направить его по принадлежности...

— Введенский, в контору!

Иду. Не спрашиваю, к кому, но догадываюсь.

Надзиратели так вымуштрованы начальником, что, вызывая в контору, никогда не скажут, зачем вас вызывают: допрос, свидание, фотограф приехал или писарь желает об'яснить остатки денег, хранящиеся в конторе, как ваш личный счет...

— Ваше Высокоблагородие! Введенский здесь...

— Давай сюда!...

Вхожу в кабинет...

— Садитесь, пожалуйста... Курите!—пододвигает серебрянный портсигар, а у самого злая улыбочка играет на усах...

— Вы что же это?... Кляузничать?... Какое вы имеете право? Вы этим меня подводите!.. Священник мне подчинен в целях внутреннего порядка!... Я хозяин в тюрьме!...

Злобная тирада продолжается минут пять.

В это время «джентльмена» не нужно прерывать, а лучше сидеть молча. Другое дело, когда на сцену выходит «интеллигент».

— Ну, г. Введенский, ведь вы сами человек интеллигеннтный!... Вы должны же понимать!... Гм... Неудобно...

— Конечно, г. начальник!... Вы как интеллигентный человек, не станете отрицать, что священник в сущности неправ...

Но если вам угодно, я могу изменит редакцию прошения... Да, кстати... Тут у вас завалялась одна книжонка... Не можете ли вы мне ее дать?.. Сейчас положительно нечего читать... Вот эта самая...

— Книгу?.. Хорошо, берите, только дайте мне слово, что кроме вас никто не будет ее читать....

Даю слово. А какой оно имеет смысл, когда он знает, что нас в «околодке» сидит девять человек?

Со мною сидели: Голубев, Нахалов, Гайгеров, («Бульва», или «Букоемов») Образцов, Карев, П. Н. Баташев, В. Билибин, и М. С. Никитин («Отец»).

Жили мы почти всегда дружно. И для порядка даже выработали особый «регламент» наших будней.

Утром после чаю каждый мог вслух читать или заучивать что-либо. После обеда отдых и обсолютная тишина. Вечером перед поверкой хоть на голове ходи, а после поверки или чтение вслух одной книги (напр., мы прочитали Брэма «Жизнь животных») или каждый занимается своим делом, не мешая другому.

Очередной дежурный убирает камеру, моет посуду и растапливает печку. А я, будучи выбран в «завхозы», дежурства не нес, и на моей обязанности лежало всех напоить и накормить, т. е все поступающие с воли продукты я отбирал у товарищей, хранил в особом шкафу и по мере надобности распределял между всеми поровну.

Проблаженствовали мы так четыре месяца...

В марте 1908 года неожиданно поступил циркуляр Главного Тюремного Управления, коим запрещалась передача политическим с воли продуктов и устанавливался новый вид свидания с родственниками—через решетку, как и уголовным.

Поднялась буря...

Вызвали начальника, прокурора. Тот и другой ссылались на распоряжение высшего начальства... Тогда единогласно всеми решено было об'явить забастовку и не выходить на свидание, пока не будет по старому.

На воле тревога.

Соберуться возле тюремных ворот родственники, а им говорят, что заключенные не хотят итти на свидание. Те не верят...Просьбы, плач, проклятия... Идут к губернатору,—там тот же результат.

Держались мы так около месяца. В конце концов, пришлось выходить на свидание за решетку, а продукты могли получать только через контору, выписывая их за деньги по понедельникам. Употребление в пищу сельдей, уксуса и проч. острых вещей воспрещалось....

Уже оканчивалось предварительное следствие по нашему делу, как в тюрьму прибыли новые арестованные: П. П. Суханов и В. Баклашев. Оба они были оговорены перед прокурором нашими товарищами, преставившими данные, изобличающие их в соучасти в нашем деле.

Оговаривали: Богомолов, Богданович и Рогова.

В действительности работал в нашей организации только Суханов, а Баклашев был с.—р. Но так как оба они оказались провокаторами, то и решено было, пользуясь случаем, «пришить» к делу. (Я лично за Сухановым ничего компрометирующего до сих пор не знаю).

Жандармам, конечно, это было не по вкусу. Но прокуратура взялась за дело энергично, и Суханов арестован был даже в Киеве и доставлен в Калужскую тюрьму, где и умер от тифа вскоре после суда.

Эпидемия тифа началась в тюрьме еще зимою.

Пищу мы получали в деревянных «бачках», скрепленных железными обручами. Бачки эти никогда до чиста не мылись. В корридорах и на кухне всегда грязь, камеры переполнены людьми сверх нормы, а в «пересылке», расчитанной на 20 человек, зачастую сидело вчетверо больше. Естественно, что такие условия вполне благоприятствовали развитию эпидемии.

Политику решили, очевидно, уберечь от тифа и стали рассылать по уездным тюрьмам.

Первое мое путешествие «по блоку» (по этапу) осталось мне памятным на всю жизнь. Отправили меня, конечно, без всякого предупреждения, так что я не мог запастись ни лишней парой белья, ни деньгами. Деньги в дорогу выдаются арестованному на руки, за исключением крупных сумм, которые хранятся у конвоя.

В ночную пору вытребовали меня в контору с вещами.

Там уже идет приемка. Всех, кроме жинщин и политических, сковывают наручниками—правая рука с левой рукой соседа. Партия была большая. Старший конвоя делает перекличку по открытым листам.

— Иванов?..

— Я!..

— Как звать?

— Никанор!

— Куда идеш?

— В Брянск, на суд...

Когда дошла очередь до меня, то я не мог ответить, куда я иду и зачем.

Старший посмотрел на меня с удивлением и об'яснил, что я иду в «Мосальск, для дальнейшего содержания».

Ничего не оставалось, как поблагодарить старшего за его любезное сообщение.

Вместе со мною шел С. Д. Митин «для дальнейшего содержания в Мещевской тюрьме»...

В вагоне наручни со всех были сняты. и мы «в тесноте да не в обиде» доехали до Сухинич, где были помещены в этапный дом, который служил местным узловым пунктом, откуда арестованные рассылаются по назначению в определенные этапные дни. Поэтому нам пришлось просидеть здесь четверо суток, пока не отправились на Мещовск, расположенный в 21 версте от Сухинич.

Всего поместилось в этапном доме 42 человека. Эта была обыкновенная камера, расчитанная человек на 15. Три окна в одну сторону и два в другую. У стены общие голые нары. Жара на дворе 20°, а окна с невыставленными зимними рамами и лишь кое—где выбиты стекла...

Мы сидели в одном белье... Паразиты всех категорий не давали покоя ни днем ни ночью. Лучшее место считалось на полу. Здесь по крайней мере прохладнее и не так скоро доберутся клопы, если полить вокруг себя водою: через этот «заколдованный круг» они перейти не могут. Но вскоре и эту преграду клопы одолели: они падали с потолка на свою жертву.

На нарах лежали больные, среди них один тифозный при смерти. Мы требовали врача, но так и не дождались его... Больной умер на наших глазах...

Горячей пищи на этапе нет. Выдают на руки «кормовые» по 10 коп. в сутки на человека...

Придя в Мещовскую тюрьму, мы с Митиным немедленно были изолированы от уголовных и заключены в пустую общую камеру.

Отдыхая здесь, я с нетерпением ждал дальнейшей отправки и, как зеницу ока, берег свою запасную пару белья до бани.

Через три дня вышел этап на Мосальск. Переход в 28 верст при отчаянной жаре мы сделали только с одним привалом на полдороге. Хотя, как «привиллегированный», я и мог ехать на подводе, но воспользоватся этим не пришлось, так как подвод было всего две и те перегружены были женщинами с детьми и стариками, у которых просто стыдно было отнимать лишнее место.

VII.

Мосальская тюрьма в то время была «открытой» тюрьмой. Таких было, кажется, не более двух во всей губернии. Все камеры были открыты с утра до вечерней поверки, и арестованные свободно гуляли по двору без ограничения времени.

И режим здесь совершенно другой, патриархальный. Свидания с родными даются по базарным дням два раза в неделю, а то и чаще. Деньги у всех на руках. Выборный тюремный староста каждый день закупает в городе, что кому нужно из провизии и проч. предметов.

Мастеровые тут зашибают копейку, кустарничая по сапожному, портняжному и др. ремеслу. За пищевым довольствием из казенного пайка и добровольных пожертвований частных лиц («подаяний») наблюдает тот же староста: он же отвечает и за качество пищи.

По большим праздникам или во время ярмарки здесь каждый из арестованных мог получить порцию жирных щей с мясом, белый хлеб, баранки и чай с молоком. В обыкновенные же дни щи и каша гречневая, на ужин—кашица («кондер»).

Начальник Мосальской уездной тюрьмы Иван Степанович Брагин, типичный чиновник уездного городишка, тянувший свою лямку до пенсии, был добрый души человек.

Про него можно сказать, что он действительно любил арестантов По их просьбам он открывал тюрьму в большие праздники и после, когда она была закрыта после побегов, подкопов и пр. беспорядков... Он снимал кандалы с беглецов, устраивал «особенное» свидания арестованным мужьям с их женами...

И арестанты любили его...

—Лутоня идет!—кричат они, бывало, заслышав еще за воротами его зычный голос.

А «Лутоня» (прозвище Брагина), как отец многочисленного семейства, имевший собственный дом с фруктовым садом и корову, питавшуюся с тюремного котла, был большой хозяин; и для него не использовать «ведро» в летнюю пору было бы непростительным грехом и большим убытком...

—Зайцев! Зайцев!..—зовет «Лутоня» старшего надзирателя («бога ивонинского»)—Выгоняй всех!.. Выгоняй баб!.. Политику выгоняй!.. Всех давай!!.

И действительно, выгоняют на работу всех, не исключая даже подследственных, которых не разрешают выводить на работу.... Брагину лишь бы побольше рабочей силы... А те не протестуют: прогуляться и подышать

чистым воздухом каждому приятно. Работа же очень легкая: полоть и «окучивать» капусту на тюремном огороде, версты за две от тюрьмы....

Возвращаемся с работы «в колонне по отделениям» с песнями... И если бы не «менты» по бокам, то никто бы не подумал, что это идут арестанты, так как мужчины и женщины пестрят на солнце разноцветными пятнами «вольной» одежды. Казенных бушлатов из экономии Брагин не выдавал, а людям конечно лестно щеголять в вольной одежде. Помимо экономии здесь видно понимание арестанской психологии. И если уж кому совсем не было что одеть или за особые провинности изолированным выдавалось казенное форменное платье...

Любил Брагин арестантов...

Но больше всего любил он деньги... Когда дело касалось денег, здесь Брагин был неузнаваем: это был Морденко из «Петербургских трущоб», Плюшкин, «Скупой рыцарь»,—что угодно, но только не добрый «Лутоня»...

Арестованный просит денег в счет заработка или желает получит полный расчет по случаю освобождения из тюрьмы.

Начинается счет... В результате всегда получается у начальника меньше, чем должно быть по подсчету арестованного. Затевают спор, шум... У Брагина глаза наливаются кровью, голос повышается до дисканта и вся массивная фигура приходит в сотрясение:

— Дурак! убирайся.. Убирайся вон отсюда!..—кричит он с пеной у рта и бегает из угла в угол с побагровевшей толстой шеей.—Ты думаешь я твою копейку взял?... Смотри!.. На!.. Вот!.. Считай..

Арестант молча забирает деньги и, махнув рукой, уходит из конторы... А Брагин долго еще не может отдышаться, сидит, пыхтит и сверкает глазами, как затравленный зверь...

Ознакомившись короче со мною и убедившись в моей «лояльности», И. С. Брагин преставил мне различные льготы в отношении пользования книгами, получения свиданий и пр. и не стеснял меня в моем распорядке дня...

Компенсацией за эти льготы была моя бесплатня работа в тюремной конторе, где я исполнял обязанности письмоводителя, которого из экономии Брагин не держал. Будучи занят в конторе с 10 до 2-х час., я не только не был обременен этой работой, а наоборот, даже радовался ей, как средству сокращения скучного тюремного дня...

Изредка начальник отпускал меня с надзирателем в город «для закупки продуктов» и, пользуясь этим, я скоро наладил связи для бесконтрольного сношения с волей.

Устроившись в одиночной камере вместе с тюремным старостой Т. В. Богдановым (он отбывал 1 год крепости), я возобновил занятия по немецкому языку, а в свободное время принимал уголовных, которым писал всевозможные прошения и помогал советом и просто беседой...

В процентном отношении контингент содержащихся в Мосальской тюрьме составляли:

Рецидивисты—воры	25%
Аграрники—крестьяне	35%
Политические	2,5%
Остальные разные	37,5%

Из них: мужчин—70 человек, женщин—4 чел.

Мосальской тюрьме—во время отбытия наказания—я обязан изучением стенографии. Здесь же я проштудировал «Силу и Материю» Бюхнера, прочитал Дарвина: «Происхождение видов» и «Происхождение человека» и одолел половину «Капитала» Маркса.

В легком чтении недостатка также не было. Женатый на сестре В. В. Крылова («Касьяна») молодой священник кладбищенской церкви Смирнов снабжал меня свежими номерами «Современного Мира», литературно-художественными сборниками «Альманах», «Земля» и др. и газетами...

В конце лета 1908 года мне был вручен обвинительный акт. Обвинение пред'явлено было по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. Запахло каторгой...

Вскоре я был отправлен на суд в Калугу, где пригласил себе защитником присяжного поверенного Сергея Ефремовича Лиона.

VIII.

Дело началось слушанием 11 ноября 1908 года, при закрытых дверях.

А так как по закону каждому подсудимому разрешается ходатайствовать о допущении к слушанию дела трех родственников, то у 17-ти подсудимых их набралось 51 человек. Когда же начался допрос свидетелей, то число «родственников» незаметно увеличилось и постепенно вся зала Калужского окружного суда наполнилась публикой «до отказа».

Председательствующий старик Горнштейн вел заседание суда весьма корректно и дипломатично. Товарищ прокурора Лопатин служил только до пенсии и отличиться на процессе не старался. Вообще весь состав Палаты попал на наше счастье очень гуманный....

Так говорила наша защита, которая уже успела разведать «тыл противника», все его слабые места и составила схему, по которой должны произноситься речи.

Нам же было предложено защитою от всяких последних слов воздержаться и на некоторые нелестные для нас эпитеты в речах защиты не обижаться,—только при этих условиях можно надеяться «сбить» обвинение с «браслетной» 102-й статьи на более милостивую 126-ю.

Поразмыслив здраво, мы не нашли ничего лучшего, как согласиться на требование защиты,—все равно сильней Петра Алексеева не скажешь...

Под конвоем на суд приводились из тюрьмы девять человек: Рогова, Образцов, Митин, Богданович, Богомолов, Суханов, В. Билибин, Нахалов и я. Остальные 9 человек: Гайгеров, Б. Сергиевский, Н. Борисов, Голубев, Ломакина, Сиротина, Карев, Баклашев давно были на свободе и сами все явились на суд.

Чтение обвинительного акта в 42 страницы заняло около часу времени.

Начался допрос подсудимых. Насколько помнится, никто из них виновным себя не признал.

Допрос свидетелей и показания графической экспертизы продолжались до поздней ночи.

Прения сторон начались на другой день.

Прокурор Лапатин почти без всякого вступления стал довольно вяло «отчитывать» по бумажке каждого из подсудимых и весь свой «синодик» окончил не более, как в 50 минут. Такая «простота» со стороны обвине-

ния окрылила нас надеждой на удачный исход процесса.

Так оно и оказалось.

Два маститых Калужских адвоката С. Е. Лион и В. И. Агуров, помимо персональной защиты некоторых из нас, взяли на себя вступительную и заключительную речи..

Во вступительной речи С. Е. Лион дал общую характеристику тех условий, под влиянием которых создался этот процесс. Он призывал суд смотреть на обвиняемых глазами того времени, когда совершались инкриминируемые им преступления. Тогда, в 1905—1906 годах, каждый свободно покупал революционную газету или журнал. Непериодические издания выходили без цензуры, типографии открывались явочным порядком...

— Кто из нас не был тогда революционером?—восклицает С. Е... — Даже старики считали хорошим тоном почитать «красную» книжку, а не только эта зеленая молодежь, сидящая сейчас на скамье подсудимых!...

Не оставили в покое «молодежь» и следующие защитники: Циборовский, Фосс, Смирнов, и Койранский. Кроме «несовершеннолетия» и «неопытности» подсудимых здесь вышли на сцену и «скудоумие» и «неразвитость» и чуть-ли не психопатия... За это, мол, следует смягчить или вовсе освободить от наказания, которое обвиняемые уже достаточно понесли, находясь в предварительном заключении...

В. И. Агуров перед произнесением своей речи обратился к председательствующему с просьбою в виду болезни горла разрешить ему говорить не с адвокатской трибуны, а возле самого судейского стола, задом к публике.

Это было разрешено.

И он сказал почти шопотом небольшую, но глубоко прочувствованную речь, которая от начала до конца была прослушана в гробовом молчании и произвела сильное впечатление на всех присутствовавших в зале.

— Вы сами отцы, г. г. судьи!—закончил В. И.—И я, как отец, прошу вас пощадить этих детей!..

В 10 час. вечера суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Нас конвой уводит в арестантскую комнату, куда заботливая публика передает горячий чай, печенье, фрукты, пирожное и папиросы в изобилии. Уничтожаем все и щедро угощаем конвоиров. Все равно в тюрьму не пронесешь: при обыске отберут, как незаконную передачу...

В 4 часа утра звонок...

Нас выводят в залу... Занимаем места...

— Суд идет. Прошу встать!—провозглашает судебный пристав.

Председательствующий читает приговор, по которому Калужскую мещанку Евдокию Кондратьевну Рогову, 19 л., канонира 3-й батареи 1 артиллерийской бригады Семена Денисовича Богдановича, 24 л., Калужского мещанина Михаила Ивановича Образцова, 18 л., крестьянина села Сухинок Бобровской вол. Калужского уезда Сергея Дмитриевича Митина, 22 л., Коллежского Регистратора Константина Дмитриевича Введенского, 21 г., Калужского мещанина Григория Александровича Богомолова 19 л. и Медынского мещанина Петра Петровича Суханова, 25 л., признав виновным в преступном деянии, предусмотренном 1 ч. 126 ст. Угол. Улож., из них

Семена Богдановича лишить прав состояния, в том числе и воинского звания, и сослать на поселение с последствиями для него по 28, 29, 30, 31, 34 и 35 ст. Угол. Улож., а всех остальных подвергнуть заключению в крепости: Евдокию Рогову—на один год и восемь месяцев, Михаила Образцова—на один год и восемь месяцев, Сергея Митина—на один год и шесть месяцев, Григория Богомолова—на один год и Петра Суханова—на два года и шесть месяцев, зачтя им в срок определенных выше наказаний: Роговой—один год и восемь месяцев, Образцову—один год и три месяца, Митину—девять месяцев, Введенскому—один год, Богомолову—пять месяцев и Суханову—шесть месяцев из времени, проведенного ими в предварительном по сему делу заключении, потомственного почетного гражданина Владимира Николаевича Билибина, 17 л., и сына личного почетного гражданина Владимира Александровича Нахалова, 19 л., признав виновными в преступном деянии, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Угол. Улож., а в отношении Билибина еще и 2 ч. 104 ст. того же Уложенич, подвергнуть заключению в крепости: Билибина=на один год и четыре месяца, а Нахалова—на шесть месяцев, зачтя им в срок означенных наказаний: Билибину один год и два месяца, а Нахалову—четыре месяца из времени, проведенного ими в предварительном по сему делу заключении, Калужского мещанина Ивана Семеновича Гайгерова, 21 г., сына капитана Бориса Александровича Сергиевского, 19 л., Калужского мещанина Николая Владимировича Борисова, 19 л., Коллежского Регистратова Ивана Александровича Голубева, 30 л., дочь надворного советника Марию Матвеевну Ломакину, 22 л., дочь священика Ольгу Ивановну Сиротину, 23 л., Калужского мещанина Александра Александровича Карева, 21 года, и крестьянина д. Черемышья Володской вол., Боровичского уезда Ивана Васильевича Баклашова, 33 л., признав невиновными в преступном деянии, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. Улож., по недоказанности совершения ими означенного тяжкого преступления, считать оправданными по суду.

IX.

По вступлении приговора в законную силу, я немедленно возбудил ходатайство перед Калужским губернским правлением о переводе меня в Мосальскую тюрьму. Не помню, какие я приводил мотивы и какие еще средства пришлось употребить для этого, но только ходатайство было уважено и в январе 1909 года я снова прибыл в Мосальскую тюрьму, где и отбыл оставшийся срок наказания сполна.

Теперь, просматривая иногда свой тюремный дневник, я воскрешаю в памяти картины арестанского быта: приход этапа, отправка на работу, освобождение товарища, его «томление» перед освобождением, прием «подаяний», игры арестантские, стычки с тюремной стражей, побеги, подкопы, различные меры репрессий и сцены свиданий заключенных с родными.

Летом 1909 года меня навестил Н. А. Толстой, который по делам службы приезжал в Мосальск.

В это время в России царила реакция, и я с грустью выслушивал рассказы Николая Александровича о «воле»... Оказывается, там занима-

ются «богоискательством», мечтают о «лиге свободной любви» и т. п... И я мысленно посылал проклятия тем, кого считал товарищами по общему делу.

10мая 1910 года я вышел на свободу и, пробывши в Мосальске два дня, чтобы отблагодарить своих знакомых за их заботы обо мне во время заключения, уехал в Калугу.

По освидетельствовании в воинском присутствии, я зачислен был в ратники ополчения 11 разряда и, желая поступить на гражданскую службу, обратился к Калужскому губернатору с просьбою о выдаче мне всех документов, которые остались в губернском правлении при определении моем туда на службу. Но вместо метрики, свидетельства об образовании и формулярного о службе списка мне выдали только одну бумагу—«аттестат», в котором есть не только все данные о моей личности, как чиновника губернского правления, но даже сказано подробно, когда и за что приговорен судебной палатой и наказание отбыл.

Как ни просил я Флерова и Озерского выбросить из текста аттестата фразу о политической судимости тем более, что это было после моего увольнения со службы, но ретивые «советники губернского правления» не уважили моей просьбы, ссылаясь на какое-то раз'яснение «правительствующего сената».

Делать нечего... Взял я этот «волчий билет» и пошел к источнику всех «бед израиля» — начальнику жандарского управления полковнику Виноградову..

— Когда же вы дадите мне политическую благонадежность?

— Не ходите к Голубеву, не бывайте у №......... Мы, ведь, и сейчас за вами следим...

— Благодарю вас, полковник, за вашу откровенность!..

Видя что в Калуге мне не устроиться, и будучи вынужден снова расстаться с семьей, я уезжаю в Москву...

И здесь, в сердце России, радостно и тревожно забилось мое сердце под мундиром царского офицера, когда со взводом солдат я был послан «на всякий случай» для защиты подступов к Хамовническим казармам... То был февраль 1917 года... Три-четыре дня тревожного ожидания, и радостная весть прилетела в наши казармы:

— Старый строй рухнул!..

К. Д. Введенский.

Арест нелегальной типографии Комитета Р.С.Д.Р.П. в 1906 году.

I.

Партийная работа среди рабочих Мышегского чугунно-литейного завода, Тарусского уезда, Калужской губ., за лето 1905 года достигла больших результатов. Прежде всего были побеждены инертность и равнодушие, а иногда и враждебность со стороны рабочих к такой работе, наблюдающиеся в первой стадии всякой партийной работы. Кроме того, за это лето было проведено чрезвычайно обильное количество собраний и массовок с довольно значительным числом участников. Полиция не на шутку встревожилась. После безрезультатного обыска у пишущего эти строки, местный становой пристав настойчиво, как нам передавали, предлагал начальнику Калужского жандармского управления арестовать меня, как „главаря" местного рабочего кружка. В конце концов его просьба увенчалась успехом, и в последних числах сентября был отдан приказ о моем аресте.

О приказе неосторожно проговорился полицейский чин в конторе завода, а через близко стоявших к заводскому кружку конторщиков об этом приказе узнали и мы. Вопрос был признан чрезвычайно важным, так как он существенно затрагивал интересы местной рабочей организации: арест мог произвести невыгодное впечатление на малосознательные и колеблющиеся элементы рабочих и т. д. Нужно было избежать ареста во что бы то ни стало. Представитель Калужского Комитета, В. А. Вознесенский (Жор), который вел тогда работу в нашем районе, предложил мне поехать в Калугу, где мои услуги могли пригодиться в организуемой Комитетом нелегальной типографии. Предложение это показалось мне заманчивым и оно немедленно было принято.

При содействии тех же друзей конторщиков, контора завода чрезвычайно быстро совершила расчет, выдала документы, в том числе и удостоверение с рекомендацией, и я немедленно оставил свою квартиру, но от'езд в Калугу несколько замедлился. Узнав о моем увольнении, полиция встревожилась и приняла меры предосторожности. На станциях Алексин и Средняя Сызрано-Вяземской ж. д. время от времени дежурили полицейские, следовательно, мое появление на одной из станции могло окончиться для меня весьма печально.

Оставался еще один путь: пароходное сообщение по Оке. Пароходная пристань в городе Алексине находилась вне района деятельности Тарусской полиции, в силу чего этот путь оказался свободным.

В ненастное утро 5-го октября, с большими предосторожностями я сел на пароход и благополучно приехал в Калугу.

II.

Сколько было притягательности и таинственной заманчивости в словах: тайная типография. И вполне понятно то томительное ожидание, в котором я находился, отправляясь в Калугу. Это состояние продолжалось и в первые дни по приезде в город, т. к. за отсутствием подходящей квартиры не было возможности поставить работу типографии в ближайшее время.

Первые два—три дня я прожил у В. А. Вознесенского на его квартире—угол Московской и Молотковской ул. До приискания квартиры для типографии, мне необходимо было обзавестись квартирой для жилья, которая была найдена на Дворянской улице, кажется в доме Тимковых. Одно время было предложение поместить типографию на той-же квартире, но, благодаря невыгодному расположению ее и чрезвычайной населенности соседних квартир, от этой мысли пришлось, к моему великому сожалению, отказаться.

Потекли скучные и долгие дни ожидания. На помощь пришел неожиданый для меня случай. В Калугу прибыл из-заграницы транспорт с нелегальной литературою, под видом домашней посуды. Весь транспорт состоял из нескольких, довольно значительных по весу ящиков. Драгоценный груз был привезен в квартиру В. А. Вознесенского.

Первый раз в жизни увидал я столько „нелегальщины". Тут были тюки „Вперед", „Пролетария", „Искры", „Социал-Демократа", много листовок, брошюр и вообще книжного материала. Часть литературы осталась в квартире Вознесенского, незначительная часть была распределена между несколькими лицами, явившимися в квартиру, а большую часть я перевез на свою квартиру, откуда постепенно разносил ее по указанным адресам.

Литература была распределена, время уходило, а квартиры для типографии все не было. Наступили октябрьские дни. Весь интерес, все устремления партийных работников были сосредоточены на текущих событиях. Думать о типографии в такое время, очевидно, не было возможности. Между тем, мое пребывание на квартире стало несколько подозрительно для окружающих, в том числе для квартирной хозяйки.

Все чаще и чаще заводит она разговор о службе. Принося обед, она стала задавать мне один и тот-же вопрос:

—Нашли-ли службу-то, батюшка?

—Нет, хозяйка, не нашел.

—А где искали то.—В управлении-то были?

—Был и в управлении.—Говорят, что нет вакансии.

—Да, вы мало ходите-то, все дома. Да поговорите Вы с нашим соседом-то, что напротив Вас-то живет. Он большую должность занимает в управлении; авось найдет что-нибудь для Вас.—А то я с ним поговорю?

Обычно такие разговоры кончались тем, что старушка, успокоившись на счет моих благих намерений, обещала поговорить обо мне со своими многочисленными жильцами и постояльцами, большею частью служащими управления Сызрано-Вяземской ж. д. Но подозрительность ко мне со стороны моих соседей возрастала с каждым днем: чрезвычайная уединенность, отсутствие занятий, некоторая таинственность посетителей, иногда приходивших ко мне за литературою,—все это было необычно для мелкого чиновника.

В силу этих обстоятельств в ноябре пришлось оставить квартиру и переселиться к наборщикам братьям Борисовым—Лисичкиным.

Старший Борисов, Василий, работал тогда в типографии Губернского Земства, и на него возложена была обязанность обучить меня типографскому делу и вообще руководить типографией с технической стороны. Кроме земской типографии, я, при посредстве наборщиков, ознакомился с другими типографиями,—Архангельской, Т-ва Яковлева и др.

В связи с постепенной ликвидацией октябрьских „свобод", у Комитета все больше и больше назревала потребность в печатном станке. Было решено во что бы то ни стало поставить работу в ближайшие дни. В конце ноября приступили к подготовительным работам. Был изготовлен домашними средствами валик для краски, наборщики достали в типографиях отсутствующие части и т. д. Наконец, я получил от Вознесенского давно жданную весть: квартира найдена.—Приехал один из товарищей—учитель,—говорил мне Вознесенский,—в школе которого можно будет устроить типографию.

III.

В последних числах ноября или в первых числах декабря назначена была встреча моя с таинственным учителем. Под вечер отправился я на Воробьевку, уже в знакомую мне квартиру Доброхотовых. В этой квартире я и встретился с моим будущим товарищем по работе учителем В. М. Бриллиантовым.

Вячеслав Михайлович Бриллиантов окончил Калужскую духовную семинарию. Нежелание надеть на себя рясу священника и отсутствие средств для поступления в университет заставили его тянуть лямку сельского учи-

теля. Перед этим он учительствовал в селе Дугненском заводе и был на плохом счету у школьного начальства. Для осуществления более тщательного за ним надзора, он был переведен в 2-х классную министерскую школу в село Ромаданово, расположенное за рекой, в одной версте от Калуги.

Поздно вечером, забрав с собою часть типографских принадлежностей, мы направились в село Ромаданово, куда вскоре были перенесены и остальные типографские части.

Школьное помещение было довольно обширное. Посредине помещались классные комнаты, а в двух противоположных концах находились квартиры учителей. Старшим учителем и заведующим школой был довольно хороший человек К. (И.) А. Воронов, тоже, по мнению начальства, мало надежный элемент. Я поселился в квартире под видом родственника, потерявшего службу.

Первою заботою нашей было—отыскать более укромное место, куда бы, в случае нужды, можно было спрятать типографию со всеми принадлежностями. В одной из классных комнат были подняты половицы, прикрепленные к балкам шурупами, легко поддающимися действию отвертки. Наше предположение было весьма удачным: пространство между чистым и черным полами было довольно вместительное, вполне удовлетворявшее наши потребности. Сделано было нечто вроде репетиции с переносом и установкой на потаенное место типографских принадлежностей. Вся операция занимала от 10 до 15 минут.

Было одно большое неудобство. Чтобы попасть в заветную комнату, нужно было пройти мимо квартиры заведующего школой. Между тем, легкий шаг или возглас гулко отзывался в пустых классах. Поэтому всю эту процедуру нам приходилось проделывать молча, впотьмах и предварительно снявши обувь. Помнится один такой траги-комический случай. Неся в потайник типографию, мы, проходя мимо квартиры заведующего, впотьмах нечаянно стукнулись о парту. Раздался, как нам показалось, оглушительный треск, и мы замерли на месте с ношею в руках. На нашу беду стук был услышан в квартире заведующего. Кто-то осторожно отворил в класс дверь и чутко прислушивался, молча вглядываясь в комнату. В таком состоянии мы пробыли около минуты, показавшейся нам за целую вечность. Могильная тишина в классе, очевидно, успокоила слушающего и он тотчас-же ушел к себе.

Через два—три дня подготовительные работы были закончены и мы приступили к набору и печати присылаемых оригиналов листовок и воззваний. В. М. Бриллиантов занимал две комнаты и кухню. В одной из комнат, в самой дальней, служившей спальней, на большом столе был установлен типографский станок. На другом столе помещалась типографская касса. Имевшиеся в комнате два окна, выходившие—одно к селу Ромаданову, а

другое на город Калугу — на ночь были тщательно завешиваемы бумагой, сукном и одеялами.

Кроме братьев Борисовых к нам, из осторожности, никто не допускался. После того, как нами была в той или иной степени усвоена техника набора и печати, перестали появляться и Борисовы, и только в экстренных случаях приходил кто-нибудь из них с срочной рукописью. Обыкновенно, через несколько часов он уносил с собою несколько сот, а иногда и несколько тысяч вновь отпечатанных воззваний.

Припоминается один печальный случай, чуть не стоивший жизни одному из Борисовых. Поздним вечером кто-то робко постучался в окно. Через форточку, по голосу узнаем Борисова, который тотчас же был впущен в комнату. Каково-же было наше удивление, когда мы увидали перед собою ледянообразную фигуру, дрожащую напропалую от холода. Отогревшись немного у печки, посетитель рассказал нам, что ему было поручено спешно доставить нам рукопись одного воззвания для печатания. Чтобы выгадать время, он направился к нам через реку не обычным санным путем, а целиной, сокращая таким образом свой путь на довольно значительное расстояние. Но тут с ним приключилось довольно неожиданное обстоятельство: в темноте он попал в прорубь. Нужно было много усилий и присутствия духа, чтобы не поддаться сильному подледному течению воды и выбраться из проруби.

Через час наш рыболов помогал нам в спешной работе, а к утру отправился в город с довольно значительной ношей из только что сделанных воззваний.

Так продолжалась работа до 20 х чисел декабря 1905 г. С наступлением рождественских каникул работа была прервана недели на две. Типография была отнесена в заветное место, так что если бы за это время был произведен в квартире обыск, полиция не могла бы найти чего либо компрометирующего.

В. М. Бриллиантов отправился к себе на родину, в город Перемышль, а я перебрался опять к Борисовым, где чуть-чуть не подвергся аресту.

IV.

В конце декабря в городе начались усиленные обыски и аресты. С этою целью полиция нагрянула и к Борисовым. Часов в 11—12 ночи раздался довольно энергичный стук в дверь. Эта энергичность и настойчивость посетителя не предвещали ничего хорошего. Наше предположение вскоре оправдалось: явились с обыском. Искали главным образом оружие, но не упускали случая просматривать литературу и переписку. Благосклонное внимание полиции было обращено на мою собственную персону. После обычных

вопросов и осмотра документов, меня неожиданно, так как я не был прописан, оставили в покое.

Обыск приближался к концу и, как нам казалось, к концу благополучному: ничего компрометирующего и подозрительного не было найдено. И нужно было какому-то услужливому полицейскому прохвосту провести рукою по верхней полке: попечительная рука обнаружила там один или два револьверных патрона системы Смита. Это обстоятельство и послужило поводом к аресту Василия Сем. Борисова и ссылке его в с. Кола Архангельской губ.

V.

В первых числах января наша работа снова возобновилась. К этому времени в школе произошли некоторые перемены. Заведующий школой Воронов был переведен в другую школу, а на его место было назначено другое лицо, с полицейскими способностями и дарованиями. В школу он приехал в наше отсутствие. Все тщательно осмотрел, не исключая, как выяснилось впоследствии, и квартиры В. М. Бриллиантова. Ему, как он потом показывал на суде и следствии, бросилась в глаза латинская надпись на запертой двери нашей спальни, сделанная на листе бумаги, наклеенном на обе половинки двери, и гласившая: „Да не коснется рука скверных". Эта надпись была сделана исключительно в целях сохранения нашего скромного имущества—носильного белья и вещей домашнего обихода, так как мы не были уверены в добросовестности школьного сторожа.

Эта перемена заставила нас быть сугубо осторожными. К нам никто посторонний уже не являлся. Тексты и воззвания получали мы в городе, в условленной квартире, куда 3—4 раза в неделю мы сдавали и все напечатанное, к т. Вознесенскому, проживавшему по Сошественской ул. в Сиротском доме, где он состоял преподавателем.

VI.

Так продолжалось до 15 января 1906 г. В этот день мы закончили печатание двух воззваний (по 2.000 экземпляров): „Манифест" революционных партий, с призывом к общему восстанию и к отказу от платежей налогов и повинностей и листовка под названием „Братья-крестьяне". Закончив часам к 7—8-ми работу, В. М. Бриллиантов отправлялся в город с напечатанными материалами. Я же остался в квартире. Написав несколько писем—одно Вознесенскому по поводу моих материальных невзгод, другое—моему брату, В. Н. Кузнецову, учителю в Лихвинском уезде и третье—моему приятелю Панычеву, учителю в Алексинском уезде,—я занялся самовором. Часа через 2 вернулся В. М. и мы, слегка закусив, уселись

с ним за самоварчик. В дверь кто-то нерешительно постучался, и вслед за тем мы увидали оробевшую фигуру школьного сторожа, который заплетающимся языком сказал, что Вячеслава Михайловича желает видеть господин пристав. Мы значительно переглянулись. Едва успел В. М. подойти к двери и несколько приотворить ее, как в дверях неожиданно выросла фигура местного станового пристава, слегка конфузящегося. За ним виднелись неуклюжие фигуры полицейских.

Надо сказать, что отец В. М. Бриллиантова был тоже становым приставом в Перемышльском уезде. Он был довольно близким приятелем нашему приставу. Знакомство это продолжалось довольно значительное время, и наш ночной посетитель знал хорошо В. М. с юных лет. Это-то отношение, вероятно, и отняло у пристава присущую ему уверенность в тоне и действиях.

Слегка извиняясь, пристав сообщил довольно любезным тоном, что на него возложена пренеприятная обязанность произвести обыск в занимаемой В. М. квартире, так как, по полученным сведениям, в этой квартире хранится оружие.

— Уж вы извините, Вячеслав Михайлович, долг и служба, ничего не поделаешь,—закончил пристав, препротивно ухмыляясь.

По двум—трем взглядам, брошенным В. М. в мою сторону, я понял что план наших действий должен заключиться в том, чтобы отвлечь полицию на время от квартиры, вернее от спальни, где находилась типография.

В. М отвечал довольно твердым и спокойным голосом:

—Тут какое-то недоразумение. У меня в квартире нет никакого оружия. Я думаю, что доносивший отчасти был прав, указав, что у меня имеется оружие, которое мне необходимо для собственной безопасности при поездках в уезд, но в данную минуту у меня этого оружия нет.

А где-же оно?

Я его оставил в городе.

У кого?

У одних знакомых, вместе с бельем, совершенно без осведомления хозяев квартиры об оружии.

Может—быт вы найдете возможным сообщить и назвать адрес ваших знакомых.?

Это было бы неделикатно с моей стороны подводить ни в чем неповинных людей.—Впрочем, я это могу сделать, но при одном условии, что вы дадите мне слово проявить к этой семье наибольшую деликатность, а главное,—поехать к ним вместе со мной, дабы я мог перед ними извиниться и без труда найти мои вещи.

Для меня было все ясно: он едет с полицией в город, а я тем временем прячу типографию в заветное место.

Пристав был несколько в нерешительности. В. М. сделал еще один шаг: он назвал квартиру, где у него, действительно, в свертке с бельем хранится револьвер.—Это была знаменитая семинарская квартира Мезенцевых.

—Ну хорошо, поедемте,—довольно решительно сказал пристав.

Через минуту В. М. был уже в пальто и шапке. Повертываясь, он еще раз подсказал глазами мне, спокойно сидевшему все время за самоваром, план действий.

Мы почти торжествовали.

Наступила критическая минута. В самый последний момент пристав, уже сделав полуоборот к выходу, заколебался.

—А может—быть, мы сперва здесь сделаем обыск, и тогда уже поедем в город,—как бы в нерешительности произнес он.

—Да, ведь, я же сказал вам, что у меня здесь нет никакого оружия,—несколько раздражено ответил В. М..—А появиться к Мезенцевым очень поздно было-бы неудобно. К тому-же вы успеете произвести обыск и после посещения Мезенцевых.

Пристав обвел столовую глазами, на один момент остановил свой деревянный взгляд на мне, а затем довольно заискивающе, но в то же время более решительно—сказал:

—А все-таки мы уж раньше закончим здесь, а потом поедем в город!

Мы были побеждены. Мелькнувшая было надежда на спасение типографии лопнула. В. М. был зол невероятно. Как никак, в надежде отвлечь внимание полиции от нашей квартиры, он назвал постороннюю квартиру, в которую, благодаря ему, через 2-3 часа ворвутся непрошенные гости.

Начался обыск. Ко мне подошли 2 полицейских и попросили сидеть смирно и не вставать с места. Затем, мною занялся и пристав. Последовали обычные в этих случаях вопросы: кто, откуда, зачем в школе и т. д. Получив от В. М. нужные ответы, пристав продолжал руководить обыском.

Кухня, передняя, столовая были тщательно обысканы без всяких результатов. Ничего компрометирующего найдено не было. Пристав стал снова лебезить перед В. М.

У нас снова явилась некоторая надежда на спасение типографии.

—А в этой комнате что находится,—спросил пристав, обращаясь к В. М.?

—Здесь небольшая комната, занимаемая моей спальней,—равнодушно ответил В. М., слегка притворяя одну половинку двери, но так, чтобы свет падал действительно на кровать, отнюдь не освещая остальной части комнаты со станком и прочими принадлежностями.

Пристав робко подошел поближе к двери, всматриваясь в освещенную часть комнаты.

Наступила новая критическая минута.

Затем он слегка приоткрыл другую половинку двери и попросил принести огня.

В этот момент мы окончательно потеряли надежду на спасение заветного станка. Вслед за приставом в комнату прошел В. М. и несколько полицейских.

Повернувшись от кровати в другую сторону, пристав в упор уставился на типографский станок.

—А это что-же такое,—полуиспуганно, полутаинственно спросил пристав?

—Это мои знакомые оставили свои вещи,—полусмущенно, но в то же время довольно пренебрежительно ответил В. М.

—А что это за машина,—недоумевающе спрашивал пристав среди наступившей тишины?.

—А это должно быть типографские принадлежности,—добродушно отвечал собеседник пристава.

—Как, подпольная типография?!—вне себя вскричал пристав.

—Филиуенко, (кажется так)—обратился пристав к местному участковому урянику!—Немедленно поезжай в город, сообщи исправнику, что нашли подпольную типографию и приезжай с новым отрядом стражников.

Видя, что наше дело проиграно окончательно, мы почувствовали себя более свободно и непринуждено: нам уже терять было нечего. Мы начали язвить и издеваться над приставом, выводит его из себя, хотя мы отлично видели, что в глубине души он весьма доволен своим открытием: награду и повышение по службе он считал обеспеченными.

Отправив урядника за подмогой, пристав был несколько минут в нерешительности: приступать-ли ему к осмотру типографии теперь-же или же подождать подкрепления. Вокруг него столпились полицейские, косо посматривавшие на злополучный станок, и постепенно к нему подвигавшиеся. Некоторые из них стали нерешительно ощупывать валики, набор и т. д.

Мне страшно захотелось помальчишествовать. Выждав более удобный момент, когда внимание зрителей было сосредоточено на станке, я вдруг крикнул: стреляет!!

Эфект был поразительный. Перетрусили буквально все, не исключая и самого пристава. Стоявшие у двери—выбежали в столовую, другие бросились к противоположной стене от машины. Пристав на один момент робко прижался к двери.

Ни меня, ни В. М. личному обыску еще не подвергали. Если бы у нас в это время было при себе оружие, мы смело могли бы разогнать в этот момент непрошенных гостей двумя-тремя выстрелами.

Паника быстро улеглась и пристав сделал мне строгий выговор „за неуместную шутку“.

В особенности досталось двум полицейским, которые были приставлены ко мне в качестве стражи и которые увлеклись вместе с другими осмотром машины.

Обыск продолжался. Минут через сорок приехал новый отряд полицейских, кажется во главе с исправником. Осмотренные ранее комнаты вновь подверглись обыску. В диване столовой, под сидением, обнаружены были 49 экземпляров нелегальной брошюры „Женская Доля“, оставшиеся у меня от заграничного транспорта. Затем были осмотрены классы, надворные строения, а в заключение обыскали и нас.

Все было кончено, и мы получили приглашение следовать в полицейское управление. Не надеясь на уют в нашей будущей квартире, мы забрали с собою все, что в этих случаях полагалось: постельное и носильное белье, книги и т. д. Оделись и с узлами под мышкой направились к выходу. Четверо полицейских понесли типографский станок, взявшись за боковые рельсы. Это шествие напомнило нам похоронную процессию и мы вдвоем запели: „Святый Боже“. Пристав пытался нас устыдить, но мы упорно продолжали это занятие. На одну подводу водрузили „находку“, в другую повозку усадили нас, и мы тронулись в путь.

Через полчаса мы были в полицейском управлении. Часовая стрелка показывала 2 часа.

Сонная прислуга, вялые полицейские. Началась процедура с составлением протокола. Веселее всех был исправник. Он, очевидно, предвкушал предстоящий доклад начальнику губернии.

Протокол был составлен и наскоро нам прочитан. В нем было записано чрезвычайно важное мое показание о том, что я помогал В. М. в работе на типографском станке. Мы запротестовали, так как утверждали, что станок только хранился в квартире, но работа на нем не производилась.

После долгих препирательств внесена была соответствующая оговорка.

Подписав протокол, мы под назором и охраной большого отряда полицейских направились в губернскую тюрьму. Увы!—Нас уже не пригласили сесть в повозку, а заставили итти пешком. Тут мы впервые почувствовали себя во власти охранителей.

Около 5 часов мы попали в тюремную контору. Долго ждали „старшего“, знаменитого Свиридова. Наконец он явился. Сонными глазами ос-

мотрел своих новых питомцев и приказал тщательно обыскать. Гнусная процендура с обыском кончилась и нас направили в тюремный корпус.

Мы были равнодушны к окружающему. Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы, в сопровождении надзирателей, пошли длинным коридором, куда выходило множество дверей из камер. Нас ввели, кажется, в 18 камеру Ночная лампа слабо освещала внутренность ее. Справа и слева спали заключенные. Некоторые из них проснулись от стука и говора и устремили на нас свои взоры. Мы робко озирались вокруг, не зная с чего начинать. Нам указали наши места и мы стали устраивать свои новые жилища. Надзиратели уходили из камеры. К нам подбежало какое-то существо с сердитым голосом:

—Влопались, черти. И типографию просыпали.

Это так недружелюбно принял нас В. Борисов. Камера оживилась. Многие встали со своих мест и присоединились к нам. Посыпались вопросы. догадки и т. д.

Так начали мы нашу тюремную жизнь, продолжавшуюся около 2-х лет.

Началось следствие и допросы. Из вопросов, задававшихся нам со стороны жандармов, а также из других источников, мы узнали, что в связи с нашим провалом было арестовано несколько лиц: братья Вороновы, два учителя—мои адресаты, В. Н.—Кузнецов и Е. Г. Панычев и переплетчик Д. Я. Агеев. У В. А. Вознесенского был произведен обыск, но сам он успел скрыться.

Недели через две меня направили в Медынскую тюрьму, а В. М. Бриллиантова в Козельскую.

Следствие было закончено только в августе 1906 года, но оно не было утверждено прокурором за отсутствием надлежаще удостоверенных сведений о моей личности. В этих целях я, в сопровождении двух жандармов, пересылался в Калугу. Удостоверение моей личности происходило в квартире жандармского полковника, знаменитого Никифорова. Свидетельствовала в этом моя квартирная хозяйка, не на шутку перетрусившая, но не потерявшая человеческого достоинства. Она все время твердила, что я очень хороший человек, ничего плохого за мной она не замечала.

Он все сидел и читал книжки, говорила она.

26-го января 1907 года наше дело слушалось в публичном заседании Московской Судебной Палаты по особому присутствию, происходившем под председательством члена палаты Стрижевского и в составе: членов палаты Сферина, Органова, члена Калужского окружного суда Какурина, сословных представителей—предводителя дворянства Булычева, городского головы Архангельского и старшины Дерюгина, при товарище прокурора палаты Добрынине.

Нам было пред'явлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного 126 статьей уголовного уложения.

«Выслушав судебное следствие,—гласит приговор палаты,—прения сторон и об'яснения подсудимых, особое присутствие палаты признает Вячеслава Михайловича Бриллиантова виновным в совершении описанного выше преступного деяния, караемого по закону каторгою на срок не свыше восьми лет, или же ссылкой на поселение, а Акима Ипатьева Кондратьева признает виновным в совершении им изложенного выше деяния, считая однако, недоказанным, чтобы Кондратьев принимал участие в означенном выше обществе и находя, что он лишь печатал на типографском станке с целью распространения противоправительственных воззваний заведомо о их содержании, т. е. в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Угол. Улож. и наказуемом заключечием в крепости не свыше 3 лет.»

«Посему руководствуясь положенными в тех статьях законов наказаниями....избрать для Бриллиантова из указанных в первой части 126 ст. Угол. Улож. наказание менее тяжкое, лишить его прав состояния и сослать на поселение с последствиями....,а Кондратьева подвергнуть заключению в крепости на два года, с сокращением ему, как несовершеннолетнему, наказание на $^1/_3$ в размере в 8 месяцев, кроме того, с зачетом в срок причитающегося ему за вычетом одной трети шестнадцатимесячного заключения одного года из времени, проведенного им под стражей, при бытности его под следствием и судом по настоящему делу и в окончательном выводе заключить его, Кондратьева, в крепость на 4 месяца. Вещественные по сему делу доказательства, перечисленные в описи пом. начальника калужского жандармского управления за исключением отобранной у Бриллиантова фотографической карточки—уничтожить, а ту карточку оставить при деле. Судебные по делу издержки возложить на осужденных Бриллиантова и Кондратьева поровну, с взаимною друг за друга ответственностью.»

26-го мая 1907 года истек срок моего заключения. Последние месяца я отбыл наказание в Медынской тюрьме. Часов около 12 дня я был уже среди местных друзей, ждавших меня и радостно поздравлявших с освобождением.

В городе Медыне я был около 2-х суток, а затем направился к себе на родину в Тарусский уезд.

В. М. Брилиантов был сослан в Сибирь и оттуда бежал в 1908 г. Некоторое время он жил в Калуге - частью у меня, а большею частью у С. М. Пшеная. Затем перебрался в Москву, где и проживал нелегально до 1917 года.

А. И. Кондратьев

ВОСПОМИНАНИЯ.

В 1906 г. я вступил в Профсоюз печатников, где видным организатором был позолотчик Земской типографии *т. Агеев* и членом соревнователем являлся *Гайгеров.* Они стремились укрепить союз, но после ряда проведенных собраний союза,—последний был разогнан. *Т. Агеев* был вынужден уехать из Калуги и перебрался в Ростов на Дону, а *Гайгеров*, устрашившись могущих быть репрессий за дальнейшую работу, предпочел отшатнуться от работы, хотя некоторые товарищи и пробовали связаться с ним, завязывая разговор на политические темы, но, увы,—ничего не получалось.

1907 г. Поступив в железно-дорожные мастерские, я нащупал организацию Р. С. Д. Р. П., где, в частности, в литейном цехе, руководителем был Понамарев, который сменил арестованного товарища Гурова, но, как выяснили некоторые товарищи, по тактике и размаху работы, по выработке боевого духа в младших товарищах, он не походил на своего предшественника и ограничивался в своей работе сбором взносов, давал указания на прочтение литературы и внедрял в молодые головы яд парламентаризма, держа в священной тайне святилище Комитета, доступ в который был закрыт для молодых членов. Но после ареста типографии 1908 г. организацию об'явили распущенной. Уже успев побыть членом организации, некоторые товарищи, оказавшись вне ее, попали в об'ятия эксисткой организации и впоследствии Калчамов и Беников были арестованы за участие в экспроприации, а тов. Понамарев стал чуждаться остальных. Так развалилась организация и молодые члены были предоставлены самим себе.

1910 г. Встретившись с т. Титовым Михаилом, знакомлюсь ближе и узнаю, что он тоже был членом организации жел. дорожников. Мы задаемся целью сколотить разбитую организацию и начать политическую борьбу, так как промышленность в указанное время оправилась от кризиса и рабочее движение начинало возрождаться. В это время т. Борисов из'явил согласие сделать нам доклад на тему «История Революционного Движения»; на собрание вновь сорганизованной ячейки были приглашены надежные рабочие и оно прошло удачно, потому что, устроенное на загородносадкой горе, не очень бросалось в глаза. После этого выписываем газету «Наша Жизнь», а позднее «Правду» и «Луч», которые распространяются между жел. дорожниками по цехам, и организуем цеховые пятерки, причем связь по цехам и распространение литературы вел тов. Колобаев.

1912 г. Пришлось произвести пробу сорганизованности в котельном цехе. Так как в нем работал я и цех, уже, казалось, имел боевой дух, решено было сделать стачки, но, конечно, на почве экономических интересов, для чего были выставлены требования: увеличение зарплаты, т. е. расценки, прекращение неурочных работ и т. д. Стачке долго затянуться не пришлось,—начальство пошло на уступки и обещало требования удовлетворить, но все-таки впоследствии несколько пунктов не было удовлетво-

рено, что с одной стороны пошатнуло некоторых наивных рабочих в отношении доверия к начальству, а больше всего лучшее сказалось в том, что результаты удовлетворения требований развивали суждения о силе организованного выступления и усиливали требования к улучшению положения. Приближался день 1-мая. К этому времени приехали из Москвы высланные— с. д.-большевик *С. Борисов*—портной и *Иванов* (меньшевик). С ними быстро сошлись и накануне 1-го мая было решено ознаменовать этот день выступлением из мастерских, отметив протест против растрела Ленских рабочих. Также было решено произвести сбор на с. д. рабочие газеты: «Правду» и «Луч» и отослать поровну на обе газеты. В отношении газет, все было выполнено, что же касается забастовки, то в ночь на 1-ое мая вся жандармерия из участка и города была мобилизована в мастерские, и пришедшие рабочие увидели мастерские наводненными жандармерией. Но несмотря на присутствие жандармерии рабочие массы стали итти на канаву. Жандармерия заперла ворота смежных мастерских и стала застращивать рабочих. Только поэтому была удержана масса, так как уже влиять на нее было невозможно и мне пришлось выходить из токарного цеха в северные ворота, так как этот цех всегда был тяжел на под'ем и его было надо будировать. Но несмотря на то, что жандармерия оставалась до конца работ, перед гудком рабочие собрались у проходной, где и был выражен протест,—масса пропела вечную память павшим Ленцам.

Вскоре после этого, по установлении связи с Тулой, оттуда приехал высланный питерский рабочий, токарь т. Митин, который сделал доклад о фабрично-заводском страховании рабочих. Митин остановился у меня, а собрание устраивалось в городском бору на 4-й просеке Тихоновского тракта, где присутствовало много рабочих, как городских, так и железнодорожников.

За протест, выраженный 1-го мая, было уволено 13 человек, но из коллектива организации попал один т. Белоусов Иван, что говорит об отсутствии провокации. Дело организации начинает развиваться. Нас начинают таскать к жандармскому подполковнику Малюге.

В 1914 г. война застает врасплох и работа тормозится, но в конце года удается связаться с Тулой и Москвой, впоследствии приезжает докладчик из Тулы и делает доклад об организации касс помощи беженцам; намечается план использования этих касс в целях агитации против войны. На собрание присутствовали т. т. *Артемов, Алмазов, Сорокин*, (псевдоним), *Александров* и мн. друг. (собрание было в ресторане Ремесленном), во время собрания в наш кабинет отворилась дверь и показалась рожа жандарма, который посмотрев удалился. Настроение было приподнятое, собрание продолжалось и окончилось благополучно.

В 1915 г. мы посылаем на северную конференцию, имевшую место в Туле т. *Артемова*. Всю эту зиму устраиваются собрания коллектива у меня в квартире, в Подзавалье, так как в городе уже не было возможности это делать,—и охранка производила гонки за членами. Весною т. *Артемову* грозил арест административного характера за проводимую стачку среди портных, так что нам пришлось его отправить в Москву по фиктивному паспорту.

Дальше были получены прокламации из Москвы от тов. Шевкова, выпущенные Ц. К., с призывом к низвержению существующего строя, каковые и было решено распространить 22/VII—1916 г. в ночь по городу и утром в жел. дор. мастерских, но распространение не вполне удалось, несмотря на то, что коллективом было постановлено, чтобы предназначенные для жел. дор. мастерских прокламации, находящиеся у меня, были принесены пачками в мастерские утром 22-го и тут же распространены. Подозрение вызвала шутка Карандасова Григория, выкинутая им на мои настояния о немедленном распространении: „успеешь, еще насидишься". Руководимый подозрением, по уходе с собрания, *Титов М.* воротился ко мне, и мы вдвоем перерешили все воззвания принести на следующий день в мастерские и там передать для распространения в надежные руки т. Колобаеву, что и было сделано.

Дня за три до 22-го пришел околодочный к моей квартире, списал № дома, осмотрел проходы и ушел, а 22-го в 3 часа ночи ко мне пришла полиция с жандармерией и по ордеру охранного отделения произвела обыск. Ордер был именной,—я стал собираться в тюрьму. По окончании обыска, прочли протокол, в котором указывалось, какие книги, газеты, были найдены и хотя ничего предосудительного не найдено, как указывалось в нем, но мне было предложено следовать в тюрьму, где я уже оказался четвертым,—там были—*Титов*, *Акимов*, *Карев*, а также в административном порядке сидел *Сорокин*, которого по истечении срока приобщили к нам, а дальше привели и т. *Артемова*, которого арестовали в Боровске, приехавшего домой.

По истечении 2-х месяцев меня и *Карева* выслали, *Титова* освободили, а *Артемова*, *Сорокина* и *Акимова* оставили в тюрьме, так как у них была обнаружена переписка, а у *Акимова* были забраны воззвания. Несмотря на риск, работа была интересная и всякие жертвы придавали большую ценность.

Болховитин.

Воспоминания рабочего.

В 1917 году, 20-го августа, я приехал из Петрограда в Калугу. Первой моей задачей было поступить в Калужские жел. дор. мастерские, как ранее работавшего в них в качестве слесаря. Мое появление в мастерских обрадовало многих т.т., знавших меня по прежней совместной работе; они ранее обещали мне поддержку, хотя по моему мнению, я должен был поступить в мастерские без всякого препятствия, так как имел на то законное право, согласно существовавших в то время приказов. Но я ошибся: не так легко было поступить, как мне казалось. Первое препятствие мне оказал Местный Комитет (Местком). Когда я пришел в Местный Комитет, то сначала т.т. действительно обрадовались, наперерыв старались задавать мне вопросы, где я был, что поделывал, какое участие принимал в февральской революции, к какой принадлежу партии и т. д. и т. п.. Но стоило им узнать, что я путиловец и большевик, как сразу же почувствовался резкий переворот: вместо дружелюбных лиц, я увидел враждебные. Тут же начались споры. Председатель Месткома ЧУРИКОВ, который по меньшевитскому списку прошел в Городскую Думу, назвал меня ЛЕНИНЦЕМ и Германским шпионом, и узнав цель моего прихода, с ловкостью буржуазного лакея начал изливаться передо мною, что у правительства сундук без крышки и без дна, что им, как ни больно, но приходится сокращать штаты, а уже о приеме и говорить нечего. Когда я им настойчиво заявил свое требование на работу в мастерских, то т. ЧУРИКОВ мне заявил, что он переговорит с начальником. Я начал протестовать против такой постановки дела, доказывая Комитету, что время, когда мы стояли перед начальником без шапок, прошло. Но Комитет заявляет, что они не могут иначе, так как прием прекращен и просили меня на другой день притти. На другой день я уже был у начальника, который принял меня с напускною важностью и, не глядя на меня, спросил, что мне угодно, хотя он заранее был осведомлен, кто—я. Я заявил ему, как и Месткому, что желаю поступить в мастерские. Начальником мне было в этом категорически отказано. Но я требовал свое. После долгих переговоров с начальником, во время которых последний заявлял о том, что он слагает с себя ответственность, мне было предложено сходить в Районный Комитет: „если моб примет Вас, тогда я ничего против иметь не буду". Видя безвыходное положение и напрасное хождение в Районный Комитет, я решился искать поддержку у товарищей рабочих. Отыскал т. Владимира ИВАНОВА из сборного цеха, с которым и решил переговорить. Тов. ИВАНОВ действительно помог мне, указав двух большевиков из вагонного и ревизионного цехов—т. т. Турлыкова и Серкина. Вчетвером мы повели агитацию за немедленный созыв общего собрания. Нам это удалось, вопреки желания местного комитета. 22 августа было устроено общее собрание по окончании работ. Председателем был

избран я, не смотря на протесты месткома. Все предлагаемые мною резолюции были приняты абсолютным большинством. Самое главное, что мне удалось—это осветить Петроградские события 3—5 июля 17-го года и этим рассеять туман, напущенный меньшевитскою политикой и буржуазной агитацией, направленной против Петроградских рабочих и, в особенности, против большевиков. После этого собрания, вопреки желания Месткома, я был принят в Калужские мастерские на основании постановления общего собрания на старую должность в качестве слесаря.

Во время партийной работы в мастерских мне пришлось столкнуться с сильной организацией меньшевиков. Большевиков в мастерских оказалось только четверо, о которых я уже выше упоминал. Ребята очень слабые, только что вступившие в РСДРП. (большевиков), поддержку имел от них очень малую. Работать было крайне трудно. После выступления КОРНИЛОВА, наши меньшевики, как и везде, растерялись, стали не так враждебно смотреть на большевиков, что дало возможность работать более широко. В особенности облегчилась наша работа после митинга железнодорожников на канаве в мастерских, на котором выступил я, т.т. БОРИСОВ, ВИТОЛИН, А. Д. ИВАНОВ и др., по вопросу о Корниловском восстании. В тот же день был устроен грандиозный митинг в гор. театре на тему „Текущий момент", митинг, сыгравший громадную роль в деле раз'яснения широким рабочим массам того, что из себя представляют большевики и к чему они стремятся. Тов. БОРИСОВ своей двухчасовой речью на этом митинге произвел хорошее впечатление на рабочих, после этого стало несравненно легче работать, и в мастерских уже не стали, как раньше, стаскивать с трибуны большевиков за полы. 12 сентября я вступил в гор. организацию большевиков. Организация была значительна по числу, потому что в ней были солдаты местного гарнизона, но по качеству не сильна, почему, я укажу ниже. В Комитете состояли, помню, следующие т. т.: ВИТОЛИН, БОРИСОВ, ФОМИН, остальных не помню. Мне было поручено Комитетом как можно шире вести партийную работу в мастерских, которую я уже вел со дня моего приезда. Вскоре мне пришлось столкнуться с серьезной задачей по подготовке стачки среди железнодорожников, намечавшейся на экономической почве. Стачка задерживалась тем, что рабочие ожидали своих представителей и решений со Всероссийского С'езда железнодорожников. Когда делегаты со с'езда возвратились, а в мастерские рабочим не показались для доклада, мотивируя это тем, что у них не подобран еще материал для доклада, я воспользовался случаем и повел среди рабочих соответствующую агитацию, об'ясняя рабочим, что раз делегатов посылали на Всероссийский С'езд, то они должны о решении последнего нам доложить немедленно, тем более, что после с'езда ряд других дорог начали бастовать, на что, следовательно, имеются основании. Я далее предложил немедленно собрать районное собрание. Собрание состоялось против воли Местного Районного Комитета. Докладчики о с'езде говорили затасканные меньшевитские фразы о „государственном сундуке без крышки и без дна, о необходимости терпения, но по существу вопроса, интересовавшего рабочих сказано было очень мало. Взяв себе слово, я осветил работу меньшевитского с'езда с его резолюциями и постановлениями и в заключение внес

предложение об'явить стачку, присоединившись к бастующим рабочим Курской железной дороги и избрать стачечный комитет из двенадцати человек, куда вошли представители от всех служб, за исключением Управления дороги, которое не присоединилось к стачке. В Президиум Стачечного Комитета вошли: Председатель эс-эр АЛИФАНОВ, т. Председателя—я, Секретарь—меньшевик Григорий БОБОЕДОВ. В таком составе Президиума крылся грандиознейший промах, что об'ясняется моею малоопытностью и оторванностью от организаций. Первое время стачки работу повели правильно. Провели митинг и в местном гарнизоне, на котором я, тов. ВИТОЛИН и ЛОГАЧЕВ просили поддержать тов. железнодорожников. ВИТОЛИН внес на митинге резолюцию, каковую весь гарнизон, коего было около восьми тысяч человек, принял единогласно и поклялся поддерживать бастующих даже с оружием в руках, если это понадобится. Заручившись такой поддержкой, я еще решительнее начал работать. Но тут меня перехитрили меньшевики, подсунув в Стачечный Комитет дело о расхищении продуктов жел. дор. продовольственного бюро. Стачечный Комитет выделил комиссию по этому делу и поручил его расследовать. В комиссию были избраны я и ГОРДЕЮК. Мы не учли обстоятельств дела и того, что меньшевики старались куда-нибудь меня на время выпроводить под благовидным предлогом, и я согласился войти в комиссию. В связи с этим мне пришлось уехать с обыском в Карачевскую вол., а в это время меньшевики сорвали стачку, сунув какую-то мнимую телеграмму, ввели в заблуждение рабочих, заставив их пойти к станкам, а машинистов—взяться за регуляторы. Стачка продолжалась всего только четверо суток и не дала абсолютно никаких результатов. Вскоре после этого состоялись выборы в Калужский Городской Совет рабочих и солдатских депутатов (17-го или 18-го Сентября 17 года). От жел. дор. мастерских избранными оказались 11 человек, из коих 3 большевика, и 8 сочувствующих. В этом была уже наша громадная победа над меньшевиками, несмотря на недавнее их засилье в мастерских. В общем состав Совета оказался на половину из большевиков и на половину из меньшевиков. Он представлял из себя в то время просто говорильню,—важные вопросы никогда не разрешались, так как при обсуждении таковых то одна сторона (меньшевики) демонстративно покидала зал заседания, то, наоборот—другая (большевики) делала это, при чем необходимо оговориться, что со стороны большевиков такие явления случались весьма редко, т. к. состав Исполнительного Комитета был большевитский и перевес был на нашей стороне. Такая работа протекала до 19-го октября того же года, до прибытия в Калугу, по ходатайству меньшевитско-эсеровской Городской Думы, полковника Брандта с казаками, который произвел расстрел городского Совета. В этот памятный день, я, по назначению Совета, как Член Исполнительного Комитета, находился в командировке в шрапнельной мастерской при Калужской тюрьме по выяснению создавшегося конфликта между рабочими и представителями артиллерийского управления, коими было много забраковано снарядов. Пробыв до 6 час. веч. в указанной мастерской, я возвращался на условленное заседание Совета, куда обещали прибыть представители казаков, с которыми необходимо было договориться о том, что им нужно, т. к. уже по

городу определенно носились слухи, что Совет большевитский будет разогнан. У ворот здания Совета меня остановили какие-то вооруженные люди, потребовавшие от меня определенно им сказать, что я—за Совет или же нет, а также куда иду и зачем.

Будучи поставлен в такое затруднительное положение неизвестными, я соглал, сказав, что иду домой, и вернулся обратно. Вскоге меня вновь остановили другие неизвестные вооруженные люди, уже у ворот Духовной Семинарии, каковые обратно не пропустили. Тогда я решил пойти к Совету в обход по Лобазной улице, от реки Оки, и оттуда садом стал пробираться в Совет, что мне и удалось. Первым вопросом стоял вопрос об отношении к казакам. Были избраны парламентеры для переговоров с казаками в лице: т.т. АБРОСИМОВА ТУРЛЫКОВА и МЕНЯ. Когда мы направились исполнять возложенное на нас Советом поручение и подошли к Управлению С. В. жел. дор., то были остановлены офицером-поручиком эсером Ковалевским, пред'явившим нам нам от имени полковника Брандта ультиматум в течение пяти минут сложить оружие. На наши просьбы дать нам срок, хотя бы с полчаса, для обсуждения этого вопроса, нам было категорически отказано и мы были принуждены возвратиться в Совет, чтобы сообщить оставшимся там товарищам о пред'явленном нам ультиматуме сдаться и сдать оружие в течение пяти минут, иначе будет открыт огонь. Едва тов. АБРОСИМОВ успел на спех доложить о пред'явленном Совету ультиматуме, коим все члены Совета были крайне возмущены, как вместо предупредительных выстрелов был открыт пулеметный огонь. Поднялся невообразимый переполох. Члены Совета попадали на пол и незаметно для себя очутились под стульями; пошел невероятный треск от сломанных соединительных планок и самих стульев; получилась какая-то лава движущихся людей, а с ними стульев к выходной двери, распсложенной около трибуны. Я сидел на пороге трибуны и видел как на меня надвигалась смерть, но не от пуль, а от стульев, которые в этот момент всей массой двигались на меня. Толстяк Мадорский лежит на животе, напоминая черепаху, а через него, как град сыплются другие товарищи. Когда опасная лавина стульев не дошла до меня, я также счел нужным поскорее убраться из здания Совета, что бы не попасть в руки Брандту и не попробовать пуль. Выбрался в ту же дверь, вышел на двор и направился тем же ходом, каким и прошел, т. е. через сад на берег реки Оки, а оттуда не домой, а в Острожек, т. к. рассчитывал, что будет арест членов Совета. Оказалось, что Брандт удовлетворился арестом тов. ВИТОЛИНА, и АБРОСИМОВА. Через два дня был арестован тов. ЗУБАТОВ из солдатской секции (глава солдатской секции ЮЗЕВ и др. скрылись, и впоследствии их не нашли). Одинадцати-тысячный гарнизон был взят полковником Брандтом почти без боя, тогда как при наличии руководителей эти воинские части могли бы от Брандта с его казаками оставить только одно воспоминание. Вот тут-то и выяснилось, что в то время организация большевиков в Калуге была количественно пухла, но качественно слаба и в ней много было шкурников. Расстрел Совета явился генеральной чисткой партии и мы этой, правда, дорогой ценой избавились от излишнего балласта. От 150 человек членов организации осталось всего 17 человек, но за то стойких и верных

товарищей, за исключением одного, который впоследствии оказался провокатором (Георгий Кулешев).

В дни Октябрьской революции, начавшейся в Петрограде, в целом ряде городов, где в Городских Думах было засилье меньшевиков и эсеров, последними стали создаваться контр-революционные организации, под громким названием—Губернский Орган Власти по Спасению Родины и Революции. Такой орган был создан и в Калуге. 26-го Октября было созвано чрезвычайное собрание Городск. Думы, на которое я попал в момент вторичного ареста тов. Витолина, когда его под конвоем выводили из зала заседания Думы. Я был чрезвычайно возмущен этим поступком „Социалистической" Думы и, присоединившись к заявившим свою полную солидарность с арестованным тов. Витолиным и готовность разделить с ним участь ареста и ответственность,—т.т. Борисову и Акимову, с ними же направился для ареста в военную тюрьму, но нас выгнали, заявив нам, что им пока нужен Витолин, а об остальных нет распоряжений, после чего мы принуждены были удалиться. Дня через 3—4 были арестованы и другие члены Комитета БОРИСОВ, ФОМИН, АКИМОВ, а также и тов. ПЕВЗНЕР. Мы совершенно остались без руководителей. С большим трудом кое как собрали уцелевших от ареста большевиков и избрали новый комитет, куда вошли: т.т. АРТЕМОВ, Я, ЦУКЕРБУРГ, ВАСЮНКИН, ТУРЛЫКОВ, ЛЯСКОВСКИЙ и КУЛЕШОВ. Тов. АРТЕМОВА тоже искали затем, чтобы арестовать, но нас пока еще не трогали. Мне было поручено создать стачку и об'явить протест уже образовавшемуся органу Губ. Власти, против ареста большевиков. Меньшевики всеми силами старались не допустить стачки, но мне легко было добиться ее, потому, что в числе арестованных был тов. БОРИСОВ, который безусловно пользовался симпатиями рабочих. На созванном по данному вопросу общем собрании жел. дор. рабочих меньшевики внесли предложение перенести разрешение вопроса об арестованных на собрание уполномоченных всех цехов, что и было принято с добавлением от общего собрания рабочих о допущении меня на собрание с правом решающего голоса. На собрании уполномоченных были предложены две резолюции,—Баташева, в то время оборонца, сводившаяся к просьбе об освобождении одного тов. БОРИСОВА, и моя с требованием от Губ. Власти немедленного освобождения всех большевиков. Мое предложение было отвергнуто только двумя голосами. Войти в состав делегации с принятым предложением Баташева в Орган Губернской Власти, я отказался. Избрали одних меньшевиков, которые пошли с поклоном только за тов. Борисова, но их же собственный лидер Фосс, занявший должность Председателя Органа Губер. меньшевитской власти, бесцеремонным образом выгнал, пригрозив тюрьмой, о чем докадывал общему собранию меньшевик Володин, заявивший, что он больше к Фоссу не пойдет. На этом собрании было принято мое предложение, которое я вносил на собрании уполномоченных, после чего была избрана делегация из 5-ти человек, причем часть из них отказалась итти с требованием об освобождении всех большевиков. Тогда я взял эту миссию на себя с т. Серкиным. В Органе Губ. Власти нам долго пришлось спорить с эсером Мартьяновым и Фоссом, но добиться ничего не удалось. Когда мы пришли к рабочим и заявили, что в требовании отказано, то была

объявлена стачка, но мне проводить ее не пришлось, т. к. Комитетом партии мне были даны другие задания: достать план гор. Калуги, на котором нанести все боевые пункты, местонахождения органов власти, что мною и было сделано. Тов. Артемова командировали в Жиздру, Турлыкова—в Москву и Тулу за помощью, а остальным тов. дали какие-то другие поручения по городу. Стачка была сорвана. Пытались вынести протест на действия Органа Губ. власти от имени Исполнительного Комитета Совета раб. и солдатских депутатов, но это было смехотворно, т. к. в Исполнительном Комитете остался из большевиков только я, а остальные—все меньшевики; к тому же заседание Исполкома было совместно с организацией меньшевиков. Внесенное мною предложение было только простой формальностью, при голосовании оно получило только один мой голос. Тов. Миловзоровой, в то время меньшевичкой было внесено предложение о смягчении режима для арестованных большевиков, т. е. она предлагала перевести их из тюрьмы в какой-либо дом, мотивируя тем, что „в начале Февральской революции мы даже жандармов и провокаторов держали в лучших условиях".

После этого заседания мне уже пришлось скрываться, т. к. домой приходили солдаты два раза, чтобы меня арестовать. 3 Ноября мы сделали заседание Комитета партии у тов. Фомина на квартире, куда был доставлен мною весь материал, выполненный по поручению Комитета, но тут нас арестовали, благодаря предательству Кулешова. Избавились от ареста только Турлыков и Лясковский, которые перед арестом ушли исполнять свои поручения, и Артемов, бывший в командировке. В числе арестованных оказались: Я, Васюнкин, Фомин и Цукерберг. Нас препроводили в тюрьму, где мы были встречены товарищами, которые там содержались, возгласами: „И новый Комитет здесь". В тот момент шла предвыборная кампания в Учредительное собрание. С нашим арестом были убраны с меньшевитской и эсеровской дороги серьезные для них противники. Мы это отлично понимали, поэтому сидя в тюрьме, начали писать свои заявлення и протесты, требуя немедленного нашего освобождения на предвыборную кампанию.

Я вспоминаю, как т. Борисов во время прогулки передовал мне через окно свою редакцию протеста для ознакомления и с тем, что бы я в таком же духе составил свое заявление. Но все наши протесты были оставлены без внимания господами меньшевиками. Нас продолжали держать в тюрьме до тех пор, пока не приехали из Москвы представители от Ревштаба тов. Упоров, от Ревкома тов. Орехов и Дементьев от Викжеля, который в то время занимал „нейтральную" линию и был посредником между большевиками и остатками уже не существовавшего правительства Керенского. Нас всех, за исключением Витолина, Абросимова, Зубатова и Цукерберга, освободили 14-го ноября в 5-ть часов вечера. Представителем Органа Губ. власти БАТАШЕВЫМ было предложено избрать своих представителей на чрезвычайное собрание, которое должно было состояться в 10 час. вечера того же числа в здании Главного дорожного Комитета Сыз. Вяз. ж. д. Собрание это было громоздким, было много представителей от всех организаций Калуги, воинских частей и Московские представители и носило очень бурный характер, т. к. здесь определялась платформа Власти. Особенно вызывающе себя вели представители „ударных"

частей и сильно волновались представители Органа Губ. Власти, т. к. они чувствовали, что их власти приходит конец и что они отживают последние минуты. В результате этого совещания были вынесены постановления: 1) о немедленном освобождении из тюрьмы арестованных товарищей большевиков—Витолина, Цукерберга, Зубатова и Абросимова и 2) о передачи власти вновь избранному социалистическому органу. Предложение об освобождении арестованных прошло большинство голосов, и когда т. Витолин и другие, по их освобождении из тюрьмы, появились на заседании, они были встречены громом аплодисментов. Тов. Витолин, когда узнал, что принято предложение о создании Социалистического Комитета, куда должны будут войти представители от энесов до большевиков включительно, ответил: „Мы еще посмотрим: войдут ли они" (эн-эсы, эс-эры и меньшевики), и оказался впоследствии прав. 16 го Ноября на пленуме Совета, коему было поручено создать Орган Социалистической Власти в Калужской губ., тов. Витолин разбил в пух „социалистическую платформу" и в результате и горячих прений был избран „Военно-Революционный Комитет" из большевиков и наиболее левой части эсэров. Избранными оказались от фракции большевиков тов. Витолин, Я, Турлыков и Артемов, от Солдатской секции тов. Логанов, П. Сапега, Абросимов и Злобин и от крестьянской секции (эсеры) Лапин, Голенов, Левенсон и Волков. Меньшевики и правые эсеры демонстративно покинули зал заседания. 17-го ноября Ревком начал жить в Калужской губ., но все внимание Ревкома было обращено лишь на гор. Калугу. В 9-ть часов утра был расклеен приказ о сдаче оружия гр-ми и воинскими частями, не стоявшими на защите власти рабочих и крестьян. В тот же день было Ревкомом принято несколько делегаций от казаков и др. воинских частей, которые заявили о признании власти Ревкома и своей готовности защищать Ревком, если понадобится, с оружием в руках; некоторые же части заявили, что они будут держать нейтралитет; явилась также делегация от Гл. Комитета Сыз. Вяз. жел. д. в лице КЕГУРАДЗЕ, КУДРЯВЦЕВА и кого-то еще, которые настаивали на том, чтобы Ревком предоставил места друг. партиям, в чем последним и было категорически отказано. Действия Ревкома были решительны, несмотря на то, что у него не было никакой вооруженной силы, на которую можно было бы опираться, причем даже сам Ревком был невооружен; средств у Ревкома не было никаких, даже на самые мелкие расходы. Помню, как Ревком начал свою финансовую политику с того, что предписал 3-м стоявшим в Калуге полкам выдать взаимообразно из хоз. средств по 4 тысячи руб. 2 полка выдали требуемые деньги без разговоров, т. к. в Полковых Комитетах были свои ребята, а 238 полк не дал, мотивируя свой отказ отсутствием средств. Напирать Ревкому сильно было нельзя, т. к. он чувствовал под собою слабую почву. Интересно было распределение должностей членами Ревкома: тов. Витолин был назначен Губ. Комиссаром, я—комиссаром гор. Калуги, тов. Артемов казначеем, Скорбач (позднее) командующим войсками, в то время не существовавшими, тов. Абросимов—Начальником Бобруйского Артиллерийского склада, остальных должностей—не упомнил. Но все мы к своим обязанностям не приступали, т. к. фактически власть находилась в Социалистической Гор. Думе и поэтому не было никакого смысла итти и при-

нимать должности: все равно нас в то время никто бы не послушал, а заставить мы не могли.

Городская дума начала оказывать сильное сопротивление Ревкому, имея в своем распоряжении ударников, вооруженных до зубов, белую гвардию, сорганизованную из служащих Управления С. В. ж. д. и учеников гимназии, реального и др. училищ, но для более решительных мер против Ревкома, который можно было бы взять голыми руками, уже «не хватило пороха». Ревком ждал поддержки из Москвы и, действительно, скоро получил уведомление об отправке в Калугу 2-х эшалонов. Тут же стало заметно, что дума что-то выдумала против Ревкома, ибо ею было созвано экстренное заседание совместно с другими белогвардейскими организациями, представителя же Ревкома на это заседание не допустили. Ревком, учитывая, что все мы можем оказаться в Калуге в качестве заложников, решил выехать из Калуги, кто как сумеет, на 7-й раз'езд С. В. ж. д., куда уже прибыл 1 эшелон Пореченского полка под командою т. Гоголева и ожидал распоряжений. Вскоре стали поступать утешительные вести: ударники постепенно начали разлагаться и разбегаться по частям; затем в Ревком явилась делегация от главного дорожного комитета в составе тех-же Кегурадзе и Кудрявцева с предложением к Ревкому: не открывать военных действий, а послать своих представителей для переговоров в думу; о том же просила, кроме того, делегация от ж. д. рабочих, которая указывала на то, что от огня могут пострадать их семейства. Ревком согласился и выслал своих представителей и представителя от прибывшей воинской части Пореченского полка для переговоров с гор. думой. На заседании гор. думы меньшевики и эсеры «брящали оружием», указывали на то, что они тоже могут сражаться, т. к. вооружены до зубов, но до сражения дело не дошло. Ревком, получив подтверждение, что ударники бегут куда попало, бросая оружие, решил немедленно двинуться с прибывшим одним эшелоном в Калугу, не дожидаясь второго эшелона, т. к. считал необходимым захватить хотя бы часть ударников. Вечером числа 28—29 ноября эшелон прибыл на ст. Калуга, где и высадился. Здесь весь эшелон был разбит на отряды со специальными заданиями. Я со взводом был направлен для захвата 1-го района милиции при 1 пожарной части, где находился склад оружия; тов. Витолин с полуротой—к ударникам и гор. думе; Логачев ко второму и третьему району милиции. Никакого сопротивления мы не встретили и свои задания выполняли без единого выстрела. Отобрали у ударников, и где только оно оказазось, все оружие, выставили и свои караулы, и только тогда Ревком почувствовал свою силу. Однако всей полноты власти Ревком в свои руки не взял, потому, что не было к тому достаточно парт. сил, т. к. некоторые из т. большевиков, которые бы могли оказать громадную поддержку по укреплению Сов. Власти и занять ответственные посты, колебались,—Борисов, Иванов, Певзнер и некоторые другие. Оставшихся к тому времени большевиков в нашей организации я считаю необходимым перечислить: т. Витолин, я, Артемов, Турлыков, Васюнкин, Цуккерберг, Салько, Комаров, Скорбач, Серкин и П. Логачев. Вскоре к нам приехал из Жиздры т. Гинсбург, который внес в наши ряды еще большую веру и стойкость. Характерно, что одновременно

с Ревкомом в Калуге в то время продолжала работать городская дума, разогнать последнюю не так было трудно, но послать туда работать было некого и существование этой «Социалистической» думы чрезвычайно тормозило всякую деятельность Ревкома.

3 декабря 1917 года я и товарищ Витолин пошли принимать свои посты. Витолин—пост Губернского Комиссара, а я пост Городского Комиссара. Указаний каких-либо у нас не было, что нам в сущности принимать и какие должны быть наши функции. Должность губернского комиссара Витолин должен был принять от Циборовского, эсера, но тот сбежал и принимать таковую ему было не от кого. Должности городского комиссара не было и принимать таковую тоже было не от кого. Этот вопрос мне пришлось решить самому, как подсказывал мне мой здравый смысл. Я решил взять под свое ведение общественную безопасность граждан Калуги, но для этого нужна была сила и я сперва взял городскую милицию, затем уголовный розыск и пожарные части. Это было тем более необходимо, так как в городе в то время развивались бандитизм, разбой, грабежи и убийства под флагом большевиков. Начальником городской милиции в то время был гр. Куницкий, к которому я пришел и потребовал сдачи дел милиции, на что с его стороны я не встретил никакого препятствия. Куницкий мне заявил: «Лично я дел никаких не имею. Вот Вам стол и стул начальника Гормилиции, которые Вы можете занять». Я принял канцелярию, а прием милиции назначил на следующий день, сделав распоряжение о назначении общих собраний по каждому району милиции в отдельности. После этого я отправился по районам милиции для осмотра канцелярии, знакомства с командным составом милиции и чтобы выяснить какое производит впечатление на них мое появление.

Осмотрев все 3 района милиции и канцелярии, я об'явил командному составу, что завтра будет общее собрание, на которое они должны приготовить именные списки, по коим я буду проверять весь состав милиционеров, и присутствие их обязательно.

Препятствий и противоречий с их стороны я никаких не встретил, но и утешительного ничего не получил. Лица одних были явно враждебны, на некоторых ползали лакейские заискивающие улыбки, а некоторые просто бросали насмешливые взгляды. Канцелярские служащие все как-то были растеряны, на задаваемые мною вопросы отвечали невпопад, в особенности женский персонал.

4 Декабря было произведено общее собрание милиционеров, комсостава и канцелярских служащих—все были на лицо.

Об'яснив всем присутствующим о перевороте, что власть полностью находится в руках рабочих и крестьян, представителем которых являюсь я, как член Военно-Революционного Комитета, каковым назначен на должность комиссара г. Калуги, я в своем обращении ко всем сотрудникам милиции заявил, что кто хочет честно и добросовестно служить власти рабочих и крестьян и защищать таковую с оружием в руках, а также защищать и гр. в отношении общественной безопасности и предовратщения от расхищения их имущества, тот будет поддержан и отмечен Соввластью. Кто не может выполнить всех указанных условий, тот должен честно заявить

о том, а иначе будет поздно, т. к. рабочая власть будет карать строго по заслугам за всякие отступления от долга службы. После этого много высказалось т. милиционеров, которые говорили, что они готовы служить честно рабочей власти, но только не в таких условиях, в каких находятся в настоящий момент, когда Гор. Дума не платит не только прибавки на дороговизну, но и основного жалования за три месяца, и что если будет так продолжаться, то безусловно служить нельзя и т. д. и т. п.. По отношению их материального улучшения, я заявил, что рабочая власть изыщет всякие средства, чтобы улучшить положение того, кто трудится, а саботажникам не даст ничего. После всего мною было проведено выборное начало всего Комсостава милиции, при чем выборы во втором и третьем районах милиции очень мало внесли изменений и, за исключением старших милиционеров, весь комсостав остался прежним; милиционеры, видимо, были довольны прежним составом, т. к. выставленные кандидаты обсуждались в отсутствии и голосовались закрытой баллотировкой и давления не было никакого. В первом районе, вместо Мобзолевского, начальником района был избран Кухта. На этом же собрании были избраны районные комитеты, из коих выделен центральный комитет гор. милиции под моим председательством, функции которого определялись приемом и увольнением сотрудников милиции, улаживанием всевозможных конфликтов и т. п.. Так началась работа милиции, но это продолжалось недолго.

10 Декабря заявляется в милицию секретарь гор. Управы, меньшевик Стефанович, собирает общее собрание милиционеров и служащих и заявляет им, если кто будет исполнять распоряжения Белоусова, то тем не будет уплачено жалование и таковые будут уволены со службы. Затем он потребовал от всех, кто хочет служить временному правительству, подписки, которые должны быть представлены не позднее, как на другой день, и приказал притти на завтра всем начальникам районов на заседание в гор. Управу, куда должны представить все подписки.

Я пришел уже к концу собрания, и при моем появлении Стефанович ушел. Мне задали вопрос, что же им делать и кому подчиняться, на что я ответил: подчинения требую только себе и Ревкому и приказал начальникам районов не ходить на заседание в г. Думу, обещая все уладить сам лично. В результате все-таки оказалось, что мои распоряжения для сотрудников милиции были законны, за небольшим исключением, что выяснилось впоследствии при осмотре дел гор. Думы: подписок в деле найдено только 5: Кухты, Мельгунова, Смирнова, Кутьина и Николушки.

Подписка была следующего содержания: „Я сын родины и революции, обязуюсь служить временному правительству верой и правдой и защищать правительство от врагов всеми имеющимися средствами и мерами и не подчиняться преступникам большевикам“.

На другой день, 11 декабря, я пошел в Думу и там встретил Кухту, Мельгунова, Кутьина, Смирнова и Николушку, которые при виде меня стушевались и на мой вопрос: «Вы зачем сюда»? растерянно заявили: пришли узнать на счет жалованья.—„А может быть Вы на заседание, то пожалуйста: и я буду присутствовать“.—«Если Вы позволите, то мы не можем Вас ослушаться». Заседание не состоялось, потому, что Стефанович мне

заявил, что он меня не признает и считает самозванцем, а поэтому на заседание меня не допустит.

Я, в свою очередь, заявил ему: в таком случае я заседания Вам не разрешаю, а если Вы его устроите, хотя бы и в присутствии 1 милиционера, то все Ваше заседание будет арестовано.

Мною было выставлено наблюдение за гор. Думой, а затем был сделан доклад Ревкому о положении дела, с указанием на двоевластие, и я предложил немедленно разогнать гор. Думу, взяв городское хозяйство в свои руки.

Ревкомом было принято постановление о немедленном разгоне Думы, но окончательное решение этого вопроса вынести на Пленуме Совета.

Заседание Пленума было назначено на 17 декабря, на котором мною был сделан доклад Пленуму Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов о положении дела, о двоевласти в городе Калуге и т. д.. После доклада были открыты прения, которые носили очень бурный характер. В оппозиции стояли т. Борисов, Иванов, Певзнер и, конечно, меньшевики, доказывая, что время еще не настало для разгона городской Думы, что нам не справиться с этой задачей, можно погубить город и предлагали отсрочить до более благоприятных условий, указывая на необходимость подготовить к этому товарищей, чтобы можно было бы взять дело гор. самоуправы безболезненно и т. д.

Мы были тверды в своем решении. Внесенная резолюция т. Витолиным от имени Ревкома о немедленном разгоне меньшевитско-кадетской думы и передачи функций таковой Комиссариату Городского Самоуправления, в составе 12 членов Совета была принята абсолютным большинством. Меньшевики, считая это решение неправильным, демонстративно покинули зал заседания, после чего было приступлено к выборам Комиссариата Городского Самоуправления.

Избранными оказались: т.т. Мурашев, Салько, Поляков, Фомин. Также были произведены выборы в Исполнительный Комитет гор. Самоуправления, в который вошли почти все члены Военно-Революционного Комитета. После заседания Пленума Совета было открыто заседание вновь избранного Исполнительного Комитета совместно с избранными товарищами в Комиссариат. На этом заседании мне было поручено принять дела от городской думы и передать вновь избранному Комиссариату, а также обязать подпиской всех служащих городской думы о их честной службы Совету. В мое распоряжение дали 50 человек солдат из Пореченского полка и 2-х помощников от Исполкома: тов. Голенева и Члена Совета т. Зубатова.

18 декабря утром я взял свою команду и придя к городской думе с отрядом и назначенными товарищами в Комиссариат городского Самоуправления, выставил караулы во всех входах и выходах и приказал никого не выпускать а сам направился в помещение с частью солдат и моими помощниками, где как раз застал собрание служащих, обсуждавших вопрос, связанный с постановлением о роспуске думы. Я сделал распоряжение всем занять свои места, а кто не желает может выйти и дожидаться моего возвращения, после чего все заняли свои места. Оставив тов. Зубатова следить за соблюдением порядка, я поднялся на 3-й этаж, где

проделал тоже самое, оставив там т. Голенева и затем направился к членам городской думы, которые уже сидели в кабинете городского Головы и очевидно обсуждали вопрос, как им поступить. Я вовсе не думал с ними миндальничать,—пред'явил мандат и потребовал немедленной сдачи дел, в чем мне было категорически отказано и указано, что они меня не признают—«Мы, гордо заявили они, избраны народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, и мы не знаем кто Вас избрал, а поэтому дел никаких Вам не сдадим».—Я—таков был мой ответ—имею от Губернского Исполкома Совета Раб. Крестьянских и Солдатских Депутатов соответствующий мандат, и если Вы не подчиняетесь, то я заставлю Вас сделать этой силой.

—Как хотите, но мы сдавать дел не будем; сначала выучитесь писать мандаты, а потом и пред'являйте их.

Я, видя, что дальнейшие разговоры ни к чему не приведут, об'явил всех членов Городской Думы, находящихся в кабинете, арестованными, произвел личный обыск и отправил к дежурному члену исполкома всего 9 человек: меньшевиков—Стефановича, Кареева, Теманькова; кадета—Вашкова и других, фамилии коих забыл.

Затем направился к служащим отбирать подписки в том, что они не будут саботировать. Некоторые давали подписки неохотно, а с барышнями думскими даже делались обмороки. Закончив с этим, я отправился к ожидающим меня товарищам и вместе с ними начали смотреть дела, которые были умышленно свалены в кучу, чтобы мы не могли разобраться; таблички над столами были порваны и кому они принадлежали—водоснабжению или электрической станции разобраться не представилось возможным.

Тут мне действительно закралось в душу сомнение, сможем ли мы выполнить взятую на себя задачу, но это скоро прошло. Мы устроили заседание, избрали председателя комиссариата в лице т. Мурашева, его помощника и каждому дали свое назначение, а затем приступили к разбору дел. Увлекшись работой, мы незаметно проработали до 6 часов вечера. Мне было необходимо итти на заседание Исполнительного Комитета, которое назначено на 8 час. вечера, и я, оставив товарищей разбираться с делами, ушел, обещав притти.

Когда я проходил мимо казначейства, меня остановили служащие, которые были собраны в одно помещение и дожидались т. Витолина, который должен был взять с них подписку, но почему то не являлся. Пришлось искать Витолина и просить разрешения помочь ему, т. к. служащие заявили, что они ничего еще не кушали, а время было уже 7 часов вечера. Собрав их всех вместе, я задал им вопрос, желают ли они дать подписку в том, что они не будут манкировать службой? Раздаются голоса: «не дадим», а меньшество «дадим», только отпустите домой. „Кто желает дать подписку, тот выходи", но никто не выходит, и как бараны топчатся на одном месте.

Вижу, так не выйдет; приказываю всем зайти в зал заседания, затворяю дверь, ставлю часового и говорю, что бы часовой выпускал по одному. Это подействовало: нежелающих дать подписку не оказалось. В 9 часов вечера было закончено все. На заседании Исполкома мною был сделан

доклад о событиях дня, после чего снова я направился обратно в бывш. гор. думу где к 2 часам ночи уже были разобраны все дела. В результате проверки тов. Салько кассы гор. думы оказалось в наличии: 17 руб. денег, да плюс неуплата жалованья всем гор. рабочим и нисшим служащим за 3—4 месяца, солдатского денежного пайка и 500000 руб. долгу Малютинскому банку,—вот все что получил Совет в наследство от гор. думы. На другой день посыпались делегации от рабочих и служащих с просьбой об уплате им жалованья, причем с этими делегатами все же можно было договориться: они принимали в резон положение, хотя настойчиво требовали к Рождеству уплаты жалования, что им было и обещено. Совсем другое дело было с солдатками, они не принимали никаких резонов,—выдай и больше ничего. Т. Витолин пустил в ход все свое красноречие, и ему еле удалось убедить их подождать день два, и когда уплатили солдаткам, как гора с плеч свалилась.

23 декабря мне, Турлыкову и Зубатову было поручено Исполкомом во чтобы то ни стало отыскать денег десять тысяч рублей, для уплаты жалования рабочим шрапнельной мастерской при губ. тюрьме, причем нас уполномочили на получение денег из банков,—Государственного, Малютинского и Крестьянского, с тем, чтобы 25 утром была уплата закончена, т. к. торговые предприятия будут открыты до 12 часов первого дня Рождества. Несмотря на то, что по городу ходили слухи, что большевики грабят банки, мы, не задумываясь над этим, 24 декабря утром отправились в Государственный банк. Разыскиваю директора и об‘являю ему цель нашего прихода. Последний ответил, что денег вообще есть лишь 9,000,000 руб. ж. д,, из которых и предложил нам взять. Но я, учитывая, что значит взять деньги ж. д., предназначенные к уплате жалованья, что тут можно нажить целую историю, от этих денег отказываюсь и требую выдать мне из других сумм, на что получаю ответ: „больше нет никаких свободных денег“. «Ну я буду искать их сам, дайте мне ключ от хранилища и я проверю.» Директор заколебался и говорит: Вы лучше возьмите в Малютинском банке, у них есть $^1/_2$ миллиона бронированных. Если Малютинский банк Вам разрешит, я тогда выдам. Я с. т. т. направляюсь в Малютинский банк и прошу выдать деньги. Директор Малютинского банка упорно стал отказывать, но во время спохватился и решил выдать, хотя страшно тормозил. В 4 часа дня я получил требуемые деньги и к 10 часам вечера деньги были по требовательным ведомостям уплачены рабочим.

В последних числах декабря 1917 года я явился в пожарные части, об‘явив им, что я являюсь зав. пожарными частями, созвал общее собрание и произвел выборное начало брандмейстеров, старших трубников, старших по обозу и т. д. Большинство старых оказалось забаллотировано, при чем были уволены: Кудрявцев, Баранов, Костяев и Голиков, на основании требования команды; команда также настаивала на увольнении шоффера Малыгина, но я высказался против, указав команде, что должность шоффера нам заменить не представляется возможным и поэтому увольнение его было бы вредно для дела и т. д., с чем команда согласилась и т. Малыгин остался на своем месте. Далее был избран комитет пожарников, функции которого сводились к следующему: ведать приемом и уволь-

нением пожарных и служащих, улаживать конфликты между командой и комсоставом, работать в тесном контакте с комсоставом по внутреннему и административному порядку и т. п. Вскоре, однако, выяснилось, что вся команда разложилась, ибо весь комсостав у комитета ходил на поводу. Команда заявляла комсоставу: если Вы будете нас заставлять работать, то мы Вас переизберем.

Поэтому никто ничего не делал, никто не заставлял пожарных работать, жизнь для них была просто масленница. Только т. Малыгин и еще несколько честных товарищей пожарников не успокоились и все время меня предупреждали:

«Т. Белоусов, команда ничего не делает, комсостав с ней не занимается, и если возникнет пожар, то мы не сумеем его ликвидировать».

А команда, в свою очередь, заявляла мне, что Малыгин и его единомышленники контр-революционеры, что они были раньше наушниками и теперь хотят стать такими же.

Я становился в тупик и не знал, что же делать, кому верить и кто из них прав.

Вскоре после пожаров Рабочего Дворца (бывш. Дворянское собрание), лесопильного завода Альтшулера и отделения Бобруйского артиллерийского склада на Окской ветке, я убедился в правоте. искренности и честности т. Малыгина. Без него погибло бы во время пожара Бобруского склада не менее одной трети пожарных инструментов, погиб бы и пожарный автомобиль. Т. Малыгин во время сумел вывести машину, под градом сыпавшихся снарядов и по таким местам, что просто диво: шоссе было совершенно отрезано и ему пришлось ехать по рвам и канавам и как он проехал, я этого описать не могу. Эти пожары показали полную непригодность выборного начальника пожарной части т. Саженкова и самого принципа выборности в пожарном деле. На созванном мною затем общем собрании пожарников, выяснилось неосновательность обвинения и увольнения бывш. нач. Кудрявцева прекрасного специалиста и хорошего работника, только потому, что он был требователен к пожарникам, заставлял их серьезно заниматься и не распускал их, за что и получил от них кличку «кровопиец» и «контрреволюционер».

Тогда мною было предложено комитету взять обратно на работу в качестве начальника т. Кудрявцева, но тот, как и общее собрание пожарников, категорически отказался. Все они заявляли: «кого хотите назначайте из нашей среды, но только не Кудрявцева.»

Об‘явив собрание закрытым, я заявил. что Кудрявцев, в таком случае будет назначен мною.

На следующий день я сделал доклад в Совете Нар. Комиссаров Калужской Республики, где было постановлено: вернуть т. Кудрявцева в пожарные части на старую должность и дать ему неограниченные полномочия по борьбе с огнем; вернуть остальных пожарных, уволенных по требованию команды, признать выборное начало в пожарных частях неприменимым, а также отпустить сорок тысяч на приобретение противопожарных инструментов. И действительно, после того, как все товарищи уволенные вернулись обратно на службу в пожарную часть, когда были приобретены

противо-пожарные инструменты, пожарные части в короткий срок стали на должную высоту.

В настоящий момент, что есть лучшего из хозяйств коммунального отдела Калужской губернии—это пожарная часть. И все это, в значительной мере, благодаря энергичных действий и добросовестного исполнения долга службы т. Кудрявцевым и Малыгиным.

16 января 1918 года был созван первый Губ. С'езд Советов раб. и крест. депутатов, Калужской губ. На этом с'езде было большинство членов Р. С. Д. Р. П. (большевиков) и им сочувствующих. С'езд первое время носил бурный характер, но скоро были все возникающие недоразумения улажены. Работа с'езда нашла себе правильный путь, вопросы разрешались хорошо и быстро.

21-го января с'езд был закончен. Избранный Исполнительный Комитет Совета в абсолютном большинстве был из большевиков и им сочувствующих и ему была передана вся полнота власти. Впоследствии был образован Совет Народных Комиссаров Калужской республики. Работать стало несколько легче, т. к. в Исполнительный комитет много попало т. большевиков из уездов, ряды нашей организации стали пополняться: много вошло в организацию и рабочих ж. д.; работа стала дружная.

Белоусов.

ВОСПОМИНАНИЯ.

В своих воспоминаниях я хочу отметить небольшую частицу революционных событий, происходивших в г. Калуге.

Июльские дни показали, что революция дошла до роковой черты и ей грозит либо быть окончательно раздавленной черной реакцией, либо она выйдет на широкую дорогу социальной революции и восторжествует пролетарская власть. После выступления 3—5 июля, которое благодаря неорганизованности было разгромлено и пролетариат обезоружен, казалось, что контр-революция сильней. При содействии социал-предателей она направила свое оружие борьбы против революционного пролетариата и партии рабочего класса—большевиков.

Калужские меньшевики и соц.-рев., которые всецело поддерживали соглашательское Временное Правительство, не отставали от травли большевиков. Имея большинство в Совете они аннулировали состоявшиеся раньше постановления о выдачи нам субсидии в сумме двух тысяч руб. для предвыборной компании в Городскую Думу, требовали категорического осуждения Коммунистической (большевиков) партии и т. д. При таких условиях мы предпочли уйти из Совета с протестом против той лжи, которую лили на рабочий класс такие „социалисты“ как Утянский, Томилин и др. После этого нам пришлось работать почти что полулегально и о какой либо широкой предвыборной агитации не приходилось и думать. Но несмотря на то, что выборы в Городскую Думу проходили в самой неблагоприятной обстановке для нас, все таки наш список получил около двух с половиной тысяч голосов и в Думе получили семь мест. На первом же собрании Городской Думы меньшевики и соц.-рев. об‘единились с кадетами против большевиков для того, чтобы, как это было принято на заседании социалистического блока, „не дать большевикам в думе ходу“. В своей бешеной слепой злобе они не замечали, что их союз с кадетами окончательно бросает их в об‘ятия контр-революции, которая к этому времени достаточно обнаглела и стала громить революционные полковые комитеты и советы.

Эта реакция стала проявлять себя и в пределах Калужской губернии. В начале августа был разгромлен совет №-й тыловой артиллерийской мастерской западного фронта на Петровском заводе Тарусского уезда В Калуге об этом узнали только 20 августа на Губернском С‘езде Рабочих Депутатов. Представитель от Мышегского завода, который от Петровского завода нахо-

дится верстах в двух, в докладе с мест указал, что разгон совета, который был произведен казаками, преследует и другую цель—это закрыть мастерскую и всех рабочих отправить на фронт, как большевиков. Губернский с'езд, чтобы не допустить этого, а так же чтобы выяснить причины разгона Совета, решил послать комиссию, которая была избрана из представителей трех партий. В эту комиссию вошли от большевиков я, меньшевиков—Ильин и от с.-р. прапорщик Кунда, член Минского фронтового комитета.

Когда мы приехали на Петровский завод и приступили к следствию, то оно нам представлялось в следующем виде: в начале произошел конфликт между рабочими и начальником мастерских полковником Филипповым, которого рабочие на общем собрании (22 июля) требовали сместить и отправить на фронт за то, что расстроил производительность мастерской, производившей починку орудий. После этого полковник Филиппов написал рапорт начальнику Артиллерийских снабжений армии западного фронта, в котором писал, что виной всех беспорядков и агитации за его смещение был председатель совета И. Зайцев, которого просил удалить из мастерской. В первых числах июля приехала комиссия (от начальника снабжения западного фронта шт.-капитан Денисов, от Штаба Минского Военного Округа генерал-майор Свистунов и от Фронтового Комитета Черемухин), которая была дополнена представителями рабочих завода. Комиссия произвела расследование, и, ознакомясь с работой мастерской, 10 июля сделала на общем собрании краткий доклад, в котором докладчик шт.-капитан Денисов указал, что комиссия не нашла каких-бы то ни было беспорядков со стороны солдат и рабочих мастерской, следственный же материал и документы, которые они собрали, будет переслан высшей военной инстанции. Этим об'яснением общее собрание было удовлетворено.

Этот конфликт как-бы исчерпывался мирным путем. Но вдруг 7 августа на ст. Средняя приехала полусотня казаков во главе с полковником Шевченко, которая рассыпалась в цепь и с пулеметами наготове пошла к заводу. Такое поведение казаков вызвало недоумение рабочих, незнавших, зачем приехали они. Потом выяснилось, что полковнику Шевченко было предписано арестовать председателя совета Зайцева и отправить его в гор. Смоленск. А так как мастерская считалась большевистской и ожидали от нее сопротивления, то и были предприняты все меры предосторожности. Арестовать Зайцева не могли, потому что он скрылся. Через некоторое-же время были арестованы несколько членов совета и отправлены в Смоленск, а около ста рабочих солдат было послано на фронт.

Чем ближе мы подходили к делу, тем ясней становилось для нас, что этот конфликт не есть причина раскассирования мастерской, хотя и были некоторые нетактические поступки Зайцева, но здесь скрываются другие причины и эти причины мы нашли.

Этот разгром совета происходил как раз во время знаменитого „Государственного Совещания“, на котором генералы Корнилов и Каледин требовали разгона армейских комитетов, восстановления смертной казни, где буржуазия провозгласила лозунг „Смерть Советам“. И контр-революционный Штаб Минского фронта не на словах, а на деле стал проводить этот лозунг в жизнь.

Во время следствия нами была получена фронтовая газета „Звезда“, в которой была помещена секретная телеграмма, посланная начальником артиллерийского снабжения западного фронта дежурному генералу фронта такого содержания:

„При раскассировании №-ой тыловой артиллерийской мастерской подлежат удалению около трехсот активных и около шестисот пассивных большевиков, из коих около двухсот строевых и около семисот нестроевых солдат, о чем сообщаю для указания места, куда эти солдаты подлежат отправке, по обстоятельствам требующейся немедленно 2387 Перекрестов“.

Эта телеграмма ясно говорила о намерении высшего реакционного офицерства. Мы, несмотря на то, что принадлежали к разным политическим партиям, были единодушны в оценке происходящих здесь событий, мы видели что это определенный план борьбы против революции. Следствие мы не могли окончить потому, что в это время революционные события заставили отложить это дело.

Вечером 28 августа мы получили известие о выступлении генерала Корнилова, который с дикой дивизией наступал на Петроград. На другой день было созвано общее собрание мастерской, на котором мы предложили организовать несколько боевых отрядов, что и было принято. В первую очередь стали организовывать артиллерийский отряд, быстро стали ремонтировать орудия и снаряжение, все было приведено в боевую готовность, но был только недостаток в винтовках и снарядах. Те винтовки, которые были на заводе для охраны его, были отобраны казаками. За снарядами и винтовками сейчас-же был послан представитель в Калугу. В это время член комитета тов. Ильин уехал в Калугу, ввиду того, что он был председателем Главного Комитета Сыз.-Вяз. ж. д. и спешил в связи с этими событиями. Я и тов. Кунда остались, чтобы провести некоторую организационную работу; мы подняли на ноги рабочих Мышегского завода, которых, надо сказать, с трудом собрали на митинг. Также устроили митинг в гор. Алексине.

Через несколько дней мы выехали в Калугу, где я узнал, что я был избран от Городской Думы во Временный Исполнительный Комитет Сов. Раб. Сол. и Крест. Депутатов, в который входили представители: от Городского Самоуправл., губерн. комиссар, начальник гарнизона и от комитетов партий: большевиков, меньшевиков и эсеров.

Этот комитет обладал всей полнстой власти, с ним приходилось всем считаться, как с государственным органом. В нем большевики, меньшевики и соц.-рев. работали рука об руку,—перед той опасностью, которая грозила со стороны Корнилова, были забыты прежние счеты. Казалось, что эти события отрезвляюще подействуют на меньш. и эс.-эров, которые откажутся от своей соглашательской политики. Но они оказались неисправимы в этом отношении и к ним, действительно, можно было применить пословицу: „Горбатого могила исправит". Совместная дружная с ними работа была недолга: как только была ликвидирована Корниловская авантюра, их опять потянуло вправо, у нас с ними опять начались трения, которые принимали все более резкий характер.

15—17 сентября я уехал в Москву, куда меня Губ. Бюро Совета Раб. Депутатов командировало на курсы, а так-же и на Областной С'езд Советов, и я не знаю, как здесь протекала в дальнейшем с ними работа. Когда на областном с'езде, открывшемся в конце сентября, я встретил тов. Витолина, он мне рассказал о тех переменах, которые произошли в мое отсутствие в Калуге. От него я узнал, что Совет солдатских депутатов переизбран, что он в громадном большинстве стоит на большевистской платформе. Тов. Витолин со свойственной ему горячностью стал излагать мне план работы этого Совета, говоря что им намечено взять в свое ведение Губернскую типографию, которая занималась выпуском кадетско-меньшевитской газеты „Голос Калуги", поставить на должную высоту печатание революционной литературы, сместить Губернского Комиссара Цибаровского и т. д. Я стал предупреждать тов. Витолина, что черезмерно резкое проведение этих мер может привести к таким результатам, как и на Петровском заводе, что калужские меньшевики и эс-эры на все способны и (чего доброго) будут просить присылки вооруженной силы для усмирения большевитского совета.

Мои предположения действительно вскоре оправдались. Когда я после с'езда приехал в Калугу, то увидел ту большую пропасть между большевиками, меньшевиками, и эс-эрами,—последние чуть не сделались кадетами. Ясно, что при таком положении о какой-либо совместной работе Совета солдатских депутатов с Сов. рабочих депутатов, который шел за меньшевиками, и думать не приходилось. Атмосфера все более и более сгущалась, с каждым днем можно было ожидать сюрприза, который скоро и случился. Числа 16—17 октября утром я узнал, что приехали казаки и броневики. Мне сразу стало ясно, зачем они явились. Пошел в Совет. Там было большое оживление: везде стояли караулы, охраняющие его, принимались меры к обороне. На другой день, 18 октября, состоялось общее собрание Совета Раб. и Сол. Депут., на котором был вынесен протест по поводу приезда казаков.

В этот же день был опубликован приказ о введении в Калуге военного положения, подписанный Командующим войсками и начальником Гарнизона г. Калуги полковником Брандтом. Утром 19 октября, войдя в Совет, застал делегацию от прибывших частей и от военного комиссара Минского Округа, Галина, которая обсуждала вопрос о разоружении Совета и подчинении приказу о роспуске солдатского Совета. После почти двух-часовых переговоров делегация ультимативно потребовала выполнения приказа, но представители Совета указывали, что нельзя в такой плоскости ставить этот вопрос и что они не хотят, чтобы было применено оружие, что этот вопрос они желают решить мирным путем и поэтому просят, чтобы было собрано общее собрание Советов Раб., Сол. и Крестьян. Депутатов совместно с представителем от прибывших частей и этим путем избежать нежелательных явлений.

Многие члены делегации от прибывших частей вполне соглашались с доводами, высказанными представителями Совета, и в особенности поддерживали это предложение представители №-ского кавалерийского полка во главе с председателем полкового комитета тов. Масленниковым. После некоторого колебания стал соглашаться и представитель от военного комиссара Галина его помощник Ма...люга (фамилию хорошо не помню), было решено это собрание устроить „сегодня" в 7 часов вечера и Малюга обещал, что он будет настаивать как перед комиссаром, так и перед начальником гарнизона, чтобы было это собрание разрешено. Часа в 4 дня я пошел в Совет,—дома не сиделось. В это время член Совета прапорщик тов. Борман раставлял караул, и от него я узнал, что ответа от военного комиссара Галина по поводу сегодняшнего собрания не было, но есть сведения, что казаки хотят окружить Совет. И, действительно в шестом часу казаки стали окружать Совет и уже к Совету никого не пускали.

Многие члены Совета, чтобы попасть на заседание, всеми способами ухитрялись пройти этот кордон казаков, некоторые даже перелезали через забор от городского сада. К семи часам, как было условлено, представители приехавших частей не пришли. Теперь для нас было ясно, что командование хочет не допустить этого собрания. Мы, часть членов Исполнительного Комитета Совета, которые находились в это время здесь, решили не допустить до вооруженного столкновения, которое считали нецелесообразным и снять весь наружный караул. В это время казаки тесней стали окружать Совет, потом под'ехали два броневика, которые навели пулеметы на здание Совета. Через несколько минут под'ехал верхом бывший секретарь Совета эс-эр Ковалевский, который от имени начальника гарнизона полковника Брандта предложил немедленно сложить оружие, говоря, что после троекратного сигнала, если не будет сдано оружие, будет произведен обстрел.

Ковалевский стал спорить с некоторыми членами Совета. Я не ожидая, чем кончится это, пошел в помещение.

В зале заседания было полно, все ожидали открытия заседания Совета. Не помню, кто открыл заседание, помню что в президиум были избраны Артемов, Гайгеров (меньш.), третьего не помню. На повестке дня стоял вопрос уже не о соглашении, о котором говорили утром, а о последнем ультиматуме. Еще не успели приступить к обсуждению вопроса, как был дан первый сигнал. Мне кто то из членов сказал, что на заседании нет еще членов Исполкома Крест. Депутатов и просил, чтобы я сходил за ними. Когда я поднялся на третий этаж и вошел в комнату где помещалась канцелярия Исполкома, был дан второй сигнал. Я застал их за обсуждением вопроса об отношении к данным событиям и стал указывать им, что сейчас не время здесь обсуждать этот вопрос, говорил, что собрание уже открыто, что их там ждут и что если мы сейчас затянем обсуждение пред'явленного ультиматума, может быть будут обстреливать Совет. После этого они прервали свое заседание и пошли за мной.

Когда мы уже подходили к залу заседания раздался третий сигнал, после чего затрещали пулеметы броневиков, посыпались разбитые стекла поднялся шум; я не видел, что происходило в зале, потому что был сбит с ног бегущими. Когда поднялся, мимо меня пробежали еще несколько человек—и все смолкло. Пулеметы перестали стрелять. Мне не верилось, что могло это случиться, я не думал, что после того, как мы сняли караул и заявили, что мы применять оружия не будем, будет расстрелян Совет. В душе закипела злоба против казаков, меньшевиков и эс-эров, ибо поведение последних (как-то Ковалевского, Бергмана и других) говорило за то, что это случилось при их содействии. Я пошел к выходу и в корридоре услышал голоса раздающиеся вверху, на которые я и пошел. В комнате, занимаемой Исполкомом Рабочих депутатов, я увидел несколько членов Совета в том числе меньшевиков Гайгерова, Дегтерева и др., которых я стал упрекать в соучастии ихней организации в этом погроме. Мне ответил тов. Гайгеров, что если-бы они знали постановления организации, то не были бы здесь и что они сами возмущаются этим погромом. Наша речь была прервана окриком: „кто здесь? выходи или стрелять будем“. Мы вышли и увидали несколько казаков, которые обойдя все комнаты повели нас к выходу. Когда мы выходили на двор, около двери стояло несколько казачьих офицеров, которые усердно награждали тумаками проходивших мимо них. Я видел, как один из них, увидав старика с большой бородой, члена Исполкома крестьянских депутатов, при возгласе: „и ты—большевик“ ударил его с такой силой, что тот чуть не упал. Не знаю, как я воздержался: у меня было такое желание застрелить этого офицера. Около Совета мы

увидели человек около ста арестованных из присутствовавших на заседании Совета. Мы также примкнули к этой группе и нас под конвоем куда то повели; когда дошли до железнодорожного управления, к нам под'ехал Ковалевский, которому я крикнул несколько слов: „подлец“, „провокатор“. Меня стали успокаивать. Ковалевский распорядился, чтобы всех членов Совета Рабочих и Крестьянских депутатов освободили. Нас выделилось человек 15—20, а остальных повели, кажется, в Загородносадские казармы. Здесь же в стороне я увидел тов. Витолина, которого арестовали, когда он только ехал в Совет. Нас освобожденных всех вывели за линию оцепления, где я увидел члена Совета тов. Серкина, который рассказал мне, что несмотря на все его хитрости, он не мог попасть в Совет на заседание. Едва я пришел домой (на Ямскую ул.) и не успел еще раздеться, как раздалась ружейная трескотня. Я выбежал на улицу и услышал, что это стреляют со стороны Барачного Городка: как потом выяснилось, это солдаты шли на помощь Совету, но ввиду темноты не пошли в город и около него окопались.

На другой день гарнизон сложил оружие. В этот же день, то есть 20 октября, было экстренное собрание Городской Думы, на котором обсуждался вопрос о последних событиях в г. Калуге. Собрание Думы было очень многолюдно,—гласные были почти в полном составе, представители офицерства приехавших частей, Начальник гарнизона полковник Брандт, военный комиссар Галин и др., было очень много публики. Когда председатель Думы эс-эр Федоров открыл заседание Думы, слово было дано городскому голове меньшев. Фоссу, который от имени городской управы стал благодарить приехавшие части за их доблестное дело, т. е. за искоренение „анархии“, которая была в совете и которая не давала „спокойно работать Демократической Думе“, далее указал, что инициатива вызыва войск исходила от Городской Управы, которая послала своих представителей в штаб Минского округа с просьбой о присылке их для востановления порядка и поддержания законной революционной власти. Фоссу отвечал комиссар Галин говоря, что воинские части „исполнили свой долг перед родиной и революцией“, что „только такие меры могли оздоровить гарнизон, который забыв свою честь, не выполнял боевые приказы“. Стали высказываться и другие. Я также записал слово,—меня очень возмущали похвалы Корниловским казакам и реакционному офицерству. Выражая свое возмущение, я стал указывать близ меня сидящему меньш. Анатолию Смирнову на Иудино поведение руководителей меньшев. орган. Вскоре ему было представлено слово. Он стал одобрять действия приехавших войск, говоря, что в данное время Советы должны быть ликвидированы и „вся власть должна перейти в руки демократических дум“. Вся его речь была направлена против Советов и дышала ненавистью к ним.

Во время его речи я увидел, как рядом со мной сидевшая Софья Цирлин плакала. Ей, наверно, было больно слышать, как ее партийные единомышленники произносят смертный приговор Советам, тем Советам, которые, стоя на страже революции, не дали восстановить буржуазии Романовскую монархию в тяжелые дни Корниловского наступления, которые могли об'единить все революционные силы и дать отпор зарвавшемуся генералу.

После речи Смирнова было внесено предложение бюро социалистического блока о том, чтобы были выставлены фракционные ораторы и о перерыве для совещания блока. Я не знаю, чем было вызвано это предложение, но мне думается, что речь Смирнова и им показалась очень пахнущей Корниловским духом. После перерыва выступил от блока тов. городского головы— Мартьянов, который стал оправдывать действие казаков, говоря, что было необходимостью применить оружие, т. к. это должно было отрезвляюще подействовать на большевиков, которые своим лозунгом „вся власть Советам!“ подрывали в народе „чувство законности, порядка, уважения к власти верховной и местной и так-же предрешали волю Всероссийского Учредительного Собрания“.

Второй оратор от блока меньшевик Кропотов начал свою речь, как и первый с благодарностью приехавшим частям, но в дальнейшем говорил, что командованием был недостаточно использован мирный путь разрешения данного дела, что не было обращения к демократическим группам за посредничеством, благодаря чему случился такой печальный факт расстрела Совета. Вся речь Кропотова была произнесена вяло, не было искренности в благодарности приехавшим частям, какова была у первого оратора Мартьянова. Это говорило за то, что в самом социалистическом блоке не было единодушия.

Когда слово было предоставлено мне от фракции большевиков, то я, подметивши разногласия между членами блока, указал, что этого расстрела желать могла только буржуазия во главе с кадетами и та интеллигентская меньшевитско-эс-эровская группа, которая окончательно перешла в лакеи буржуазии, а их рабочая группа стала в оппозицию им потому, что они понимают разгром советов, как разгром революции. Далее я стал указывать, что этот погром напоминает карательные экспедиции Дубасова и Мина в 1905 году, потому что казаки не удовлетворились только разгромом и разгоном большевитского Совета Солдатских депутатов, но что ими было уничтожено все в профессиональных союзах, даже в меньшевитском и эс-эровском комитете, руководители которых призвали их. Далее я указал, что поведение руководителей отряда было провокационное, что они не хотели разрешения конфликта мирным путем, потому что они не допустили до общего собрания, которое было намечено совместно с ихними представителями. Во

время моей речи председательствующий Федоров и часть гласных из кадетского и меньшевитско-эс-эровского лагеря перебивала меня, стремясь не дать мне говорить, другая-же часть меньшевиков—эс-эров рабочих требовала, что-бы мне не затыкали рта. Это очень взбесило председателя социалистического блока Утянского, который, вскочив с места, предложил дать мне договорить, говоря, что у меня есть защитники в лице рабочих меньшевиков. Этот случай дал мне возможность еще раз подчеркнуть разногласия, царящие внутри социалистического блока, так как этот погром должен возмущать всех тех, кто не на словах, а на деле стремится добиться освобождения рабочего класса. Я так-же отметил, что рабочий класс никогда не допустит, что-бы контр-революция могла уничтожить Советы и что эти погромы только укрепят их и очистят от мнимых социалистов. Моя оппозиционная речь окончательно вывела из себя председателя блока Утянского, который взял слово для фактической справки и обращаясь к Думе сказал, что тов. Кропотов сказал не то, что ему было поручено социалистическим блоком и что он выразил мнение меньшинства его. В свою очередь Кропотов, отвечая Утянскому, указывал, что он действительно не мог выразить мнения большинства блока, потому он выражал благодарность казакам против своих чувств, которых не достаточно переборол, что он не может согласиться с растрелом Совета, что он оказался плохой пластинкой, напетой Утянским и не мог передать то, что говорил он ему на заседании блока. Утянский, вскочив с места, указывая на Кропотова воскликнул: „имею честь рекомендовать вновь испеченного большевика“, а Кропотов так-же сказал на Утянского „имею честь рекомендовать вновь испеченного кадета“. Эта перебранка двух меньшевиков дала возможность оратору от фракции кадет Кнушевитскому упрекнуть блок, что он и в этот момент недостаточно отрекся от большевиков, что они сами виноваты в том, что поддерживали их. Одобряя последние решительные меры по искоренению большевизма, который так привился в местном гарнизоне, он призывал, чтобы приехавшие части довели свое дело до конца. Военный Комиссар Галин, видя разногласия среди меньшевиков, убавил тот напыщенный свой тон, который был в начале заседания, и, как бы оправдываясь, стал говорить, что он, как социалист, не хотел разгрома совета и что виноваты в этом большевики, которые не выполнили его предписания о сдаче оружия. После прений думой была принята следующая резолюция: „Глубоко сожалея, что прибывшим кавалерийским казачьим и броневым частям пришлось открыть огонь против забывшего свой воинский и гражданский долг самочинного Совета Солдатских Депутатов, признавая, что решительные меры были приняты своевременно надлежащим образом, Городское Самоуправление приносит прибывшим частям свою благодарность, видит в этом приходе начало оздоровления, отрезвления

и прекращения временным правительством анархии не только в Калуге, но и во всей стране, с таким трудом приобретшей долго жданную свободу в стране, управление которой отливается, наконец, с такими усилиями в государственные формы Великой Российской Демократической Республики".

Эта резолюция наглядно показывает, что Калужская в большинстве меньшевистско-эс-эровская дума стала на путь определенно контр-революционный, что социалистический блок стал определенно черно-желтым блоком. Меньшевистско-эс-эровские главари: Фосс, Мартьянов, Утянский и Любимов стали стремиться, что-бы их действия были так-же одобрены и Советом Рабочих Депутатов, чего они и добились на одном из заседаний его, на котором Совету нужно было-бы заклеймить этих погромщиков, а он в угоду Фоссу и К° вынес 16 голосами жалкую резолюцию, оправдывающую разгром Совета. Большевики на данном заседании указали, что эта резолюция не прикроет их иудиного дела и в знак протеста покинули заседание Совета. Через несколько дней опять состоялось общее собрание Совета Рабочих Депутатов в помещении железно-дорожной столовой.

Во время этого заседания из Москвы приехала комиссия от Московского Совета во главе с тов. Рыковым для расследования дела о разгроме Совета. Товарищ Рыков на этом собрании указал, что разгром Совета в Калуге нельзя рассматривать, как местное явление, а что это есть начало общего наступления на Советы, которое подготовляется контр-революцией, и что этот разгром всколыхнул рабочие массы Москвы, и Московский Совет решил послать сюда комиссию из представителей от каждой партии, т. е. от большевиков, меньшевиков и эс-эров; он предложил и данному собранию выделить своих представителей в данную комиссию по два человека от партии, что и было принято общем. собранием. В комиссию от большевиков вошли я и Артемов.

Когда наша комиссия, в которую влились еще представители Тульского и Жиздринск. Советов. приступила к делу, нами решено было осмотреть разгромленный Совет, что и было сделано. Как только мы переступили порог Совета, нам представилась жуткая картина: везде на полу валялись бумаги, все двери комнат и шкафы были разбиты. Этот вандализм возмутил всех. Я помню как представитель Московского Совета, эс-эр чуть-ли не со слезами на глазах смотрел на это и говорил, что так на него это подействовало, что он не может никак успокоиться.

Как больно было смотреть на это! И возникает вопрос: на что, для кого это было нужно? Видно было, что с каким-то остервенением рвались все дела и бумаги, ломалась мебель и т. д.

Дня через два, когда мы вечером собрались для намечания плана дальнейшей работы, помню, как спорили представитель Тульского Совета

меньш. Пестун с калужскими меньшевиками и московским меньш. Рыбальским. Первый, увидав „работу" их, говорил, что местные меньшевики больше похожи на кадетов. И он был прав, потому что когда нашей комисси пришлось допросить товарища городского головы меньшевика Любимова, то он отказался давать ответы, считая, что Московский Совет не правомочен посылать комиссии для разбора этого дела.

Нашей комиссии не пришлось полностью окончить дело, потому что тов. Рыков уехал на 2-й всероссийский с'езд, а другие товарищи спешно выехали в Москву, узнав о начале социальной революции.

Происходящие в столице великие события это дело отодвинули назад, и не приходилось говорить о Калужском Совете. Вопрос стоял стоял о завоевании власти Советами или их гибели.

Утром 26 октября я получил повестку, что в 12 часов дня назначается экстренное собрание городской думы. Я не знал, чем была вызвана такая экстренность. Когда я пришел в думу, то узнал от некоторых меньшевиков, что в Петрограде выступил пролетариат против временного правительства за власть советов. Меня очень удивляло, что нет еще членов нашей фракции. Я думал о причинах отсутствия их, как ко мне подошел тов. Артемов с вопросом, почему я не иду на заседание Исполкома Совета Рабочих Депутатов и сказал, что там дожидаются уже давно тов. Витолин и Борисов. Я удивлено спросил тов Артемова, что неужели они не знают о причинах экстренного собрания думы и что все меньшевики, члены Исполнительного Комитета, находятся здесь? Кратко знакомлю его с тем, что я узнал по поводу выступления в Петрограде, после чего тов Артемов быстро пошел в Исполком, который должен был заседать в здании Окружного Суда, за тов. Борисовым и Витолиным. Когда открылось заседание думы, секретарь управы меньшевик Стефанович, увидав меня, предложил думе исключить меня, говоря, что „не место здесь представителю той партии, которая подняла знамя востания". Я протестовал, говоря, что дума меня не может исключить, потому что принадлежность к коммунистической (большевистской) партии не может служить к тому причиной. Предложение Стефановича даже не ставилось на обсуждение и голосование. Городской голова Фосс стал информировать собрание о том, что получена телеграмма о выступлении большевиков в Петрограде, против временного правительства, которому народ поручил власть. Далее, выступая, нес погромную речь против большевиков: „эта кучка безответственных демогогов, которые посягают на верховную власть, восстание должно быть во что-бы то не было ликвидировано" и т. д. В таком же духе стали высказываться и другие ораторы из меньшевитско-кадетского лагеря.

Потом слово было предоставлено мне. Я стал указывать на причины этого выступления, говоря, что рабочий класс не может доверить тому пра-

вительству, которое в своих рядах имеет Кишкина, Тредьякова, Терещенко и К°, что чаша долготерпения переполнилась. В это время сзади меня стоящие Фосс и председатель Федоров все время перебивали меня, стремясь не дать мне говорить. Когда я выразил протест против грубого нарушения, я был лишен слова.

После меня выступили тов. Борисов и Витолин, которые в кратких и ярких словах обрисовали причины грядущей борьбы и, заканчивая, бодро и смело провозглашали «да здравствует социальная революция». Мне вторично пришлось выступать, где я докончил прерванную мою речь и присоединил свою здравицу за социальную революцию.

Вскоре после того я и другие большевики были арестованы и заключены в тюрьму, где просидели две недели и были освобождены по настоянию из Москвы 12-го ноября.

Когда мы шли домой из тюрьмы, то на углу Новорежской и Никольской улицы встретили тов. Серкина, который шел с кипой большевитских воззваний, которые он вез из Жиздры, отпечатанные в связи с выбором в Учредительное Собрание. На другой день вечером состоялось собрание представителей от социалистических партий, исполнительных комитетов Советов, Городской Думы и приехавших из Москвы представителей,—от Революционного комитета тов. Орехова, Революционного штаба тов. Упорова и от Викжеля; на собрании обсуждался вопрос об организации власти. На фракционном собрании большевиков и соц.-рев. левых обсуждая вопрос о передаче власти в руки Советов. После долгих обсуждений, мы решили, что без реальной силы мы не можем рассчитывать на успех, потому что те солдаты Калужского гарнизона, которые шли за большевиками, после разгрома Совета были отправлены на фронт, а на их место остались только казаки и несколько рот „баталиона смерти". Все наши надежды были на Нижегородский Кавалерийский полк, который был прислан вместе с казаками для искоренения большевизма в Калуге, но заразился и сам стал большевитским, но утром еще мы узнали, что и этот полк „как неблагонадежный" отправляется на фронт.

Когда было открыто об'единенное собрание, мы предложили, чтобы Нижегородский Драгунский полк был оставлен в Калуге, на что получили ответ, что последний эшелон этого полка уже часа три, как выехал из Калуги. Для нас стало ясно, что они поспешили с этой отправкой, чтобы не дать нам возможности опереться на реальную силу. Мы очутились к кругу враждебного лагеря. В прихожей комнате были слышны угрозы против большевиков от офицеров «баталиона смерти»; в особенности они грозили снести голову представителю Революционного штаба тов. Упорову, как офицеру, который, по их мнению, замарал честь офицера, пойдя вместе с большевиками против Временного Правительства.

После нескольких часов спора с меньшевиками и эс-эрами, мы добились следующих условий: 1) Немедленное освобождение из тюрьмы т. Витолина, Абросимова и Зубатова, которые числились за военным прокурором; 2) Отправка на фронт казаков и „баталиона смерти“ и 3) Губернская власть организуется из представителей представленных здесь групп.

Еще не окончилось данное собрание, как пришли освобожденные тов. Витолин, Абросимов и Зубатов, которых мы приветствовали аплодисментами.

Это заседание было закрыто часа в 4 утра. На другой день я уехал в гор. Тулу и не знаю, как здесь в дальнейшем развивались события.

Когда же я 22 декабря приехал в Калугу, то власть полностью перешла в руки Ревкома. Городская Дума была распущена. Фосса, Утянского и К° не было видно...

События, описанные мною, составляют небольшую частичку той громадной борьбы рабочего класса России, которая говорила за то, что никакие соглашательские преграды не могли остановить шествия революционного пролетариата к коммунизму.

В. Акимов.

В Испарт Калужский.

от. Сливка Карла.

Первые мои революционные впечатления относятся к 1905 году, когда я, еще школьник, узнал от отца, портиера в большом металлургическом заводе в Трзинце, в Австрийской Силезии, о революционном движении в России.

Отец мой всегда приносил домой с собой соц. дем. газеты, которые часто и много занимались революцией 1905 г.

Уже в это время указывалось, по временам, на грандиозность революционного освободительного движения в России.

Но спустя немного времени забыт 1905 год и социал. дем. стала на путь соглашательства и оппортунизма. Это, конечно, передавалось и нам, молодежи, учащейся в средних учебных заведениях и работающей в тайных студенческих социалистических кругах.

Во время войны, когда мы увидели ужас преступления перед Интернационалом, опомнились мы, организованные юные социалисты, и стали принимать меры к пропаганде интернационализма, братства рабочих. Вскоре прекратились наши дела вследствие выбытия большинства из нас на фронт.

Через пять месяцев, по прибытии на фронт, я попал в русский плен. Тут мне глаза окончательно открылись на ужас войны, ее бедствия и несчастие для пролетариата. Здесь, в плену узнал „своего неприятеля“, в лице добродушного и гостеприимного русского мужика и рабочего.

1917 год застал меня в Калуге, где я, работая в хлебопекарне С-В жел. дороги, мог совершенно свободно принимать участие, пока как зритель, в многолюдных митингах.

Сердце мое рвалось когд анаши единственные большевитские ораторы—тов. ВИТОЛИН, БОРИСОВ и МАДОРСКИЙ призывали в огненных речах к революции, а мы как пленные были вынуждены оставаться пассивными.

Благодаря неслыханной доброте и снисходительности Заведывающего хлебопекарней Дм. Ив. Романовского, бухгалтера Материальной службы, ныне покойного, мы могли вдоволь заниматься политикой и текущими событиями. Сколько раз освобождал добрый Дм. Ив. нас от жесткик пальцев жандарма, захватывавшего нас на митинге и узнававшего в нас пленных.

Вследствие братского и дружеского отношения нашего начальника, могли мы безнаказанно учиться и воспринимать революционный опыт.

Обстрел Советов, арест Витолина, Борисова, Акимова, розыск тов. Белоусова—единственного открытого большевика жел. дор. мастерских—все это не успело нас поразить, как в октябре глянула весть о революции.

Среди пленных—восторг.

Близорукие радовались возврату на родину, наша кучка утешалась победой социальной революции.

Восторженно кинулись в лагери пленных; на митингах приходилось выступать и говорить иногда на четырех-пяти языках,—по германски, чешски, польски и румынски.

Работа была тяжелая,—народ забитый, запуганный. Но все-таки результаты были.

Много ушло в Красную Армию, в Милицию и т. д.

После 1-го Губернского С'езда Советов, меня избрали от беженцев и пленных в Губисполком, затем в Губком Р.К.П. от федерации иностранных коммунистов, где я оставался до моего от'езда заграницу.

Героические, красивые, полные воодушевления времена непосредственной борьбы с контр-революцией. Сплоченный круг железной братии коммунистической в губернии работал не покладая рук. Был дух революционный, была фантазия юношеская и храбрость, достойная парижских коммунаров.

Сколько раз на улицах Праги, Остравы, Берна, во время столкновения наших рабочих с полицией, сколько раз приходила мысль и вспоминалась Калуга.

В Венгрии—Советская Республика.

Весь запас опытных работников туда—гремит центр. Федерация иностранных коммунистов в Москве. Ликвидирую спешно все мои советские и партийные дела, прощаюсь со старыми друзьями—вероятно навсегда оканчиваю сдачу Губпленбежа, членство Губисполкома и уезжаю в распоряжение Центр. Федерации иностранных коммунистов в Москву, откуда отправляюсь прямо в распоряжение белорусско-литовского правительства к тов. Ленданскому.

По случаю падения Вильны и ухода наших оттуда, я направлен был по постановлению Ц. К. Польской К. П. в Варшаву с важными поручениями. Опасный путь; прибываю в Варшаву. Сделал свое, затем был узнан одним беженцем из Калуги, как большевик, и заперт в Варшавской тюрьме. Через 3 месяца, ввиду отсутствия всяких доказательств, уволили меня, как иностранца. Еду домой.

Там работа в плебисците.

Борьба за создание К. П. в пределах Соц. Дем. партии.

В декабре 1920 г.—большое движение, которое охватывает и нашу губернию. Работаем во всю. Здесь выдвинулся опыт русской революции у нас. Избежали мы многих ошибок, благодаря русской школе 1917 и 1918 г.г,

В конце полиция и милитаризм побеждают нас. Преследования. Напрасно. Рабочий класс целиком перешел к нам. Когда приходит второй с'езд партии, уже все национальные группы об'единены.

На С'езде 1920 г. вхожу в Центральный Комитет Ком. Партии Чехославаки и, где работал до сих пор. Ныне делегирован на Конгресс Коминтерна с решающим голосом, как представитель центра партии в отличие от оппозиции и офиц. партийного течения.

Моя точка зрения принимается в Комиссии (Радек, Рутфишар, Фридлендер и Дюрье) и на пленуме Конгресса.

Пользуюсь случаем и заезжаю после 4-х летнего отсутствия в Калугу, дабы повидаться со старыми знакомыми. Застал здесь только несколько старых друзей. Поневоле вспоминаешь старые времена 1917 и 1918 г.г.

Время уезжать домой, в Чехо-Славакию на тяжелую, но увлекательную работу. Жаль прощаться с товарищами. Странное ощущение тоски, Надо становиться на революционном посту, на западе, где мы нужны.

Прощайте товарищи, держитесь крепко, пока мы к Вам на помогу не двинемся, только бы скорее.

До свидания, дорогие товаищи, в Советской Праге и Вене.

СЛИВКА Карл. (бывший член Калужск. Губкома РКП. и член Губисполкома с 1918 г. по 1915 г.)

Калуга, 12/XII—1922 г.

Громят Советы.*)

Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне!

Крепче сомкнитесь вокруг Советов, станьте на их защиту. На Советы идут походом, их хотят смести с лица земли, отдать вас прежним чиновникам.

18-го октября в Калуге появились с Минского фронта, присланные Минским штабом, войска,—казаки, драгуны и броневики,—арестовали Совет, разгромили помещение.

Контр-революция начала наступление.

Буржуазные газеты все назначали выступление большевиков—сначала на 10-е октября, потом на 17-е, потом на 20-е. Сегодня срок отодвинут ими—в одних газетах на 22-е октября, в других на 25-е. Раньше, когда масса верила этим газетам и правящим партиям соглашателей, выступление большевиков рисовалось в виде выступления небольшой кучки людей. Теперь, после решительного сдвига рабочих, солдатских, крестьянских масс к большевикам, буржуазия понимает, что выступление большевиков—это выступление наиболее революционной, наиболее обездоленной и наиболее многочисленной массы народа.

Но еще прежде, чем эти массы выступили, буржуазия начала уже наступление. Вступив в союз через Керенских, Малянтовичей и других с правым крылом демократии, с частью мелкой буржуазии, буржуазия идет походом на революцию. Поход на рабочих ведется в грандиозных размерах: проводится локаут сотен тысяч рабочих в борьбе с организованными рабочими; крестьян держат под угрозой карательных отрядов; на Дону держат две казачьи дивизии; каменноугольные копи Донецкого бассейна окружены казаками; заговорщики против революции; Каледин и калединцы не только не наказаны—с ними глава правительства эс-эр Керенский ведет таинственственные переговоры; правое крыло эс-эров даже представительство имеет от казачьего Совета, который разрывает с Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; на Кубани, на Дону идет форменное подавление и вытеснение крестьян, не принадлежащих к казачьему сословию; к Петербургу стягивают контр-революционные войска, из Петербурга требуют вывода двух третей революционного гарнизона; из Москвы требуют отправки 1-й запасной артиллерийской бригады, обнажая Москву, и без того плохо защищенную от натиска контр-революции в военном отношении. То в том, то в другом месте выступают перед юнкерами и казаками ораторы, принадлежащие иногда к партии эс-эров, с призывом расправиться с большевиками. Этот призыв теперь означает расправу с большинством рабочих, солдат и крестьян. Этот же призыв открыто брошен Керенским; приготовления к расправе делаются в широких размерах в Петербурге и в других местах.

---

*) Перепечано из „Социал-демократа“ № 190 от 22 октября (4 ноября 1917 года.)

Редакция.

Все ждали, когда выступят большевики.

Не дождавшись, начали сами выступление. На этот раз, когда Советы готовятся взять власть в свои руки, борьба открыто ведется против Советов, Разгрому подвергся Совет в Ташкенте. Третьяго дня—в Калуге, в Ржеве.

Буржуазные газеты твердят: в Калуге анархия. Какие ужасы! Совет Солдатских Депутатов самочинно устроил на один день гулянье в городском саду, чтобы собрать средства для совета! Совет прорубил стену в комнате в губернаторском доме, чтобы соединить две комнаты! Совет освободил из тюрьмы шесть анархистов. Если подобные факты «анархии» достаточны были для посылки карательного отряда в Калугу, то, конечно, давным давно следует разгромить Москву, где самочинных, революционных шагов Совета можно насчитать гораздо больше и гораздо крупнее.

Подождите, заявляет нам комиссар Минского военного округа Галин: точно такие же меры намечены и для 12 других губерний и для Москвы. Пока в Калугу введены 2 эскадрона казаков, кавалерийский (драгунский) полк и 3 броневика.

Что они сделали в Калуге? Арестовали членов Сов. Солдат. Депутатов; разгромили его самым основательным образом; разгромили помещения Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов; разгромили помещения партийных организаций, арестовали (потом освободили) некоторых членов Сов. Раб. Депутатов. Броневики и пулеметы окружили здание Совета и открыли пальбу.

Товарищи, рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за Советы! Помните: сегодня Калуга, а завтра—Москва. Сплотитесь вокруг Советов! Отзовите из Советов всех тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых! Товарищи рабочие и крестьяне! Организуйте красную гвардию, приведите в боевой порядок всю свою организацию! Товарищи солдаты! Переизберите свой Совет, укрепите его, чтобы он был боевым революционными органом! Пусть Москва покажет всем, кто готовится раздавить революцию, разгромив Советы, что в ней солдат и рабочий встает грудью против контр-революционеров и найдет в себе силы не только для защиты, но и для победы!

И помните: наступление уже начато и начато буржуазией.

Помните: вооруженному походу казаков на революционную Россию может положить конец только вооруженное восстание народа против власти буржуазии и переход всей власти в руки народа.

Местные факты, имеющие крупное значение. *)

За последнее время накопилось достаточное количество фактов, говорящих, что в некоторых советах меньшевитско-народнический блок начал поход против партии революционного пролетариата. У меньшевиков и народников в Советах имеется намерение подчинить большевиков воле меньшевитско-народнического большинства и лишить наши партийные организации возможности самостоятельного действия.

Яркой иллюстрацией подобных намерений может служить история столкновения Совета и большевиков в Калуге.

До июля месяца в Калужском Совете Рабочих Депутатов большевики работали вместе с меньшевиками и народниками.

Между прочим, решено было, что Совет поддержит на выборах в Городскую Думу списки всех трех партий и всем им Совет ассигновал на избирательную комиссию по две тысячи рублей. Но, это, в той или иной степени, „мирное житие", после петроградских событий разрушилось и разрушилось исключительно по вине советского большинства.

По поводу ареста нескольких большевиков (в начале июля) большевитская фракция внесла в Совет заявление с указанием на необходимость принять меры против „разгула контр-революции в Калуге".

В ответ на это заявление Исполнительный Комитет поставил на обсуждение „вообще вопрос о большевиках" и обратился к фракции с тремя „грозными" вопросами: осуждает ли большевитская фракция „петроградский мятеж", принимает ли она меры к очищению местной партийной организации от „темных личностей" и как относится она к событиям на фронте. На поставленные вопросы большевики ответили, что стихийных неорганизованных движений они „не оправдывают", что они высказываются против дезертирства и частичных выступлений, а относительно „темных личностей" организация протестовала против самой постановки подобных вопросов.

Калужский Совет признал эти ответы „неудовлетворительными", немедленно же перешел в наступление на большевиков, приняв постановление о лишении их ассигновки на муниципальную кампанию. И следует отметить, что докладчик Исполнительного Комитета мотивировал это соображением, что деньги могут быть употреблены на „контр-революционные цели". После этих „действий" меньшевитско-народнического блока большевики не сочли возможным для себя оставаться в Совете. Уходя оттуда, они заявили, что признают совместные действия всех революционных сил настоятельными требованиями момента и предлагают Совету пересмотреть свои решения.

---

*) Перепечатано из „Социал-демократа" № 119 от 28-го июля (10 августа) 1917 года. Ред.

Но Совет вместо пересмотра „угостил“ организацию большевиков двумя весьма поучительными документами.

Это были: во-первых, нечто в роде „приказа“ по поводу расклейки Калужск. комитетом с. д. большевиков воззваний „клевещите“ и „против погромщиков“ и, во-вторых, заявление, которое *должно быть* подписано калужской организацией с. д. большевиков. «Приказ» настолько характерен для понимания поведения меньшевитско-народнического блока за последние дни, что мы позволим себя привести его целиком. Вот этот «документ»:

В Калужский Комитет Р. С. Д. Р. П. большевиков 15 июля 1917 г.

Расклейку воззваний «Клевещите» и «Против погромщиков», подписанных Московским Комитетом и Моск. Областным бюро Р. С. Д. Р. П. а также Центральным Ком. Р. С. Д. Р. П. и Петербургск. Комитетом, Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Д. считает недопустимым по следующим причинам:

1) Отсутствие определенной подписи партии большевиков над воззванием, могущее ввести в заблуждение несведующих лиц, что оно исходит от Соц. Дем. Р. П.

2) Противоположение партии большевиков всему остальному населению без указания, что существующие социалисты клеветой не занимаются и в ней неповинны, вследствие чего слова „прислужники буржуазии“ могут быть отнесены к социалистам не большевикам.

3) Всякая расклейка временно не должна производиться без ведома Исполнительного комитета.

(Следуют подписи).

В этом „приказе“ мы находим ярко выраженное намерение советского большинства фактически свести на нет партию с. д. большевиков, превратить ее в простой придаток к Советам. Калужские меньшевики и эс-эры пошли по этому пути столь далеко, что имеют весьма откровенное желание лишить большевитскую организацию даже права выпускать свои листки. А посмотрите теперь, что предлагали они „подписать“ Калужской организации С Д. большевиков. Они предлагали осудить, „всякие демагогические приемы“ и, прикрываясь этим туманным выражением, они находили возможным заявить,—пусть «против лиц, пользующихся такими приемами, будут приняты все *крайние* меры». Далее, эти черезчур бойкие господа предлагали нашим товарищам осудить «всякие организованные выступления меньшинства против Советов, а *также и против Врем. Правительства*“.

И наконец, эта «расписка» хотела запретить «всякую пропаганду против наступления».

Причем, все эти запреты были составлены так, что при случае они могли явиться петлей для всякой инакомыслящей группы в Совете. Товарищи калужские большевики поняли это обстоятельство и в своем заявлении Исп. Ком. Совета Р. и С. Д. гор. Калуги дали правильную оценку «пунктам» подписки, составленной калужским большинством.

В заявлении калужских большевиков мы читаем, что «совещание считает возможным участие фракции в Советской работе, лишь при условиях, гарантирующих свободу политических выступлений членов фракции, признания фракции частью Совета, равноправной с др. фракциями, входящими в Совет, а не какими то «гражданами 2-го сорта», словом, при гарантии возможности выполнения тех задач, которые ставит себе фракция в Советской работе». Далее они развивают следующие положения, помеченные нами соответствующими цыфрами:

1) «Никаких односторонних «подписок», заключающих в себе пункты политического самоограничения, наша группа дать не может».

2) «При наличии захватнических договоров, заключенных еще царским правительством России с англо-французскими капиталистами, мы никогда не откажемся от политической оценки наступления, как явления, противоречащего делу борьбы за всеобщий мир без анексий и контрибуций и ведущего нашу страницу и все завоевания революции к полному краху».

3) «Фракция наша не откажется от критики постановлений Совета, которые она найдет вредными для дела революции».

4) «Появление «приказа» мы считаем грубым нарушением свободы печати, будящим воспоминания о самых подлых временах царской реакции».

«Этот «приказ» направлен против открыто действующей в городе политической группы, которая всегда отвечает за свои политические действия».

5) Потому мы отказываемся дать предложенную нам «подписку» и считаем необходимым отмену «приказа».

При отсутствии этих условий мы считаем себя вынужденными выйти из состава Совета, т. к. в этом случае мы не можем иначе понимать политику Совета в отношении большевиков, как предложение выбора между совершенным политическим поглащением нашей фракции внутри Совета и фактическим изгнанием. В последнем случае, с некоторым сожалением, покидая позиции Совета, мы неуклонно будем продолжать дело политического просвещения и организации масс для борьбы за пролетарско-крестьянское правительство, для борьбы за мир и углубление революции, в конечном счете для борьбы за социализм—вне Совета и, если потребуется, вопреки «приказа Совета».

На это заявление до сих пор нет ответа и наши товарищи, калужские большевики, находятся не только фактически «вне закона», но и вне Совета, идущего против них и тем самым, играющего на руку контр-революции.

С. Яглов.

Петровская организация.

В 1917 году, в марте месяце, после свержения самодержавия, на Петровском заводе старыми подпольниками была организована «Латышская секция» Российской Соц-дем. Рабоч. партии (большевиков). Через несколько времени была организована также и «Русская секция». Рабочие завода обращали сугубое внимание на организацию и записывались в нее, так что в июне месяце в Латышской секции состояло 70 членов, а в Русской—около 180 членов.

Такой быстрый рост организации (большевиков) мозолил глаза местной заводской администрации, которая с помощью соглашателей-меньшевиков и эс-эров бралась за работу по организации групп эсэров и меньшевиков Но мало удалось им поймать на свои удочки,—рабочие, разобравшись с политикой соглашателей, игнорировали их воззвание, так что результатом их политики было, что они собрали в свои ряды около 15 несознательных служащих. При оглашении воззвания *Керенского* «Война до конца», все рабочие завода единогласно вынесли резолюцию, представленную организацией большевиков, „Долой войну", „Да здравствуют Советы". С администрацией завода, т. е. с золотопогонниками осталась только лишь жалкая кучка канцелярщины.

Соглашатели-золотопогонники во главе с Начальником мастерской, полковником *Филипповым*, потерпев поражения, запросили от командующего Западным фронтом сотню казаков, для „усиления" мастерской.

В один прекрасный день прибыл эшелон с казаками. Всех выстроили, на всех углах были выставлены пулеметы. В результате около трех десятков партийных (большевиков) товарищей арестовали и увезли казаки с собой и посадили в Смоленскую тюрьму. С этой операцией работа организации не заглохла, как это предполагали господа из администрации, но еще больше усиливалась.

В октябрьские дни, когда власть *Керенского* стали рушиться, из Калуги в завод приехал особым поездом взвод вооруженных юнкеров и офецеров, которые под угрозой оружием заставляли грузить в вагоны 4 орудия, для отправки таковых в гор. Калугу на борьбу с большевиками. Во время грузки наши партийные товарищи отшибли ударники замков орудий, так что они стали негодны для боя. Вместе с юнкерами и золотопогонниками „улизнул" и наш начальник мастерской полковник *Филиппов*.

Организация на второй день, получив известия, хотя неясные, о перевороте выбрала из старых членов Ревком, к которому перешла вся власть на заводе. В гор. Калуге в то время держались белые. Петровская организация, совместно с Тульскими красногвардейцами, с'организовала отряд и отправилась в Калугу выгнать оттуда засевших белых. По водворении власти в Калуге, отряд был откомандирован в гор. Тулу для восстановле-

ия порядка и подавления кулацко-буржуазных восстаний. Для такой же цели от Петровской организации были командированы отряды в Ефремовский, Алексинский уезды и гор. Таруссу.

Много было выделено из организации работников на партийные, советские и продовольственные должности.

Со дня Октябрьской Революции организация зорко следила за хозяйственной жизнью и ходом работы местного Заводского Комитета, и во главе правления завода стояли и стоят сейчас партийные товарищи. Часть, особенно в начале 1918 г., меньшевитских и эсэровских агентов призывала рабочих завода к "дележке" всего живого и мертвого имущества завода. Но организация сумела удержать массу от подобных выходок.

В связи с мирным договором и эвакуацией поляков и латышей, многие из членов организации уехали. В данное время организация стала малочисленна-остались только лишь 24 челов. (члена), но сплоченность между членами хорошая.

В последнее время организация мало вела политическую работу среди беспартийной массы, но в эпоху экономического строительства организация должна приложить большую энергию для этой цели, ибо от этого пополнятся наши ряды и укрепится наша Советская власть.

Р.

Зарождение Советской власти и Коммунистической партии в г. Мещовске и Мещовском у.

В начале Ноября я прибыл с фронта, получил по 1/XII, 17 г. месячный отпуск, а с декабря приступил к исполнению обязанностей учителя в Мещовском у., в Бедрицкой 2-кл. школе.

ПЕРВЫЙ СОВЕТ.

Председателем уездного Совета был некто Манухин. Впоследствии он считал себя „левым" эсэром. По-моему он был просто „серым". На костылях, но, примерно, в первых числах ноября, Куборский был высажен и Манухин стал властью. Организации эсэров не существовало, большевиков—тоже. Сочувствующие не знали программы и не имели руководителя. Бедрицы, где находился я, отстоят от Мещовска верст на 8. Сначала я стал похаживать на волостные собрания крестьян Еропкинской волости. А они были очень интересны: все декреты обязательно голосовались.

„Власть на местах" была полная. Манухинский Совет был бессилен.

ОБРАЗОВАНИЕ МЕЩЕВСКОЙ Р.С.Д. П. (б.).

В Январе 1918 г., с разрешения Манухина, в помещении Совета, там где ныне расположен здравотдел, состоялось 28-числа первое организационное собрание большевиков, созванное мной. Создано было бюро из трех человек. Председателем был избран Мартынов. С того момента начался прилив членов в организацию. Это были, главным образом, красноармейцы города, а также часть рабочих. Заказаны были,—печать, квитанционные книги и пр. На первом собрании присутствовало не более 15 человек.

От вновь образовавшейся организации большевиков нами было выделено 2 представителя на уездный крестьянский с'езд („с'езд советов"), состоявшийся через 2 дня—30/I, 18 г.

2-й СОВЕТ.

Они же прошли и в Уездный Исполнительный Комитет. Я продолжал оставаться учителем, и оттуда, по возможности, руководил организацией. Собрания были очень редкие,—не более одного раза в м-ц. Посылали делегата и на губ. партийный с'езд. Это был некто Зикеев, впоследствии зарекомендовавший себя, как аферист. Председателем Совета был И. Е. Демин, ныне заведывающий Уезд РКИ. Кроме двух выделенных от партии членов, других большевиков в Совете не было. Нужно было создавать фракцию сначала в самом Совете.

По окончании школьных занятий, в средине Мая 1918 г., я прибыл в Мещовск и предложил свои услуги уездисполкому. В то время я был уже довольно известен Исполкому. Я выступал на январском (18 г.) с'езде учителей, на Мартовском (18 г.) с'езде советов—по народному образованию, на первомайских (18 г.) торжествах и пр. Принят я был с распростертыми об'ятыми и кооптирован членом Исполкома и членом президиума его. Это было 21/V, 18 г.

ФРАКЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ.

За каких-нибудь 2—3 недели была в совете уже солидная большевитская фракция. Больше половины членов совета стали большевиками. Решили очистить организацию. Вытряхнули нерадных, неисправных и просто путаников. Осталось, вместе с фракцией, человек двадцать-тридцать. Общепартийные собрания стали чаще.

3-й СОВЕТ—БОЛЬШЕВИСТСКО-ЭСЭРОВСКИЙ.

10, 11 июля 1918 г. был снова с'езд советов уезда. Правые эсэры отошли в область преданий или перекрасились в левых.

Из Калуги к ним приехал Пароль. Из большевиков Калужских никто не пожаловал. Делегатов было до 130 челов. Из них 30-40 большевитскинастроенных, 30 ч. эсэровщины, остальные-мешочники и горлопаны. По моей инициативе была образована фракция большевиков, дружно голосовавшая по всем вопросам. Президиум был коалиционный—большевистко-лево эсэровский. Благодаря нашей дисциплине, были приняты все предложенные нами резолюции, а в исполком избрано,—10 большевиков, 10 левоэсэров. Эсэры во всем следовали за большевиками. Лишь насчет „бедноты" они никак не переваривали. На с'езде пришлось выдержать целую бурю по продовольственному вопросу. Докладчик—упродкомиссар Понасин защищал свободную торговлю. Пришлось возражать и ему и всем делегатам—кулакам, а их было изрядное количество. Последние настаивали на том, чтобы не выбирать на с'езде членов Исполкома, а после прислать от волостей. Но номер их не удался. Особенно злился, помню, некто Маркитантов, ныне бухгалтер Колодезской многолавки, имевший солидный меньшевитский душок. Председателем Уисполкома был избран Мартынов. Он уже состоял и председателем Укомпарта. С того момента начали зарождаться волостные ячейки большевиков, правда, немногочисленные, но все же достаточно авторитетные. С того момента партийная жизнь уезда сразу и быстро начала развиваться в ширь и в глубь. Председателем Уисполкома и Укомпартии я состоял, в месте и порознь, с незначительным перерывом, до I/VI, 19 г., когда был избран членом Калужского Губисполкома. За это время многое пришлось пережить... Особенно памятен левоэсэровское восстание в июле 1918 г.

30/X, 21 г.

М. И. Мартынов.

Выборы в учредительное собрание.

В начале ноября я прибыл, по „чистой отставке", в дер. Селиваново, Козельского у.—на свою родину. В первый же день по приезде я забрал все привезенные мною газеты:, „Социал-демократ", Рабочий и солдат" и пр., и пошел в сельскую школу, заранее уведомив старосту, что будет митинг, и чтобы все собрались. Яблоку негде было упасть. Крестьяне знали, что я „большевик". Еще до того, в июне я, приезжал в отпуск, вел среди них соответствующую агитацию. Когда я рассказал им о перевороте в Питере, о разгоне Калужского Совета, о том что большевики все равно победят, т. к. они являются действительной властью трудящихся, и за

ними десятки миллионов—я был уверен, что дело сделано. 7 ноября было голосование. Всего голосовало до 300 челов. Двести слишком голосов было подано за большевиков, и только было 70 голосов—за эсэров. И так было по всей губернии. Приезжаю в Мещовск. Являюсь к Инспектору нар. училищ А. П. Архангельскому. Спрашиваю: „Что нового?"—„Ничего", говорит, „одно плохо: все за большевиков голосуют; экий несознательный народ!" Он не знал, что я большевик, и через 6 месяцев буду председателем Мещовского Укома и Уисполкома. „Нутром" почуяли крестьяне правду и голоснули за „большевиков".

30/XI 21 г.

М. И. Мартынов.

Июльское восстание Эсэров в 1918 г. и его отражение в Мещовском у.

На 5 Всероссийский с'езд Советов от Мещовского у. было послано 2 делегата: А. Мартынов (большевик) и Саломатин (эсэр). Мартынов во время восстания находился в Сущевско-Марьинском районе, где двое суток дежурил, в полной боевой готовности. Саломатин просидел это время в Большом театре под замком. Когда восстание еще не было фактом, какие жаркие споры велись в 3-м доме Советов!. Помнится, эсэры ушли на фракционное заседание, нас также позвали через сцену, где каждому на-ухо было приказано итти на Дмитровку, 96 (бывший д. Анархистов). Там тов. Зиновьевым было об'явлено о злодейском замысле клики Спиридоновой, и оттуда же, некоторые без шапок, ибо таковые остались в театре, все разошлись по районам. Дело было под праздник. На утро целый день гремела кананада. Опасным районом была Тверская. Говорили, что т. Смидович попал в плен. Но вот... мы победили. Стали выпускать по одиночке эсэров-отшельников. Окончился с'езд. Нам была дана партийная директива: изгнать из советов всех эсэров, солидарных с Ц. К. П. С-Р. Прибыли: я и Саломатин в Мещовск. После доклада в Исполкоме о с'езде, эсэрам Исполкома был задан вопрос: „Согласны ли они со своими Ц.К.?" Они ответили: „Да". Тогда был об'явлен перерыв. Посовещавшись во фракции большевиков минуты три, мы решили немедленно исключить из Уисполкома всех левсэсэров. По возобновлении мною, как председателем, заседания Уисполкома, было дано мне-же слово для предложения от бюро фракции большевиков. Я встаю и говорю: „Все члены уисполкома, принадлежащие к партии левоэсеров (а их было 10 из общего количества членов Исполкома в 20 чел.), как солидаризировавшиеся со своим Ц. К. лишаются звания членов Уисполкома. Предлагается немедленно сдать оружие, имеющееся здесь и на квартире, и покинуть зал заседания". Те ошалели от неожиданности. Такого резкого поворота они не ожидали. Но, наконец, покорно отдали наличное оружие, отдали красноармейцам и то, что было из оружия у них на квартирах *и успокоились.* Я продолжаю: „Заседание Исполкома об'являю продолжающимся". Немедленно посылаем агитатора и комиссара в воинскую часть г. Мещовска, кооптируем зав отделами, вводим кандидатов в Уисполком, организуем ревком, и закрываем заседание Уисполкома. Смотрим, через день-два эсэры рвут билеты и идут к нам снова с просьбой принять в Исполком, т. к. они с Ц. К. не согласны и даже Эсэрами то состоят по недоразумению. Некоторых из них приняли, других-нет. Исполком стал коммунистическим, и таковым он был до моего от'езда из Мещовска—I/VI, 19 г.

30/X, 21 г.

М. И. Мартынов.

К Истории Боровской Организации РКП.

Прежде чем приступить к описанию истории возникновения Боровской Организации РКП, считаю необходимым, во первых, оговориться, что она будет не совсем полна и точна, потому что в архивах Боровского Укома РКП исторических документов сохранилось очень мало, и приходилось руководствоваться отрывочными сведениями отдельных т. т, работавших в гор Боровске с Февральской Революции и тем, что мог запомнить из личных наблюдений и непосредственного участия в работе организации с августа м. 1918 года. Во вторых, в целях более ясного и точного представления о возникновении Боровской организации, необходимо остановиться на экономическом состоянии уезда и социальном составе населения. Боровский уезд, насчитывавший 64 тысячи населения, считается по Калужской губернии более или менее промышленным уездом, так как здесь, в особенности, до войны была развита текстильная и кожевенная промышленность и, до известной степени, кустарное производство,--в преобладающем большинстве саннотележное, колесное, текстильное, веревочное; имелось несколько кирпичных заводов (текстильное кустарничество преимущественно было развито в селениях уезда). Сельское хозяйство до революции велось слабо, потому что большой процент взрослого мужского населения уезда, а частью и женщины, занимались отхожим промыслом: на фабрики, заводы и мастерские. Оседлое (коренное) население города состояло в большинстве своем из мещан, занимавшихся огородничеством не только в г. Боровске, но и в других городах России. На фабриках и заводах индустриального пролетариата не было, а если и было, то десятки, а не тысячи. Таким образом в г. Боровске и уезде, несмотря на то, что он является промышленным уездом, все же социальный состав населения крестьянский, мелко-буржуазный, мещанский и полупролетарский. А отсюда и неудивительно, что Боровская организация, состоя из полупролетарского элемента, в первые годы революциии была слаба и что возникновение организации произошло не по инициативе рабочих местных фабрик и заводов, а по инициативе селений, в каковые, с одной стороны, стали постепенно возвращаться демобилизованные из Армии, а с другой стороны, рабочие из центральных гор. России, после того как по всем фабрикам и заводам стало сокращаться число рабочих. Рабочие же местных фабрик и заводов были политически отсталы и за время Февральской Революци находились всецело под влиянием партии эсэров. Если местные рабочие вышли к концу 1917 г. из под влияния эсэров, то только лишь под давлением происходивших в то время с головокружительной быстротой революционных событий и благодаря вернувшимся из Армии и рабочим из центральных городов. Немало, конечно, содействовала этому и та свойственная партии эсэров двуличная политика, когда говорится одно, а делается другое. В дни правительства *Керенского*

здесь существовал, так называемый, Комитет Совета Рабочих Депутатов. Председателем последнего был местный помещик некий г. *Чилищев*, он же и член пресловутой Земской Управы, каковая между прочим здесь существовала до февраля м. 1918 г. Будучи явным монархистом, г. *Чилищев* безусловно сочувственно относился к партии эсэров, иногда называя себя и членом таковой, в то же время разнося на все корки узурпаторов коммунистов, именовавшихся в то время большевиками. Таким образом представители от рабочих, состоя членами Комитета СРД., находились под влиянием г. *Чилищева* и К-о. Все это было не только потому, что местный рабочий был в то время мелким собственником и политически отсталым, но и потому, что члены партии эсэров здесь были еще и до Февральской Революции, а членов коммунистической партии не было и дать отпор демагогическим выходкам г.г. эсэров было некому, а посему местный рабочий в период Февральской Революции и оставался под влиянием предателей и подавал свой голос во время голосования в Учредительное Собрание не за список РКП., а за список СР. После совершившегося октябрьского переворота в Москве и Петрограде, здесь еще власть продолжительное время находилась в руках старого Комитета и Земской Управы. Развертывавшиеся революционные события по всей России как-то инстинктивно стали подталкивать вперед и местных рабочих, да и незаконно рожденные хозяева из эсэровского помещичьего лагеря, почуя чем пахнет в воздухе, уже слишком открыто своего диктаторства проявлять не стали. Так, например: когда представителями рабочих был поднят вопрос в Комитете о необходимости созвать Уездное Совещание на предмет обсуждения вопроса об организации в городе Боровска другого органа власти, представители эсэров, во главе с помещиком г. *Чилищевым* не воспротивились и дали свое согласие на этот созыв, но пригласить представителей от волостей постановили тех, которые находились в то время в волостных Комитетах. Все это делалось, понятно, потому, что в волостных Комитетах находились и тогда еще старые писаря и старшины и г.г. *Чилищевым* все еще грезилось, что они на этом совещании получат вотум доверия и пройдут в новый орган правления, если будет избран таковой, а потому гор. Комитет в своем приглашении не обратился к населению уезда, а непосредственно к волостным Комитетам и не в форме воззвания, а простого отношения или письма, в котором, между прочим, говорилось. что всех, кто сочувствует организации новой власти, просим прислать в гор. Боровск на 15-ое ноября старого стиля своего представителя от волостного Комитета. Какой организации власти, об этом в приглашении умалчивалось. Но на этот раз г. *Чилищев* и К-о ошиблись,—прибыли представители от волостей, которые действительно сочувствовали организации новой власти, и не от волостных Комитетов с'ехались на Уездное Совещание, а избранные на общих Волостных собраниях, хотя и не члены РКП, но сочувствовавшие таковой, вернувшиеся к этому времени из Армии и из Москвы, с фабрик и заводов. Таким путем результат уездного совещания был предрешен, тем более, что перед созывом Уездного Совещения в гор. Комитете получилось столкновение между представителями рабочих и г. *Чилищевым*, открывшим невольно свою черносотенную физиономию, когда намеривался произвести аресты

в быв. Ильинской, ныне Ленинской, волости инициаторов организации там волостного Совета, в то время когда еще в гор. был Комитет, а не Совет. Но представители рабочих запротестовали против намерения г. *Чилищева* и до арестов не допустили, а на состоявшемся Уездном Совещании 15-го ноября ПОСТАНОВИЛИ: организовать в гор. Боровске ВРК, в каковой прошли от волостей,—тов. *Голубев* и тов. *Блинов*, первый от бывш. Спасопрогнанской, ныне Свердловской, второй от бывш. Ильинской, ныне Ленинской волости и от рабочих—т. *Покрывко* (был избран Председателем ВРК), тов. *Пожаров* и др. Выборы оставили за бортом г. *Чилищева*. С этого момента начинается борьба ВРК с Земской Управой и начинается агитация за коммунистическую партию, хотя еще организации здесь в то время не было. Но в уезде к декабрю месяцу возникли в двух волостях ячейки по инициативе отдельных товарищей., находившихся на местах. Первая из них возникла в Ленинской волости, вторая в Кривской. Последняя волостная ячейка, находясь близко к городу, после того как ВРК достал в Калуге оружие и патроны, вооружилась и наименовалась отрядом Красной Гвардии. Отряд под руководством т. *Уточкина* взял на себя задачу поддержать порядок в г. Боровске, неоднократно устраивая демонстрации по городу в полном вооружении, в особенности, в моменты, когда Военно-Революционному Комитету пришлось приступить к национализации имущества у местной буржуазии и обложению контрибуцией и т. д. Немаловажную роль сыграл отряд в первые дни существования Уездного Совета. На почве продовольственного кризиса контр-революционые элементы наускивали темную и несознательную массу города (и главным образом женщин), подводя их целыми толпами к зданию Совета с требованием хлеба, а с появлением отряда все подстрекатели быстро удирали, а оставшаяся без этих черных сил толпа женщин, заслушивая представителей Совета доклады о положении Республики, постепенно начинала расходиться. Кроме того этому же отряду пришлось обезоруживать присланый вооруженный отряд из Калуги во главе с начальником отряда г. *Петровым*, который не наводил порядок, а сам устраивал беспорядок, доходя до арестов членов ВРК. Такие поступки г. *Петрова* невольно вызывали подозрения у ВРК, а в последствии и Уездного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, в результате чего оказалось, что г. *Петров*, начальник отряда, работал здесь вместе с местной буржуазией и с членами эсэровской партии и подготавливал переворот, за что он был препровожден в Калугу, а его отряд обезоружен. Военно Революционный Комитет просуществовал фактически до февраля м. 1918 г. На 3-е января ВРК созывалось по счету второе Уездное Совещание, на каковое прибыли от всех волостей по 4 представителя. На этом совещании было поставлено: упразднить все Волостные Комитеты и избрать вместо них Волостные Советы, а в первых числах февраля м. созвать 1-й Уездный С'езд Советов. За время существования ВРК отдельными членами его велась также работа и по организации в г. Боровске, так называемой, большевитской фракции. Инициативу на себя взяли т. *Голубев* и т. *Блинов*, но, не работая раньше в других организациях большевиков, не могли поставить правильно эту работу. Была просто открыта запись желающих в члены партии; записывали без соблюдений самых элементарных партийных правил,

принимались все, кто бы не изъявил согласия, без всякой рекомендации, никакого руководящею партийного органа не было и только после первого Уездного Съезда Советов на первом организационном собрании членов партии, состоявшемся 17 февраля 1918 года, было постановлено избрать руководящую тройку или лидеров фракции (так говорится в первом историческом документе, в протоколе общего собрания большевитской фракции). На этом же собрании фракции было постановлено послать от фракции трех представителей в Президиум Крестьянского Совета, так как в это время еще Крестьянский Совет работал отдельно от Совета Рабочих Депутатов, только после 2-го Уездного Съезда Советов, каковой состоялся 15-го марта, был правильно избран Уездный Совет. На 2-м Съезде присутствовал тов. *Витолин*, бывший Председатель Калужского Совнаркома. Но и с избранием так называемых лидеров фракции 17-го февраля в составе 3-х товарищей: *Петрова*, *Блинова* и *Голубева*, организационная партийная работа далеко вперед не пошла. Волостные ячейки, возникшие еще в Декабре месяце 1917 г., оставались без всякого инструктирования, а также без руководящего партийного органа. Все члены волостных ячеек считались членами городской фракции и, естественно, общих собраний, кроме отдельных т. т. из Кривской ячейки, как находящейся в 5-ти и 8 верстах от города, посещать не могли, да и в самой городской фракции остался тот же старый метод работы, заключавшийся в хаотическом и бесконтрольном приеме в члены фракции. Необходимо еще добавить, что из центров никакого руководства не было. Боровская фракция к марту месяцу насчитывала сто слишним членов. В таком же состоянии находилась Боровская фракция до марта м. 9/22 марта 1918 г., когда в город Боровск приехал представитель Губернского Комитета РКП т. *Цукерберг*. Последний созвал общее собрание членов организации, на каковом сделал доклад о партийной дисциплине, об обязанностях членов партии, о порядке приема и вступления в организацию. По докладу т. *Цукерберга* была принята резолюция, говорящая кратко об уставе партии; на этом же собрании были избраны пять товарищей: *Блинов Голубев*, *Евстигнеев*,, *Афанасьев*, *Иванов*, очевидно, в Комитет, хотя в протоколе от 9/22 марта говорится очень неясно: постановили избрать в организацию 5 товарищей. После этого, по сведениям некоторых т. т., была произведена перерегистрация Боровской Организации (хотя об этом никаких документальных данных не сохранилось), и вместо ста слишним осталось до 40 членов. О деятельности вновь избранной пятерти в качестве руководителей организации никаких документов нет, так-же нет ничего и о связи с Губернским партийным центром; но из последующего протокола можно видеть, что и после посещения Боровской Организации представителем Губернского Комитета РКП тов. *Цукербергом*, вновь избранная пятерка работу далеко не продвинула и правильного руководящего партийного органа не было до Апреля м. 1918 г., когда из волостей в городскую организацию стали поступать более сведующие и старые члены партии, знакомые с постановкой организационной партийной работы. Таким одним из старых членов партии в конце марта месяца прибыл из Армии тов. *Матросов*, состоявший членом с 1907-го года и отбывший тюремное наказание за работу в партии. Вступив в члены

Боровской организации, тов. *Матросов* остался работать в Полит-просвете при Боровском Уездвоенкомате, где начал писать листовки и воззвания к населению уезда, одновременно с этим принимать активное участие в работе организации. 26 апреля, по окончании 1-го Губернского С'езда Партии, состоялось общее собрание Боровской организации РКП, на каковом было избрано из 5-ти т. организационное бюро, а 23 апреля было созвано общее собрание для пересмотра состава организации. На этом собрании утверждались члены партии. В результате произведенной фильтрации в Боровской организации оказались утвержденными членами партии 20 тов. а остальные все были исключены. С избранием организационного Бюро, можно сказать, что закончился первый период неоформленного существования Боровской организации и изменился до известной степени метод, работы, в особенности это стало заметно после того, когда вместо выбывшего 1-го Члена Бюро тов. *Блинова* был кооптирован тов. *Гусев* в качестве председателя Орг-бюро, без всякого совместительства. Здесь впервые Орг-бюро поставило вопрос перед каждым членом партии, занимающим тот или другой ответственный пост в Уездисполкоме, что парторганизация— это одно, а Уисполком—другое, что каждый член Уисполкома, состоя членом Партии, прежде всего подотчетен и подконтролен перед Орг-бюро и организацией в целом. Членом партии может быть только тот, кто аккуратно платит членские взносы и посещает общие собрания организации и т. д. Кроме того Орг-бюро приняло меры к налаживанию связи с Губпартцентр., переодически посылая в Губком % отчисления с поступавших членских взносов, делая запросы о присылке необходимых руководящих бумаг и указаний по партийной работе на местах и т. п. Казалось, что работа орг-бюро должна пойти вперед быстром темпом, но не получив со стороны членов Уисполкома достаточного содействия и прежде всего, от Президиума Уисполкома, Орг-бюро не могло быстро продвинуть организационную партийную работу-больше того, не имея средств и помещения для канцелярии и парт. библиотеки, Орг-бюро не могло правильно наладить технический партийный аппарат. На неоднократные запросы Президиума Уисполкома об оказании материальной поддержки и на просьбы отвести одну комнату для Орг-бюро при Уисполкоме, получило отказ. Поставить прямо вопрос на собрании организации об отсутствии содействия со стороны Президиума Уисполкома в работе Орг-бюро было нельзя, так как организация была еще слаба и относилась еще с большим доверием к оставшимся членам в организация, явно чуждым партии элементам, но занимав шим ответственные посты в Уисполкоме. В такой обстановке и в таких условиях протекала работа Орг-бюро до сентября м-ца 1918 г. По этим-же причинам сохранилось и очень мало документов о деятельности Орг-бюро. На 15-ое августа в г. Боровске созывался 4-ый Уездный С'езд Советов, на каковом много влилось в члены Уисполкома свежих сил с мест, а отсюда начался и неизбежный численный рост организации. В Сентябре м-це был избран новый состав Орг-бюро. Перед вновь избранным Орг-бюро встала неотложная задача по организации Комитетов бедноты, для чего по всем волостям откомандировывались члены Партии, а в последних числах сентября м-ца был созван Уездный С'езд Комбедов. Параллельно с этим

Орг-бюро повело работу по организации партийного клуба, в каковом и поместилось Орг-бюро. В конце сентября месяца уже был избран Городской Комитет РКП., каковому в начале своей работы пришлось готовиться к 1-й годовщине Октябрьской Революции, а после того поехать поинструктировать сельские и волостные Ком'ячейки, где таковые есть, а где нет— создать новые. Но в этот момент, т. е. на третий день Октябрьских торжеств, в 4-х волостях Боровского уезда вспыхнуло кулацкое восстание, руководимое кучкой офицеров из меньшевитско-эсэровского лагеря. Восстание началось в местечке Боболи, Ильинской, ныне Ленинской вол. и быстро перекинулось в Серединскую вол., где крестьяне, разгромив Волисполком и арестовав его членов, начали было подвигаться к Боровску. Одному из членов Серединского Волисполкома, Военному Комиссару тов. *Шувалову* в ночь на 2-е ноября удалось бежать, благополучно добраться до Боровска, сообщив о восстании в уезде. Таким путем вновь избранному Городскому Комитету пришлось сосредоточить все свое внимание на ликвидации восстания в уезде. Здесь же был организован Революционно-Оперативный Штаб, к каковому перешла вся полнота власти в уезде, и в ту же ночь был послан вооруженно-разведывательный отряд, состоящий преимущественно из коммунистов. Вместе с отрядом был послан также тов. *Шувалов*, каковой попал к восставшим в плен и был расстрелян.

Восстание длилось 4 дня, после чего было ликвидировано. По ликвидации восстания, большинство членов организации было разослано по тем волостям, где были разгромлены волисполкомы для их восстановления и выяснения причины восстания.

Нужно сказать, что участвуя после восстания на собраниях в Серединской вол., можно было заключить, что темная запуганная крестьянская масса шла сама не зная куда и зачем; на задаваемые вопросы отвечала одно: нас выгоняли под страхом расстрела или гразили поджогом и конфискацией имущества. Приезжавшие в села и деревни инициаторы восстания говорили, что везде власть уже другая и вы также не должны отставать. Немалую услугу оказали восставшим призываемые в ряды Красной Армии, которые в некоторых деревнях принимали активное участие в восстании. Характерное показание дает один тов., присутствовавший на собрании в Серединской вол. на третий день восстания: приехавший на собрание золотопогонник, почуя, что затеянное ими контр революционное дело провалилось, обращается к собравшимся уже не с угрозой, как прежде, а хотел воздействовать уговором, стараяся всячески обвинить Совласть, играя более всего на голоде и том, что мол большевики грабят и т. д. Но ему один г-нин той же волости задал вопрос: „Скажи, господин, какую же Вы то нам обещаете власть?“, на что офицер ничего не ответил и тут-же покинул собрание. Это лишний раз подтверждает, что восстание произошло не по вине и желанию населения, а под давлением и угрозой кучки офицеров, кулаков и шкурников, не желавших итти в ряды Красной Армии. По восстановлении власти в восставших волостях, городской Комитет приступил к выполнению намеченного ранее плана по инструктированию существующих Волком—ячеек и организации новых ячеек там, где это являлось возможным, тем более, что перед самым вос-

станием в уезде из некоторых волостей делались запросы в Горком с просьбой прислать представителей для организации ячеек. К концу ноября месяца 1918 года эта работа была проделана, были вновь организованы 4 Волком'ячейки и проинструктированы ранее существовавшие 2 Волкомячейки, а на 25-ое декабря была созвана 1-я Боровская Уездная Партконференция, на каковой был избран Уездный Комитет. С этого момента организация начала именоваться Боровской Уездной Организацией РКП.

Не останавливаясь на работе вновь избранного Уездкома, необходимо отметить внутреннее состояние организации, численно разросшейся до 70 членов, а с волостными ячейками до 125 членов. Увеличившись численно, Горорганизация ослабла качественно. Плюс к тому, по инициативе Уездкома в это время была произведена некоторая пертрубация членов Уисполкома, что вызвало со стороны последних известное недовольство и в первую очередь у тех, кои были переведены с одной должности на другую. С этого момента начинают появляться группировки, а ко дню 2-ой Уездной Партконференции, состоявшейся 15-го февраля 1919 г. получился полнейший раскол, принявший довольно некрасивый оборот. Перед самым созывом 2-ой Уездной Партконференции дошло до арестов некоторых членов организации, так например, был пред'явлен арест старому партработнику тов. *Матросову*, уезжавшему в гор. Калугу на должность Предгубчека. Последний не перенес такой склоки и в момент пред'явления ему ареста застрелился на ст. Балабаново. С этого момента внутреннее состояние Боровской Организации еще более пошатнулось; раскол углубился и продолжался до апреля 1919 г., когда со стороны Калужского Губкома РКП были приняты соответствующие меры к оздоровлению Боровской Организации. Прибывшие представители Калужского Губкома РКП т. т. *Медведев* и *Цукерберг* на 3-тью Уездную Партконференцию, состоявшуюся 13 апреля 1919 года, провели перерегистрацию Боровской организаци, одновременно с этим мобилизовали часть членов организации на Колчаковский фронт, оставив в гор. Боровсе в качестве председателя Уездкома тов. *Денисова*. После этого Боровская организация начала снова оздоравливаться и постепенно изживать внутрипартийную расхлябанность. Аналогичная была проделана работа и с волостными ком'ячейками в момент мобилизации коммунистов на фронт, когда все случайно попавшие в партию элементы довольно ясно показали свою физиономию и были исключены из таковой, а некоторые волостные и сельские ком'ячейки были совершенно распущены. Проводя основательную чистку и мобилизовав до 50% на Колчаковский фронт, Боровская Уездная Организация сократилась до минимума.

В июне месяце 1919 года была произведена дополнительная мобилизация членов организации на Деникинский фронт, после каковой в организации насчитывалось 20 с небольшим членов партии, а вместо семи волостных и двух сельских ком'ячеек осталось 5 волостных и 1 сельская ком'ячейка.

В период 4-й Уездной Партконференции до 5-ой Партконференции, состоявшейся 5-го июля 1919 года, работа Уездкома протекала главным образом по мобилизации и отправке членов партии на фронт.

Кроме того проводилась мобилизационная кампания в мае 1919 года членов Профсоюза от 20—1 и добровольная вербовка от комбедов 20 чел.

от каждой волости; последняя прошла не совсем удовлетворительно, хотя и имелись результаты, но небольшие.

С 5-й Уездной Партконференции перед новым составом Укома встала неотложная задача по углублению внутри партийной спайки путем открытия несколько коммунистических общежитий и политического воспитания оставшихся членов организации. Но начавшаяся была работа по политическому воспитанию снова разрушилась по причинам мобилизации целого ряда ответственных работников для отправки на Украину, а также благодаря переброскам партработников в другие уезды губернии в конце 1919 года и в начале 1920 года. Имея в организации слишком ограниченное количестве более или менее политически развитых товарищей, Уездком, как данного состава, так и последующих выборов, были не в силах продолжить и углубить начатую работу в конце 1919 года по политвоспитанию членов партии, а приходилось главным образом сосредоточивать все свои незначительные силы на проводимых всевозможных кампаниях. Не слишком быстрым темпом подвигалось вперед и внутри партийное оздоровление и сплоченность организации; были еще заметна, хотя и не в резкой форме, внутрипартийная распря и не на почве принципиальных расхождений, а больше всего основанная на личных счетах. Все это довольно ясно показывало, что организация, как таковая, еще очень слаба и неспаяна, и что в ней сохранился еще шкурнический элемент, трёбовавший удаления из таковой, а часть членов необходимо было перебросить в другие места, что и проделал в начале 20 года Губернский Партийный Орган, отозвав несколько членов Боровской Организации и перебросив в другие уезды Калужской губернии. Учитывая, что корень зла находится главным образом в слишком низком политическом уровне членов организации, Уездный Комитет во второй половине 20-го года пытался прибегнуть к открытию школы политграмоты и общеобразовательных курсов, но достигнуть сколько нибудь положительных результатов не удалось по тем же причинам (малое количество членов организации, хорошо политически подготовленных и перегруженность работой таковых). И только с 1921 года организация заметно стала крепнуть, когда прошло целый ряд перерегистраций и в особенно после проходившей генеральной чистки партии во Всероссийском масштабе, когда приблизительно все случайно попавшие элементы в члены партии были выброшены, плюс к этому и изменение экономичейской политики, не мало посодействовало Боровской организации, так сказать, самоочиститься или избавиться от лишнего балласта. С изменением экономической политики более слабый элемент, абсолютно неинтересовавшийся политическим саморазвитием и воспитанием, постепенно сам по себе стал отходить от партии под нажимом со стороны Уездного руководящего партийного органа. Часть таковых, и в первую очередь мещанского обывательского и крестьянского происхождения, потянулись к своим хозяйствам и бросились в об,ятия НЭПА. В конце 1921 года Боровская Организация стала издавать свою еженедельную газету, но за отсутствием средств опять прекратила и ограничивалась непериодическим изданием листовок. В начале 1922 года, т. е. в марте месяце, когда всей нашей партией был поставлен вопрос о ликвидации политнеграмотности в Боровской Организации, были

организованы двухнедельные политкурсы. Таковые прошли до 70% членов городской организации; правда, того, что необходимо было дать каждому члену организации, они не дали. В данный момент Уездная Организация, насчитывающая в своих рядах до 70-ти членов, представляет из себя довольно спаянную организацию по сравнению с первыми годами революции, хотя еще марксистски далеко незрела. Всматриваясь в процесс возникновения и роста Боровской Организации, можно без всяких преувеличений сказать, что организация медленно, но верно росла и крепла политически за пятилетний период. Боровская Организация стала возникать и зарождатся в конце 1917 года и носила первоначально далеко неорганизованный и неоформленный характер. К марту месяца 1918 года насчитывала до ста слишним членов, после чего была произведена перерегистрация и в организации осталось до 40 членов; в апреле месяце того же года была проделана так называемая фильтрация организации, проходившая на общем собрании, в результате чего осталось 20 членов; затем 15 сентября снова возрастает численно до ста; к октябрю, после третьей по счету перерегистрации, численность организации уменьшается до 50-ти. Точно также и рост ячеек. В декабре 1918 года число ячеек волостных, сельских и других доходило до 14-ти, а в апреле месяце и мае 1919 г. сократилось до 8-ми, остальные были ликвидированы и часть во время мобилизации и отправки на фронт самораспутилась. Число членов в апреле месяце, в результате четвертой перерегистрации и отправки на фронт, сократилось более чем на 50%, а именно с 80-ти с лишним членов партии, состоявших в городской организации, сократилось до 30 и из 60-ти членов в уезде осталось 25; к концу 20-го и к началу 1921 года рост ячеек и число членов снова повышаются, доходя количественно до 15 ячеек и членов уездной организации до 150; после перерегистрации и генеральной чистки, проходившей в конце 1921 года, членов организации осталось до 70-ти и 6 ячеек С таким количеством членов находится и до сих пор Боровская Уездная Организация РКП. Вот то возрастание и падение числа членов и ячеек Боровской Организации, всегда стремившейся, как только начинался заметный рост численного состава организации, приступать немедленному к пересмотру своих рядов.

Одновремено с указанной выше работой, эта маленькая организация принимала героические меры в борьбе с международной буржуазией, шедшей на нас со всех сторон с оружием в руках. Для борьбы с этим врагом организация выделяет из своей среды до 30 товарищей на Колчаковский и Деникинский фронт, а затем дает несколько своих членов и на Западный Юденический фронт, позже на Польский. С освобождением Украины от Деникина отдает свои силы для работы и восстановления власти на Украину. Наконец, выносит на своих плечах в 1918 году поднятое агентами международной буржуазии в ноябре месяце восстание в уезде, принимает меры по ликвидации такового; мобилизует все свои партийные силы, обращается в дни восстания с воззванием к населению уезда и т. д. Наконец, когда Деникин подступал к Орлу, а нашему транспорту грозила опасность приостановки всякого движения за отсутствием топлива, бросает все свои силы в уезд с призывом крестьянства вывести

все, что имеется в районе уезда заготовленных дров к станциям железных дорог и блестяще проводит эту кампанию. С переходом на новые рельсы нашего экономического строительства устремляет свой взор на поднятие сельского хозяйства в уезде и т. д. и т. п. Укрепляя и налаживая советское хозяйственное строительство на месте, ведет упорную систематическую борьбу с политическим невежеством и темнотой крестьянской и рабочей массы, путем печатной и устной пропоганды и агитации.

Таким путем пятилетнее существование Боровской Организации РКП, как и каждой ячейки перед историей и Великой Социальной Революцией имеет большие заслуги. Остается только пожелать, чтобы эта маленькая организация РКП росла и крепла как количественно, так и качественно.

Рябцев.

Мои воспоминания.

I.

Деревня, где я родился и прожил свое детство, находится в глуши Мосальского уезда. Земли у крестьян мало, да и та не щедра на урожай: озимая рожь самое большее бывает сама четыре, и это считается хорошим урожаем. Своего хлеба хватало у крестьян до «рождества», самое большое— до «пасхи»; все хозяйство держалось только на побочных заработках, и только в том доме было две лошади и две коровы, из которого несколько человек уходили на заработки, но такие хозяйства были единичны, а в большинстве случаев—в хозяйстве одна лошадь, а то и ни одной. Поэтому с давних времен все молодые работники мужчины занимались отхожими сезонными работами,—в большинстве случаев уходили небольшими группами по 3—4 человека в Курскую и Смоленскую губернии пеньку трепать, или же в Польшу—камень бить. И когда наступали сильные морозы и работать эту работу становилось невозможно, то к «рождеству» все приходили домой. Зарабатывали гроши, а потому часто, по приходе домой с таких заработков, не хватало расплатиться с долгами, которые успели накопиться в хозяйстве в их отсутствии. Никакой организации среди таких рабочих не было, а по приходе в свои лачуги в деревню, жили только узкой крестьянской жизнью или проводили вечера за картами. Мне еще мальчиком почему-то не хотелось быть таким мастеровым и не хотелось жить такой жизнью. Я все время просил отца не посылать меня по окончании сельской школы на такую работу, а послать куда нибудь учиться другому мастерству. Правда, отец мой сам был против того, что бы я пошел пеньку трепать или камень бить. Ему не нравилось, что на этой работе очень мало зарабатывают да все там или водку пьют или играют в карты, а домой, хозяйству мало помогают. Ему очень хотелось, чтобы я как можно больше зарабатывал и весь заработок присылал ему. С этой целью он решил послать меня к своему родственнику, работавшему в Москве, для определения меня на какой нибудь завод. Таким решением отца я был очень доволен и он достиг одного,—я не приучился пить водку и играть в карты, но на счет больших заработков и больших присылок ему денег он ошибся. Родственник, к которому я приехал в Москву (это было в 1901 г). работал на Николаевской железной дороге. Меня определить на железную дорогу он не хотел, а определил через знакомых ему рабочих на чугунно-литейный завод Вартце, в Сокольниках. На заводе работало рабочих человек 300, а учеников было человек 40. Меня определили не в механическую мастерскую, куда мне больше всего хотелось, а в литейную. Попав в литейную мастерскую, я не весьма был доволен,— работа грязная, тяжелая, да мастерство было не по душе: мне хотелось иметь дело с машинами, с инструментом, с металлом, а не с землей и деревянными моделями. Бывало завидуешь, когда выходят после работы из

механической мастерской рабочие веселые, более чистые, а из литейной прокопченные, согнутые, рваные, с испитыми лицами, и, сравнивая тех и других, я думал, что и сам скоро буду такой, после чего я приходил в ужас. Один раз я попытался было просить своего родственника, чтобы он меня взял из литейной мастерской и определил куда нибудь в слесарную или токарную, но он и слышать не хотел, а обругал меня деревенским олухом и пригрозил отправить в деревню, чего я боялся больше чем литейной мастерской. Рабочий день на заводе был десяти-часовой, и нам, ученикам платили по 5 рублей в месяц на всем своем. При работе-же в литейной мастерской очень скоро изнашивалась обувь и одежда, а потому 5 рублей при всей экономии далеко не хватило. За одну койку, например, поставленную где нибудь на кухне для ночевки, брали не меньше 2 р. 50 к. в месяц. Поэтому всем ученикам первый год или полтора всегда присылали кое-что из дома, а так как мой отец был очень бедный и не мог мне присылать ничего, то мне приходилось, после работы на заводе, исполнять всевозможные домашние работы родственнику и за это он с меня не брал за угол, где я жил в течение $1^1/_2$ года. Поэтому то я и боялся больше приставать к родственнику, чтобы меня не отправили в деревню, где, я знал, выучиться нечему. Хотя я еще был мальчиком, но у меня уже мысль в голове засела, что надеяться ненакого, а надо самому искать выход. Здесь я должен еще упомянуть, что в сельской школе я учился хорошо и очень любил читать и хотел дальше учиться, но этого не представилось возможным. Поэтому, работая на заводе, я расспрашивал своих сверстников, как они учились и где. Оказывалось, что большинство из них тоже только сельскую школу окончили. По праздничным дням я с одним из товарищей, знающим Москву, отправлялся ходить по Москве, так как для меня, жившего в деревне и не бывшего ни в одном городе, было интересным осматривать Москву. Помню в одну из таких прогулок мы увидели вывеску на Сокольническом шоссе—«Воскресно-вечерняя школа для взрослых ремесленников». Меня это очень заинтересовало и я так обрадовался возможности пополнять свое образование, что тут-же и решил с товарищем записаться и ходить заниматься. Правда, потом выяснилось, что эта школа давала знания в об‘еме одного класса городской школы, но мне к великому огорчению моему, не представилось возможным учиться и в ней. Вечерние занятия в школе происходили с $7^1/_2$ часов до 9 часов, а на заводе кончали работу в 7 часов, а тут, когда приходишь с завода на квартиру, родственник заставлял воду носить, дрова колоть, а когда все это поделаешь и придешь в школу, то успеваешь попасть только к одному последнему уроку. Пробовал было я с завода отправляться прямо в школу, но мой покровитель заявил, что если я не буду исполнять дома то, что я делал раньше, то он меня держать на квартире даром не будет,—так пришлось прекратить только что начатые в школе занятия.

Прожил я на заводе до 1904 года и за это время никаких событий у нас не было, за исключением одного случая, который я об‘яснить тогда не мог. Хотя среди рабочих никакой организации не было, но все-же среди них была какая-то солидарность и дружба, и они все в душе ругали администрацию за всевозможные прижимки и ненавидили тех рабочих,

которые были в хороших отношениях с цеховыми мастерами,—«язычников», как их называли. В особенности дружно жили между собой рабочие механического цеха. Помню—выходим мы после работы, рабочие механического цеха сгруппировались за воротами и дожидаются кого-то. Нас мальчишек это заинтересовало. Смотрим, вышел один старший слесарь и на него сразу накидываются несколько человек колотить; изрядно ему попало, и через 4 дня он добровольно уволился с завода. После мы узнали, что ему попало за то, что он передавая мастеру, как рабочие промеж себя ругали мастера. Вот поэтому то на заводе, что рабочие ни говорили, как ни ругани администрации, но последняя этого не знала. Ну, а дальше ругали администрацию дело не заходило. Летом 1904 года я уже стал зарабатывать руб. 20 в месяц и решил, наконец, уйти с квартиры своего родственника и поселиться вместе с товарищами и из механического цеха. Сняли втроем небольшую комнату за семь рублей в месяц. Один из товарищей был по происхождению поляк, по фамилии Виницкий, и по тому времени довольно развитой, как рабочий. Он читал, помню, Успенского, Тургенева, Толстого, и особенно часто рассказывал прочитанное из Успенского.

Наступала осень. Помню, дело было под праздник воздвижения. Прихожу домой, товарищ Виницкий таинственно говорит: «Надо закрыть окна, а то скоро придут». Эта таинственность меня заинтересовала и я стал распрашивать его, кто придет? Он говорит;—сегодня к нам придут несколько человек наших товарищей из мастерской и придет пропагандист, будет нам лекцию читать, но ты ни слова не говори про это.—Через час пришли к нам четыре товарища из механического цеха, потом приходит токарь Фомичев и приводит незнакомого нам человека лет 24-х, а сам уходит, (как потом выяснилось, токарь ушел из квартиры и стоял патрулем у ворот). Незнакомец называет себя товарищем Семеном. Начинает нас расспрашивать о работе, об администрации. Это нас заинтересовало, а главное, он расспрашивал как-то особенно,—чувствовалось в его словах задушевность и откровенность. До этих пор с нами из людей интеллигентных никто так не разговаривал. Бывало придешь в заводскую канцелярию или в амбулаторию и первым вопросом было: «ну, ты, зачем пришел, чумазый; работать не хочешь, вот и притворяешься, что больной». А тут, вдруг, студент, человек, в глазах чумазого подростка, ученый, и так просто по человечески говорит. Потом он начал читать лекцию о крепостном праве и освобождении крестьян, продолжавшуюся с перерывом $1^1/_2$ часа. После лекции он задавал нам вопросы, но из нас и рта никто не мог разинуть. Такое сильное впечатление произвела лекция, что мы после ухода тов. Семена стали рассуждать, как это так, человек говорил полтора часа, говорил точно по книге, читал и такие слова, которые никогда никто из нас не слышал; во всем им сказанном чувствовалась глубокая правда, но про эту правду нельзя говорить, за нее преследуют. Неужели он такой хороший человек, что хочет нам добра или же он кем-либо подослан к нам. Но все-таки мы решили просить токаря, чтобы он опять привел к нам товарища Семена.

Из первой лекции у меня до сих пор осталось в памяти, как помещики меняли людей на собак, как они терзали крестьян, а в особенности

помещица Салтычиха. А Александр 2-й, который раньше в наших глазах был мучеником (убит за освобождение крестьян), стал обманщиком.

На вторую лекцию опять собрались те товарищи, которые были первый раз. Тов. Семен читал о положении рабочих на Западе и в России. Я только первый раз услышал, что есть государства, в которых нет царя, а существует республика и управляют выборные от народа, и там рабочим живется гораздо лучше, чем в отсталой России: собираются свободно и организованы в социал-демократическую рабочую партию. Но им эта свобода досталась не легко, и они также собирались когда-то тайно, была революция, боролись на барикадах, где не мало сознательных рабочих было убито. После лекции мы уже задавали вопросы: а что такое республика?, а кто такие социал-демократы?, а что такое баррикады?.. Мы уже просили еженедельно приходить тов. Семена. Мы прослушали лекции до конца декабря, после чего тов. Семен уехал, кажется, в Петербург, связав нас уже с организатором тов. Сергеем, который организовал заводский комитет из трех человек, в который вошли—от слесарного цеха тов. Виницкий, от токарного цеха тов. Матвей и от литейного цеха я. Токарь Фомичев, который приводил к нам пропагандиста, не вошел в комитет, а вскорости уволился совсем с завода: какую роль он играл в организации, для меня осталось тайной.

Работа в заводском комитете совершенно втянула нас и мы сделались какими то скрытными, серьезными. Организовали первую библиотечку из доставленных нам книг тов. Сергеем. Книжечки были все маленькие и легальные: издание Донской речи, Парамоновой, Попова,—например: «Воскресшая песнь» Немирович—Данченко, «Отчего Парашка не выучилась грамоте» Семенова, «Деревня печальная», „Из-за хлеба насущного" Алексеева, и только две книжки из 40 были более толстые: «Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем» Ланге и «Углекопы» Эмиль—Золя.

События так развертывались быстро, что нам приходилось читать очень мало. Весть о расстреле Петербургских рабочих 9-го января разнеслась быстро и рабочие обсуждали, собирались кучками, а тут нам тов. Сергей принес прокламации, изданные Московским Комитетом социал-демократов. В прокламации выяснялось, как произошел рассрел, за что расстреляли, и призывались рабочие к забастовке. Мы обсудили, как лучше распространить прокламации. Для этой цели раньше всех пришли на работу. Виницкий и Матвей должны были разложить в слесарной, в токарной и модельной мастерских, а я в литейной. Это была первая прокламация, распространенная на заводе. Какой шум, разговоры вызвала она среди рабочих. В особенности среди литейщиков (литейный цех мы считали самым отсталым). Многие старики ругали смутьянов и винили во всем студентов. Рабочие механического цеха собирались кучками, обсуждали и готовы были забастовать, но боялись, что литейный цех не поддержит и провалит их. А мы, члены заводского комитета, боялись еще выступить открыто, да и не пользовались никаким авторитетом среди взрослых. Все таки помню кое-какие забастовки заводов в Москве;—Бромлей, Добров, Ноб-Гольс, Лид. Хотя забастовка и не удалось у нас на заводе, все-же о политике часто рабочие стали поговаривать, да и мы прокламации стали

распространять более регулярно. Например: „Война России с Японией"— издание Московского комитета, «Крестьяне, к вам наше слово» и др. После девятого января зубатовцы стали вести агитацию среди рабочих и устраивали собрания в Народных домах для выборов делегатов к царю. По постановлению Московского комитета социал-демократов эти выборы должны были быть сорваны и зубатовцы должны быть разоблачены, как наймиты. Нашей ячейке было дано задание приходить и по возможности привлекать сочувствующих на эти собрания и срывать их. На одном собрании, происходившем на Сухоревке в Народном доме, народа собралось не очень много и после речи зубатовца должен был выступить оратор социал-демократ, но он опоздал, мы опасаясь, что зубатовцы благополучно кончат собрание, просили выступить своего организатора т. Сергея, который в своей коротенькой, но яркой речи сказал,—для чего этими выборами обманывать рабочих, если царь не принял Петербургских рабочих 9-го января, когда они вместе с женами и детьми шли к нему, несли иконы и пели „Боже царя храни"; царь вместо хлеба послал им свинец, вместо свободы отправил в тюрьму. Это не царь, а кровопивец,—долой царя кровопийца и да, здравствует демократическая республика. Такая свободная речь, большинством присутствовавших была услышана в первый раз. Рабочие не закричали, а что называется заревели „долой провокаторов!" и, окружив тов. Сергея, вышли из помещения; собрание сорвали. После нескольких таких собраний рабочие, побывавшие на них, смелей стали говорить и уже не рвали приносимые прокламации, а прятали и уносили домой. Небезинтересно здесь отметить, как мы организовывали кружки. Сначала узнаешь товарища, интересуется ли он чтением, стараешься как можно тесней завести с ним дружбу; потом даешь брошюрку почитать и когда увидишь, что он подходящим может быть членом, передаешь его товарищу из другого цеха, а тот, в свою очередь обработанных им т. т. передает мне. До «пасхи» 1905 г. мы организовали четыре кружка по 7 человек, в которые входили рабочие не только нашего завода, но и рабочие фабрики «Динга» и завода Эгольма. Члены кружков не знали друг друга, а знали их только члены заводского комитета. После «пасхи» наша только что начавшая активно работать организация ослабела,—несколько человек членов нашего кружка из механического цеха было уволено, в том числе и член заводского комитета. А за тов. Виницким стала производиться усиленная слежка и он взял расчет и уехал на родину. (Осенью 1905 года он был расстрелян в Гродненской губернии за участие в разгроме имения). Остался из членов заводского комитета один я. Наступала весна, появляется приток энергии, а тут Сокольники рядом. Стали устраивать собрания кружка, массовки в лесу на открытом воздухе. Организовался пропагандистский кружок высшего типа из 6 человек. В него входят несколько человек развитых рабочих с фабрики резиновой мануфактуры и пишущий эти воспоминания.

На резиновой фабрике кружок существовал чуть ли не с 1903 года, как впоследствии выяснилось, и там был рабочий тов. Лапин, который был довольно развитым марксистом и мог самостоятельно вести занятия в кружке нисшего типа. В нашем кружке занималась пропагандистка Мария Ивановна, довольно опытная, а потому мы занимались с большим вооду-

шевлением. Каждому члену кружка вменялось в обязательность делать доклад в кружке по одному из вопросов Эрфрурской программы, которой у нас имелся один экземпляр, еще нелегальный. Из нелегальной литературы у нас в кружке была книжка Мартова „Рабочее дело в России“ и довольно аккуратно получали газ. „Искра“, а после 3-го с‘езда—«Пролетарий«. Нелегальщину мы не читали а, что называется, грызли. „Пролетарий“ читался до тех пор, пока он не превращался в решето.

Получили известия об официальном расколе, получившемся на 3-м с‘езде, на большевиков и меньшевиков. На нас этот раскол первое время произвел угнетающее впечатление и мы никак не хотели мириться с ним. Но у нас, как я уже упомянул, была довольно опытная пропагандистка. Она была ярая большевичка и легко рассеяла наши сомнения, доказав правильность взлядов большевиков на временное правительство и на подготовку вооруженного восстания. Кроме пропагандистки у нас оказался большевиком профессионал организатор Семен Семенович. Он впоследствии перешел ответственным организатором в Замоскворецкий район, где был до подавления Московского восстания.

Эти два работника и заложили у нас в районе прочное ядро большевиков. Хотя в нашем районе организаторы профессионалы менялись часто, с «пасхи» по сентябрь сменилось четыре товарища, но работа шла: организовывали новые кружки и завязывали связи с теми фабриками, где раньше ничего не было; нам содействовали развертывающиеся революционные события. Всеобщая забастовка в Лодзи, забастовка ткачей в Иваново-Вознесенске, бунт матросов на броненосце, «Потемкин»,—все это вместе взятое все больше и больше пробивало брешь сознания среди густой темноты, господствовавшей над фабрично-заводскими рабочими. Помню, во время затянувшейся забастовки Иваново-Вознесенских ткачей, в Сокольниках была собрана общегородская большевитская конференция, которая затянулась на всю ночь. На этой конференции нас рабочих было еще мало, но мы, представители рабочих, отдавали себе ясный отчет по существу поставленного вопроса на повестку дня: об‘явить или не об‘явить всеобщую забастовку в Москве в знак солидарности с воставшими ткачами в Иваново-Вознесенске. При докладах представителей заводов выяснилось, что многие предприятия могут забастовать, но только если к ним придут рабочие других предприятий и скажут: уходи. Тогда они бросят работу. Самостоятельно же кончить работу, как выяснилось из докладов, могут три четыре предприятия во всей Москве. Большинством все таки решили об‘явить забастовку: если она и не удается, то все-же будет иметь большое агитационное значение.

Началась подготовка к забастовке посредством летучек, массовок и распространением листовок. В нашем районе первой должна была забастовать фабрика резиновой мануфактуры, после чего группа человек 40—50 должна притти на завод Вартце, остановить его, а потом рабочие завода Вартца должны остановить другие фабрики и заводы в нашем районе. Фабрика резиновой мануфактуры действительно забастовала, но рабочие были разогнаны полицией или казаками и они не могли притти на завод Вартце а самостоятельно кончить работу на заводе рабочие не могли. Забастовка провалилась не только у нас в районе, но и во всей Москве. На фабрике

резиновой мануфактуры арестовали трех видных наших товарищей: Лапина, Ястребова и Жарова, и рабочие на второй день стали на работу. Хотя забастовка и провалилась, но она имела известное агитационное значение. Работа в районе стала расширяться, прибыли новые работники из Иваново-Вознесенска (профессионал-агитатор Кузьмин), Московский комитет прислал ответственного агитатора района Веру Дмитриевну, которая потом работала в районе до разгрома Декабрьского восстания. Завязали связи в районе с теми фабриками, на которых не было еще кружков, например: Абрикосова, Шемякина, Дмитриева; нелегальщину стали читать все, кому она попадала. С расширением работы в районе явилась необходимость организовать районный комитет, каковой и был организован, в составе 5 человек, трех профессионалов работников и двух рабочих, в число двух входил и я. Появились предвестники Октября. Стали устраивать лекции, митинги в учебных заведениях; мы старались втянуть широкие круги рабочих. Началась стачка типографских рабочих, настроение рабочих сразу поднялось. Октября 7 или 8 собираемся на заседание районного комитета и обсуждаем вопрос: на каких фабриках среди рабочих настроение настолько повышенное, что их можно втянуть в стачку. Выяснилось, что горючего материала для стачек на фабриках очень много, но все-таки самостоятельно едва-ли бросят работу. Решили повести самую усиленную агитацию на заводе Вартце и на фабрике резиновой мануфактуры, чтобы через два дня начать там стачки и по возможности посредством этих двух предприятий втянуть в стачку другие фабрики нашего района. Выпускаем листовки, устраиваем митинги у ворот завода. Накануне стачки на заводе, мы устраиваем собрание представителей цехов, совместно с заводским комитетом, для выработки требований. При выработке требований представители цехов никак не хотели вносить пункт требования—„долой самодержавие и созыв учредительного собрания". Они настаивали на одних экономических требованиях и лишь после долгих споров согласились оставить этот пункт. Всего было выставлено 21 пункт требований; главные из них следующие: 1) созыв учредительного собрания на основе четырех-хвостки, 2) 8-й часовой рабочий день, 3) в субботу кончать в 2 часа дня, 4) увеличение жалованья и расценок на 15%. Остальные требования были более мелкие, но довольно существенные для рабочих. Потом стал вопрос, кто будет подавать требования администрации. Пожилые рабочие отказывались, боясь, что их администрация может счесть за зачинщиков, а с молодежью администрация, думали, не будет считаться. Но всетаки остановились на последнем. В день об'явления стачки рабочие явились на завод, и разошлись по мастерским, готовые приняться за работу. Тогда мы моментально в литейном цехе сгруппировали молодежь и, с криком „бросай работу", пошли к старикам, некоторых из них пришлось тащить за шиворот от формовок. Когда собрались все рабочие, я встаю на ящик и дрожащим голосом, в нескольких словах об'ясняю причину остановки работы, читаю требования для пред'явления хозяину. Как только прочитал требования, одна часть наших товарищей пошла впереди, а другая часть сзади, подталкивая трусов к выходу, боясь чтобы некоторые рабочие не удрали в мастерские. За собой закрыли ворота. Вызвали директора и прочитали ему наши требова

ния. Он вытаращил глаза и испуганным голосом говорит, „да как-же это, ребятушки, что вы делаете, как-же царя... Но тут не дали ему договорить. Некоторые рабочие сзади закричали: что—теперь «ребятушки», а раньше иначе не звал нас, как «рвань», «пропойцы», «вон за ворота», а теперь мы заявляем: царя долой и тебя вместе с ним. Когда немного стихло, я говорю директору: мы требуем учредительного собрания вместо самодержавия; вы об этом требовании сообщите высшему правительству, а остальные требования постарайтесь сейчас сообщить хозяину и если он через десять минут не удовлетворит их, то мы работать не приступим до тех пор, пока не согласитесь на их удовлетворение.

И когда хозяин отказался удовлетворить наши требования, мы пошли снимать с работы другие фабрики. Развесочную Попова и кондитерскую Абрикосова не удалось снять, а сняли фабрики Дмитриева и Эгольма, причем на фабрике Дмитриева не обошлось без битья стекол. И только пошли большой толпой снимать фабрику Динга, как появились казаки,—пришлось рассходиться. Вечером большинство наших рабочих удалось свести на митинг в Техническое, где выступали т.т. Вольский и Мироныч от Московского Комитета.

В этот же день забастовала в нашем районе и фабрика резиновой мануфактуры, которая тоже сняла рабочих с работы на двух фабриках. На другой день мы, явившись на завод, узнали, что хозяин отказывается удовлетворить наши требования и заявляет, что если мы не приступим к работе, то он вызовет казаков. Мы ответили отрицательно и решили держаться, фабрика-же Дмитриева и завод Эгольм на второй день приступили к работе. Так прошло четыре дня. Хозяин из'явил согласие вести переговоры с нами. Оказалось, что вызванные казаки для охраны завода за три дня причинили значительные убытки заводу, срезав значительное количество приводных ремней и похитив изрядное количество инструмента. При долгих спорах с администрацией, она, наконец, согласилась удовлеворить все экономические требования за исключением сокращения рабочего времени. Рабочие увидя упорство администрации, что ей легче закрыть завод чем сократить рабочее время, большинством решили приступить к работе на следующий день. Это была первая пробная экономическая победа, она для наших рабочих была в то время великой победой. Настроение сразу поднялось. Решили сейчас же пойти по улицам работающих фабрик с революционными песнями и с красным флагом, а к работе приступить с следующего дня. Моментально достали красный флаг и прошли с пением марсельезы по Краснопольской улице мимо фабрик: Попова, Абрикосова, Дмитриева и Эгольма. Весть о нашей победе разнеслась по всему району, наш завод стал называться боевым и пользовался авторитетом громадным. Через неделю—манифест 17 октября, а потом похороны Баумана. Рабочие нашего завода остановили несколько фабрик в подрайоне и пошли с венком и флагом к Техническому на похороны. Мне, как представителю завода и члену Районного Комитета, пришлось итти около гроба и тут-же шли дружинники. Глядя на такую демонстрацию и не видя где начинается она, где кончается, видя море всевозможных флагов и несколько оркестров музыки, как то не верилось,—не сон-ли это? Ведь еще

за три дня перед этим с нагайками раз'езжали казаки по улицам. С Ваганьковского кладбища мы возвращались когда было уже темно и по чьему-то распоряжению дружинников и всех вооруженных повели в университет. Мы тут спрашивали друг друга: зачем? Одни говорили, что чай будет, а другие говорили, что не знают. Так шли мы уже усталые, песни не пели, но шли стройными рядами. Около манежа фонари горели ярко, и несколько рядов уже завернули с Никитской к университету, во главе шел начальник дружины. Вдруг раздается залпами стрельба. Поднялась суматоха, некоторые дружинники выхватили было оружие, но кто стреляет сразу не разобрали, потом раздались крики раненных, а стрельба продолжалась все сильней, бросились в разные стороны. На второй день выяснилось, что во время этой стрельбы из дружинников нашего района несколько сильно ранено и один через два дня умер. После этого расстрела рабочие ждали директив от Московского Комитета, но была выпущена только листовка.

Началась октябрьская всероссийская забастовка. Мы администрации не пред'являли экономических требований, а заявили, что об являем забастовку из солидарности. Рабочие нашего завода останавливают все до одной фабрики в подрайоне.

Организуется Московский Совет. В нашем районе проходят в Совет все большевики,—меньшевиков и эсеров нет. От района выбирают в Исполнительный Комитет меня и т. Лапина от фабрики резиновой мануфактуры. Советы с самого начала завоевывают доверие. Мы организуем штаб-квартиры, где собираются сведения о всех событиях. Помню, как на ветке Рязанской ж. д. каким то образом разбили вагон с гусями. Обыватели уже весь его растащили, несколько рабочих нашего района увидев это успели отнять несколько гусей и приносят их, заявляя: «возьмите их, мы не знаем, что с ними делать». Был случай жалобы в Совет жены на мужа, что он грубиян и дерется.

События развертывались, чувствовалось нечто грозное. На заседание Исполнительного Комитета приходят представители забастовавшего № полка. Выслушивается их доклад.

От Московского Комитета социал-демократов помню входивших в Исполнительный Комитет т.т. Мироныча и Лешего, а остальных не помню. От меньшевиков Круглого.

На одном из заседаний Московского Комитета вдруг получаем известие, что Петербургский Совет выпустил финансовый манифест.

Арест Петербургского Совета. Созывается на 5-е декабря Московская конференция и созывается Исполнительный Комитет. Исполнительный Комитет ПОСТАНОВЛЯЕТ: об'явить всеобщую забастовку, с 7-го декабря, и тут-же постановляем выбрать от каждого района кандидатов в Исполнительный Комитет, на случай аресте его, и созвать Совет на 6 декабря. После заседания Исполнительного Комитета еду стремглав на общегородскую конференцию. На конференции уже обсуждают порайонно—об'явить или нет всеобщую забастовку. Подхожу к своему району, меня спрашивает ответственный организатор Вера Дмитриевна:—Ну, что постановили. Я отвечаю, что постановили об'явить забастовку. Наш район здесь постановил единогласно о забастовке, а потом и вся конференция постановила:

Помню заключительный горячий призыв т. Вольского дать отпор врагам. 6 декабря утром состоялось у нас нечто вроде заседания районного Совета, на котором присутствовало по нескольку человек от заводов. Обсуждался вопрос, как лучше провести забастовку. А днем 6-го декабря состоялось последнее заседание Московского Совета, санкционировавшего постановления Исполнительного Комитета и конференции о всеобщей забастовке. 7-го декабря в 12 часов дня раздался оглушительный рев свистков по Москве, предвещавший решительную схватку все еще сильного старого, с юным новым миром. А к вечеру в районные штаб-квартиры поступили сведения, что все фабрики и заводы в районе прекратили работу дружно, но разошлись все по квартирам. 8-го декабря делаем об'единенное собрание в районе членов Совета с представителями фабрик и заводов, на котором выяснилось, что рабочие к работам хотя и не думают приступать, но сидят по квартирам и настроение какое то невоинственное, небоевое. Такое настроение не предвещало большой победы. После заседания Исполнительного Комитета сначала удавалось устраивать в районе вышеупомянутые собрания, на которых делались доклады, но потом, как стала слышна стрельба, то на эти собрания представители от фабрик и заводов не стали ходить. Услышали об устройстве баррикад по Москве. Тогда пришлось присоединиться к районной дружине и втянуть незначительную часть рабочих-итти на помощь жел.-дор. дружине и принять участие в забаррикадировании Рязанского вокзала и Краснопрудной улицы. Потом наша районная дружина во главе с начальником дружины Ястребовым по чьему то распоряжению присоединяется к железнодорожной дружине и уезжают по Рязанской дороге на станцию Люберцы. Получаем сведения, что находящиеся в Москве солдаты хотя и не выступают против нас, но и не присоединяются. Числа 14 декабря окончательно теряем связь с Исполнительным Комитетом и не знаем, что делается в других районах. Получаются случайно всевозможные неправдоподобные сведения,—то что из Зуева-Орехова едут в Москву несколько тысяч вооруженных рабочих, то из Сибири два эшелона демобилизованных солдат едут на подмогу московским рабочим, а тут рядом Николаевская жел. дор., на которой раздаются предательские свистки паровозов, по которой ждут приезда семеновцев из Петербурга для подавления восстания. Все это создает какое-то угнетающее впечатление. В районную штаб-квартиру вдруг являются два военных представителя от солдат Сокольнических казарм (один из них вольно-определяющийся) и заявляют, что их солдаты могут присоединится к рабочим, но самостоятельно они из казарм не выйдут, а необходимо их снять и сопротивления со стороны их не будет. Это заявление нас несколько обрадовало и тут-же блеснула мысль, что если мы опередим семеновцев, тогда мы померимся силами. Один из наших профессионалов работников оказался бывшим офицером и приступил совместно с представителями солдат к выработке плана, как лучше снять солдат и слить их с рабочими. План был выработан, насколько я теперь помню, следующий: рабочие должны собраться от 200 до 300 человек в определенном месте и, как начнет темнеть, незаметно группами подойти с разных сторон к казармам, а там сразу входят в казармы, где их уже будут поджидать подготовленные сол‘

даты, которые сливаются с рабочими, разбирают цейхауз с оружием и шинелями, рабочие одевают шинели, с музыкой и вооруженные отправляются к Сергиевским казармам, снимают там солдат и идут через Лефортово в Рогожский район. А для того, чтобы к приходу рабочих в Сокольнических казармах было все готово, тов. бывший офицер, с утра проходит в казармы и вместе с пришедшими представителями должен подготовить хоть часть надежных солдат и арестовать всех офицеров. Наш товарищ бывший офицер, одевает офицерскую форму, принимает команду, сообщает нам, что все готово и мы направляемся туда.

Мы собрали рабочих в определенных местах и ждем распоряжений, когда двинуться. Прождали весь день и ночь и на второй день получили известие, что план наш провалился, а с ним и наши надежды. Офицерство Сокольнических казарм очень скоро заметило беготню и необыкновенное оживление среди солдат, арестовало несколько человек, в том числе и приходившего к нам вольноопределяющегося. Посланному туда для подготовки нашему товарищу еле удалось скрыться. Делать больше ничего не оставалось, как вернуться в город. Слышим, гремят орудия, это разбивают Пресню семеновцы. Через день стихло. Дубасов победил. Мы, ответственные работники района собираемся и решаем о необходимости на время выехать из города.

II.

Вернувшись после разгрома Декабрьского восстания в Москву во второй половине января 1906 года, я узнал, что полиция розыскивает меня. Становилось ясно, что работать на заводе, а также жить в этом районе больше не представляется возможным. Пришлось до апреля месяца прожить нелегально, а потом поступить в Бутырском районе работать на завод Тильманса. В районе организации еще не оправились и связи с некоторыми предприятиями не были восстановлены, а тут случился провал целого заводского собрания на Тихоновской улице рабочих винного склада совместно с профессионалом организатором тов. Софьей. Наступили дни открытия первой Государственной думы, в воздухе запахло либеральным правительством. Полиция поубавила свой пыл к революционерам и революционная работа развертывалась. Но тут Московский Комитет отозвал от нас ответственного организатора тов. Степана Злобина и остался один неважный профессионал работник, а меньшевики в районе имели достаточное количество работников, и после Стокгольмского С‘езда состоялось об‘единение большевиков и меньшевиков. На первом-же районном об‘единенном собрании меньшевиков оказазалось больше и силы у них были солидные, ответственным организатором был тов. Брагин, известный в то время меньшевик. Но мы были сильны тем, что на трех самых больших по количеству рабочих заводах были к этому времени с‘организованы довольно сильные большевитские организации,—это завод Лида, Тильманса и Дукса. Поэтому нам удалось провести в Районный Комитет и на общегородскую конференцию двух большевиков рабочих—тов. Фролова от завода Лида и меня от завода Тильманса. На общегородской конференции громадное большинство было большевиков. Здесь собрался весь цвет работников, как

большевиков, так и меньшевиков. Хотя официально об'единились, но фактически работали фракционно. Помню здесь были: тов. Покровский М. Н., Скворцов—Степанов, Степан Злобин, Вера Дмитриевна от Лефортовского района и др.; от меньшевиков: Брагин—от нашего района, Череванин и др. Сколько не горячился т. Череванин, а провели на конференции в Московский Комитет из 15 человек только трех меньшевиков, и Череванин кажется, не прошел. Работа опять пошла вширь, и не проходило дня, чтобы не было устроено в том или другом заводе летучки, а по праздникам устраивали массовки, на которых собиралось по несколько сот рабочих. У нас на заводе горючего материала для стачки было много. А тут как раз один самодур мастер литейного цеха уволил ни за что, ни про что наших двух товарищей. Собрали заводской комитет и при обсуждении выяснилось, что этот мастер уже с'ел многих наших товарищей и, что еще в октябре и ноябре 1905 года из за него была два раза стачка на заводе. Хозяин-же никак не хочет его увольнять. В результате были два предложения,—одно убрать мастера силой, а другое—посредством стачки. Прошло второе предложение. Было созвано районное собрание, на котором обсуждался вопрос, как лучше произвести стачку, и интересно здесь поведение меньшевиков,—Брагин предлагал сначала войти в переговоры с хозяином и если он не согласится, то тогда уже повести агитацию. Мы же, рабочие, доказывали обратное и говорили, что необходимо вести агитацию сейчас-же и пораллельно выяснить, есть-ли шансы на успех, т. е. много-ли заказов на заводе, срочны ли заказы, каким заводам он может передать работу в случае стачки. Вопреки мнения Брагина мы уже повели эту работу. Через неделю мы подготовили рабочих довольно основательно и выяснили, что шансы на успех выиграша имеются, но стачка может затянуться, а рабочие без работы могут просуществовать самое большое неделю. Поэтому мы вошли в соглашение с кооперативом завода Лида, членами которого часть наших рабочих состояла, с предложением: если стачка затянется, то чтобы отпускали в кредит после первой недели в течение следующих трех недель (продуктов на каждую неделю для холостых на 2 рубля, а для семейных на 3 руб. 50 коп.). Правление кооператива под давлением рабочих завода согласилось. Накануне стачки выработали экономические требования в количестве 19 пунктов и во главу требований постановили: 1) 8-ми часовой рабочий день, 2) увольнение литейного мастера, 3) прием уволенных двух литейщиков, 4) прибавка ученикам жалованья на 50%, 5) в субботу кончать работу в 2 часа, 6) устройство куба для кипятка и т. д., и в конце—уплата жалованья за время забастовки.

Утром, как только прогудел второй свисток к работе, в мастерских раздались голоса—„кончай работу". Когда собрались все рабочие, мы выяснили причину забастовки и пред'явили требования администрации. Она и слышать не хотела на счет удовлетворения. При этом надо сказать, что хозяин был богатый: имел три завода—в Москве, Петербурге и Ковно. Хотя он в это время и находился в Москве, но не захотел даже приехать на завод. Мы тут же решили, что собираться будем ежедневно утром в заводе и будем выставлять патрулей к заводу, чтобы следить, не будет-ли

ходить кто на работу. Проходит четыре дня. Нас всех пускают на завод, а ответа никакого от администрации нет. На пятый день приходим и видим, красуется на воротах об'единение, что завод закрывается и все рабочие увольняются, а потому должны взять расчет, но не на заводе, а в участке полиции. И тут-же стоит наряд городовых, которые не пропускают никого на завод и велят разойтись. Тогда мы распологаемся недалеко от завода на лужке и дожидаемся, когда соберутся все рабочие. Городовые видя это, к нам не подходят, а только кричат, что собираться нельзя. В это-же время мы окольным путем узнаем о настроении администрации. Сведения для нас получились благоприятные. Хозяин недоволен делом, винит директора. Пытался сдать срочные заказы на другие заводы, но там отказываются принимать, боясь забастовки. Но все-же удовлетворять наши требования хозяин не хочет, думает, что рабочие не сегодня—завтра приступят к работе. Когда собрались все рабочие, мы тихо стали обсуждать, как дальше быть и решили в полицию за расчетом не ходить. Но тут подходит пристав и зовет депутатов на переговоры. Мы заявляем отказ и говорим, что с полицией ничего общего не имеем. Так прошло еще три дня. Мы собираемся каждый день около завода. Потом в середине второй недели приезжает хозяин с инспектором и просит 10 человек делегатов для переговоров. Переговоры велись три дня и хозяин все думал сломить упорство рабочих всевозможным уловками, наконец, согласился удовлетворить все требования за исключением 8-ми часового рабочего дня и уплаты за время забастовки. Миллионер испугался, что потеряет десятки тысяч от дальнейшей стачки и пошел на уступки, видя, что рабочие не те, что были раньше. В результате двух недельной стачки мы одержали блестящую экономическую победу. Настроение рабочих было боевое и все тут-же записались в союз металистов. Наше настроение передалось и рабочим других заводов. Об'является вскорости забастовка на заводе Дукса, где в это время поступил рабочий под кличкой Сибиряк; одерживают еще лучше победу, чем мы. Они добиваются 8-ми часового рабочего дня и вместо прогнанного мастера ставят мастером т. Сибиряка, и завод Дукс потом служил долгое время приютом для всех безработных наших товарищей.

В районной организации мы, рабочие большевики, повели наступление на меньшевиков. Они все время говорили о Московском комитете, говорили, что район меньшевитский и поэтому никак не хотели, чтобы у нас были профессиональные работники большевики. Но тут разогнали первую государственную думу и на время пришлось прекратить споры. Собирается после разгона думы в Сокольниках Городская Конференция, на которой, бывший еще в то время ярым большевиком, Алексинский делает доклад от имени Областного Комитета и предлагает об'явить всеобщую забастовку. В результате обсуждения поднимаются горячие споры: следует ли об'явить или нет. Представители крупных заводов нашего района были против забастовки, хотя на этих заводах было настроение повышенное, но это результат экономических побед, а отнюдь не думского разгона, и мы как то не верили, что забастовка удастся, а на работу Думы мы почти не обращали внимания. Но всетаки было постановлено большинством на конференции об'явить забастовку. Как и следовало ожидать, у нас в районе

на крупных заводах забастовка началась дружно, но на мелких предприятиях—очень скверно. По Москве тоже забастовка провалилась, трамваи частью остановились, а большинство работало и через три дня, кажется, забастовка прекратилась. Пошли частые аресты, мне пришлось уйти с завода Тильманса, чтобы не быть арестованным и я перешел работать на завод Эппле в этом-же районе. Полиция стала выше поднимать голову и приходилось сокращать широкую работу, а входить вглубь в подполье и вести будничную пропагандистскую и организаторскую работу. Стали организовывать всевозможные пропагандистские кружки по изучению марксистской литературы. Изучаем исторический материализм, политическую экономию. Силы большевитские были довольно солидные. И к концу года мы меньшевиков выживаем почти со всех предприятий. Остаются у них организации на фабрике Ралле, стекольном заводе и—только.

В начале 1907 года, перед созывом 2-й государственной думы, работа немного оживляется и расширяется. Устройство предвыборных собраний опять привлекает массы рабочих. В организации работа принимает остро-дискуссионный характер,—начинается подготовка на 5-й с‘езд партии. На каждом заводском, на каждом фабричном собрании у нас обсуждаются платформы, где выступают докладчиками меньшевики и большевики. Центральными пунктом дискуссий были,—отношение к непролетарским партиям, должны ли социал-демократы требовать передачи власти ответственному министерству, составленному из кадетской Думы, о рабочем с‘езде; иногда дискутировался также вопрос об экспроприациях.

В то время у нас работал ответственнным организатором в районе т. Канатчиков, впоследствии организатор Свердловского университета, а также видный работник Андрей; от меньшевиков тоже видный работник—т. Илья. В результате всех дискуссий меньшевики получили во всем районе не больше 50 голосов организованных рабочих, а большевики 450 голосов. На с‘езд от нашего Бутырского района прошел большевик, пишущий эти воспоминания, который на с‘езде был под кличкой Ефимовского. Насколько мне помнится, от Москвы на 4-й с‘езд меньшевики послали не больше трех делегатов, а большевики не меньше 12 чел. От большевиков, помню, на с‘езд было выбрано не более пяти интеллигентов: Покровский, Каменев, Вольский, Ногин и еще кто-то, а остальные рабочие, от каждого района. Из рабочих помню Петрова (от Городского района), Соколова (от Замоскворецкого района), а остальных не помню. С‘езд был назначен в Копенгагене, и мы должны были ехать через Петербург, Финляндию и Стокгольм. Приняв все предосторожности, мы с т. Петровым отправились вдвоем в Петербург, где получив явку, отправились в Финляндию на ст. Куоколо. В Куоколе нас уже собралось несколько человек и нам нужно было здесь ночевать. Вечером нас, не помню кто-то, пригласил итти на квартиру Ильича. Задними ходами, тропинками нас ввели в небольшую и очень простенькую квартирку. Там уже было несколько товарищей—петербургских делегатов. К великому нашему огорчению Ильича дома не оказалось, т. к. он уже уехал поездом. Нас встретила т. Крупская—жена Ильича, принявшая нас с материнской лаской: поставила самовар, наварила яиц, принесла сыру. Помню, как мы все острили, связывая чай у т. Крупской с „чашкой чаю“,

на которую ходил Церетелли к Милюкову. Тов. Крупская распрашивала нас о московской работе, кто прошел на с'езд, и была очень довольна, что от Москвы едет больше рабочих.

На второй день мы поездом через Выборг, Гельсингфорс отправились в портовый городок Ганга, где Ц. К. был зафрахтован пароход специально для делегатов. В Ганге собралось делегатов на с'езд от русских организаций большая половина. Здесь были меньшевитские лидеры: Мартов, Дан, Церетелли, Джапаридзи, Череванин; большевитские: Каменев, Алексинский, Покровский, Гольдберг, Ногин, Вольский, Рожков, Линде, Богданов. На пароходе делегаты держались как-то фракционно, а во фракциях делегаты группировались по организациям. Мы, делегаты рабочие от Москвы, группировались около Станислава Вольского и Ногина. Т. Вольский был нашим отцом. Я не знаю, был-ли хоть один из рабочих делегатов недоволен Вольским,—кажется, не было таких. Он своей лаской, своей открытой душой заставлял прямо обожать его.

Как только разместились на пароходе и суматоха стихла, то поднялись споры большевиков и меньшевиков, потом уже решили открыть форменную дискусию по вопросу об отношении к непролетарским партиям. Это был первый турнир—дискуссия. Помню после окончания дискуссии мы рабочие определяли, кто из выступавших сильней, как оратор. Из меньшевиков больше всех нам не понравился Мартов. Насколько он просто и понятно писал свои книги и статьи, настолько же он говорил непонятно, и мы за это прозвали его сельским дьячком. Дан говорил очень красиво, но как человек он нам не понравился, в особенности своим самодовольством и гордостью. Из большевиков больше всех привлекал наше внимание Рожков и Вольский. Как тот, так и другой говорили довольно просто, ясно, а также мы их находили самыми простыми в обращении с нами.

Когда мы под'езжали к Стокгольму, наше внимание все было сосредоточенно на мысли: «а ну, посмотрим как живут за границей, ведь пишут много, теперь вот сами увидим. Сходим с парохода и отправляемся группами к вокзалу. На нас все смотрят с удивлением, и сторонятся. Бросается в глаза: мы одеты не по ихнему—у нас на головах фуражки, на многих русская рубашка, пиджак, а там—шляпа, крахмальная сорочка, галстух. До поезда приходилось ждать несколько часов, а поэтому мы группой, во главе с тов. Вольским, пошли осмотреть город. Первое, что нам бросилось в глаза—это невероятное количество фруктов: апельсины, лимоны, бананы, и много дешевле, чем у нас в России. Пошли осматривать рабочий дворец. Это на нас больше всего произвело впечатление. Рабочие имеют свой дом, собираются и обсуждают свои нужды свободно. Вот зал громадный для собраний, вот клуб и библиотека, вот зал для устройства вечеров. Как то не верится: ведь страна рядом с Россией, а какая разница.

Находившись до усталости, заходим в кофейную закусить. Привезенные с собой коробки папирос ставим на свободный стол, Т. Вольский заказывает всем нам кофе. Замечаем косые и недоброжелательные взгляды на нас прислуги. Потом выясняется, что они потому на нас искоса смотрят, что русские иначе не представляются им, как с бомбой в руках. Кто-то и скажи ей на немецком языке, указывая на коробки с папиросами, сто-

явшие на столе,—„тише ходите мимо стола, а то бомбы разорвутся“. Наша прислуга как крикнет, и стремглав убежала в другую комнату. Тов. Вольский раз'ясняет ей, что над ней посмеялись, но она не верит, и когда ей открыли коробку с папиросами, тогда лишь она убедилась, что над ней действительно посмеялись. Это событие дало нам повод к спорам промеж себя. Некоторые говорили, что дикари не мы, а они. Оказавшись в свободной земле и в недосягаемости для русской полиции, мы развязали свои языки и начали громко болтать о том, о чем в России говорили шопотом и дома. Нас предупреждают, говоря: хотя вы и на свободной земле, но не забудьте, что здесь шпиков русских достаточно, чтобы передать все что им интересно“.

И когда мы пришли на вокзал, чтобы ехать дальше, то мы воочию в этом убедились. По приезде на границу Швеции, нам осталось езды пароходом часа четыре. Нам об'являют, что в Копенгагене с'езд запретили устраивать (потом выяснилось: в Копенгагене гостила Мария Федоровна и она настояла, чтобы не допустить с'езда в Копенгагене). Начались хлопоты, запросили Лондон, из Лондона пришло известие, что разрешают. Тогда через Данию мы отправились в Лондон. Едем мы по железной дороге через Данию. На одной из остановок вдруг видим толпу рабочих с красными знаменами и музыка играет Интернационал. Это нас удивило. Настроение поднялось, услышав что-то дорогое. Оказывается, рабочие узнали, что едут русские социал-демократы и устроили нам встречу. Приехали в портовый город ночью, откуда мы должны были ехать пароходом в Англию. Выяснилос, что пароход отходит в 5 часов дня. Поэтому приходилось ждать. Весь день шатались по маленькому городу. Рабочие организации к отходу нашего парохода собрались на пристани со знаменами, с музыкой делать нам проводы. Выступает с приветствием представитель рабочих, который в своей речи указывает, что они очень огорчены тем, что нам не разрешили с'езда у них, но они уверены, что этот отказ их правительства лишний раз доказывает, что у всех пролетариев есть один враг—буржуазия. Со стороны русских говорил т. Вольский, который указал, в каких условиях приходится бороться русским за свободу. Музыка играла Интернационал и кончила играть тогда, когда пароход наш скрылся за горизонтом. Приехали в свободную страну, в портовый городок Гарвичи, и как только мы сошли с пристани, то защелкали фотографические аппараты (нигде нас столько не снимали, как в Англии). Садимся в поезд, который несет с быстротой молнии в Лондон. Лондон—неприветлив: туман стоит, дома все серые, как день. Отправились на ночлег в какой-то работный дом. На второй день там-же устраивается фракционное собрание. Пришел какой-то новый делегат, одет так просто, небольшая рыженькая бородка, лысина довольно большая, глаза какие-то проницательные; осматривая всех внимательно, здоровается с Рожковым, с Покровским и др. „Кто это?“ спрашиваем. „Да это Ленин“. Вот-те на. Так просто одет, так просто ведет себя. Открывается фракционное собрание. Председательствует Ленин. Подсчитываются силы большевиков, намечаются кандидаты в президиум с'езда и в мандатную комиссию.

Приходим в какое-то странное здание: церковь не церковь и на клуб не похоже. Оказывается, здесь-то и должен заседать с'езд. Делегаты еще

не все собрались, а шума—хоть уходи. Вот идет и наш пролетарский писатель Максим Горький с женой. Пальто на нем простое, шляпа пушкинская, и ни с кем не здороваясь проходит к т. Богданову, и тихо беседуют. Звонок. Делегаты бегут занимать места. Меньшевики занимают те места, где должны сидеть большевики, т. е. левую сторону от председателя. Раздаются крики «зачем меньшевики садятся не на свои места». Несутся остроты: «наверно они теперь одумались и хотят порвать знакомство с Милюковым». А другие голоса кричат: «пусть начинают с Милюкова, но не с мест».

Входит в зал Плеханов. Раздается гром аплодисментов со стороны меньшевиков и бундовцев, а большевики и польская делегация и часть латышской молчат. Входит Ленин—гром аплодисментов со стороны большевиков, поляков и части латышей.

Плеханов—не Ленин: он одет гораздо лучше и выглядывает не мужичком, а скорей похож на первоклассного столичного адвоката. Входит на трибуну, и в своей приветственной речи призывает с'езд к дружной об'единенной работе. Выбирается в Президиум с'езда пять человек, в число которых входят: Ленин, Дан, Тышке от поляков, от бундовцев и латышей—не помню уже кто. Первым вопросом на с'езде обсуждался отчет Цека. После доклада выступил с критикой т. Ленин. Здесь мы, представители рабочих, в первый раз услышали своего революционного вождя. Тов. Ленин в своей меткой речи указал, что меньшевики затуманивают революционное сознание рабочего класса и вместо учредительного собрания поддерживают кадетские лозунги, ответственное министерство. Ц.К. призывает к соглашению с контр-революционной либерально-монархической буржуазией во время выборов государственной думы. Эта речь произвела на рабочих делегатов сильное впечатление и меньшевистский Ц.К., чувствуя, что он будет бит, не предложил даже по докладу резолюции. Горячие споры и прения были по докладу нашей думской фракции. Третьим вопросом на с'езде стоял вопрос об отношении к непролетарским партиям. Вокруг этого вопроса разгорелось генеральное сражение между большевиками и меньшевиками. Резолюция была принята большевиков, которая говорила о необходимости беспощадной борьбы с партиями помещиков и кадетов. Резолюция об'являет кадетов партией контр-революционной. Меньшевики мобилизовали и напрягли все силы, чтобы тем или иным путем провалить эту резолюцию. Они вносили поправку за поправкой, а всего было внесено несколько десятков поправок. Такое поведение меньшевистских лидеров до того нервировало делегатов рабочих, что решили рабочие делегаты собраться, как меньшевики, так и большевики, отдельно от интеллигенции и обсудить создавщееся положение. Там было принято решение поскорее закончить затянувшуюся работу с'езда. После этого работа с'езда пошла более интенсивно. В свободные часы, когда с'езд не занимался, нас, рабочих, группами наши товарищи, знающие английский язык, водили осматривать достопримечательности Лондона. Осматривали Британский Исторический музей, музей Дарвина, Технический, Зоологический и др. В одну из таких прогулок пошли в Гайд-парк, где рабочие устроили митинг и играла музыка. Когда мы увидели море голов и знамен

и свободно говоривших ораторов, то как-то сделалось обидно за свою Россию бесправную. Здесь мы встретили тов. Ленина с Рожковым. Помню, тов. Ленин обратился к нам: «ну как, тов. рабочие, скоро мы в России будем так свободно собираться, как англичане». Тов. Ленин здесь расспрашивал нас о работе, о настроении московских рабочих, посоветывал побольше читать. Эти простые слова, простое, чисто товарищеское отношение к рабочим располагали как то невольно к нему. С'езд закончился после трехнедельных заседаний. Мы, несколько человек московских делегатов, отправились с польскими делегатами через Германию и Польшу в Россию. Через границу приходилось уже проходить нелегально и ночью. По приезде в Москву во власть полиции и произвола—виденное и слышанное заграницей казалось каким то сном, но оно давало силу и веру, что настанет момент и мы будем так же свободно говорить и собираться, как и в Лондоне. Разогнали вторую государственную думу. Столыпинская фракция брала верх. Мне по приезде со с'езда на заводе невозможно стало работать и я перешел на нелегальное положение. Проработав до марта 1908 года в Москве, я уехал, как профессионал, работать на Урал, где вскоре был арестован и просидел продолжительное время в тюрьме.

Е. КИСЕЛЕВ.

В ТЮРЬМЕ

Меня схватили... Под конвоем трех солдат я зашагал по Большому проспекту. Свернули в переулок, где находился участок.

Арест не являлся для меня неожиданным. Моя деятельность, открытые выступления, все говорило за то, что поплатиться мне придется. Я уже с товарищами выучил тюремную азбуку.

При себе я имел несколько номеров Известий Совета Рабочих Депутатов и брошюры. С двумя солдатами, шедшими рядом со мной, я договорился, что сверток с газетами и брошюрами я выброшу и чтоб они не поднимали. Выйдя из строя, я бросил сверток в сани проезжавшего извозчика.

Солдат, заключавший наше шествие, выудил из саней этот сверток, и он предстал после, как вещественное доказательство.

В участке солдаты передали меня дежурному. Свели меня в клоповник, набитый народом. Не было ни света, ни нар, ни скамейки. Все стояли.

Спустя часа два меня по фамилии вызвали на допрос. По темному корридору, где пришлось проходить, в два ряда стояли городовые. Пока я проходил между ними, на меня сыпались удары прикладами и кулаками.

Ввели к приставу. Это был здоровенный мужчина. Он сидел за столом.

Грубо начал опрос,—кто, за что попал...

Я взглянул на стол и увидел мою нагайку из велосипедной цепи. Видимо ее отняли у той девушки, которой я передал нагайку на улице. Рядом лежал и сверток с газетами и брошюрами.

Послышались крики и стоны избиваемых в других камерах. Возмущенный, я заявил о недопустимости такого зверства, указал, что сам подвергся побоям. Пристав злобно закричал, что сейчас прикажет выпороть меня моей нагайкой.

Меня обыскали, составили протокол обыска и препроводили опять в клоповник.

Часа два еще я там посидел. Потом опять вызвали, вывели на улицу, посадили в крытые сани и повезли, как можно было догадываться, в охранное отделение.

В охранном отделении дежурный отвел меня в подвальное помещение, в одиночку. Там заперли... Через некоторое время вызвали на допрос к жандармскому полковнику.

Последнему хотелось выудить сведения,—с кем я имел связь, по чьему распоряжению выступал, откуда получал литературу.

Ничего не добившись, стал угрожать, „Спарю в тюрьме, в Сибирь сошлю“. Я молчал.

Полковник распорядился отправить меня в дом предварительного заключения.

Тут уж мне—почет иной. Кроме того, что везли в закрытых санях, посадили ко мне двух жандармов.

Часов в 12 ночи благополучно доставили меня в контору предварилки.

Опять допрос:—откуда происходишь, чем занимаешься... Занесли в алфавитную книгу предварилки, обыскали, разув и раздев; отобрали деньги и перочинный ножик, а потом отвели помещение—камеру № 123.

Первым делом я начал изучать свое новое жилье.

Ничего,—помещение оказалось хорошим: здание крепкое, везде решетки, в нишах железные двери, с круглым очком в каждой, закрытым снаружи железной пластинкой.

Моя камера оказалась тоже местом довольно благоустроенным.

По левую сторону—железная кровать, прикрепленная петлями к стене, надзиратель при мне опустил ее (матрац, простыня и подушка лежали здесь же), направо железный столик и высоко вверху—электрическая лампочка.

Осмотром своего жилища я остался доволен.

Трепет, наведенный на меня клоповником участка и подземельем охранки, начал проходить.

Я совсем не ожидал, что устроюсь с таким комфортом. Стены камеры внизу были выкрашены масляной краской, выбеленные вверху и потолок—от времени пожелтели. Под потолком—окошко с решетками и маленьким вентилятором.

Не успел я раздеться и присесть отдохнуть после всех волнений дня, мне принесли порцию хлеба и теплой воды.

Усталый, измученный за день я завалился спать и спал, как убитый. Утром в 7 часов меня разбудил крик в форточку.—„Получай кипяток“. Дежурные надзиратели принесли кипяток и хлеб. Раздетый я вскочил с кровати и принял завтрак.

Началась для меня тюремная жизнь.

Первые дни проходили томительно долго. Я незнаком еще был с тюремными порядками, не знал, что можно получать книги для чтения и проводил время в полном бездействии. Единственным разнообразием и развлечением были ежедневные прогулки и натирание воском асфальтовых полов. Заключенных выпускали на двор, где были устроены особые помещения, расположенные кругом и отделенные друг от друга высокими заборами.

В центре их стояла вышка, где находился дежурный по прогулке и

наблюдал за гулявшими,—не перестукиваются ли они, не пишут ли чего. Таким образом гулять могли сразу только 15—18 человек. Эти прогулки продолжались не более 15 минут.

Потом, спустя некоторое время я начал выписывать книги и читать.

Все время уходило на чтение и сон,- устанешь читать—ложишься спать, устанешь спать—принимаешься за чтение.

Только по вечерам удавалось перестукиваться с товарищами. С наступлением вечера стены оживали,—со всех сторон несся дробный стук.

Я по неопытности в первый же раз попался. Вздумав постучать товарищу (эс-эру Маслову), я полез на умывальник и застучал. Вдруг вспыхнуло электричество и вошедший надзиратель узрел меня в нижнем белье на рукомойнике. Как новичку он сделал мне соответствующее внушение, указав, что стучать не полагается, а если я еще попадусь, то меня посадят в карцер. Впоследствии и я наловчился надувать надзирателей. Как только гасилось электричество, укладывался на кровать, закутывался с головой в одеяло и под одеялом выстукивал. Обычно надзиратели ходили в сапогах с подковами, по вечерам же надевали или туфли или галоши. Подслушивая стуки, они безшумно скользили по железным плитам от двери к двери и обнаружив выстукивающего, зажигали электричество. Но я предусмотрительно оставлял между стеной и одеялом щелку, чтоб своевременно, увидев свет, прекратить стук. Удавалось перестукиваться и при свете. Сидишь около стены, как будто углубившись в чтение книги, а сам незаметно рукой внизу постукиваешь и при первом же шорохе у форточки быстро стук прекращаешь. Приходилось стучать по ножке стола.

Тюремные стены чрезвычайно хорошо передавали стук.

Перестукиванием я выяснил, что в камерах по ту и другую сторону моей сидят уголовные. Уголовные сидели надо мной и подо мной. Таким предусмотрительным рассаживанием достигалось, что политический заключенный находился в окружении уголовных.

Один раз только, повидимому за неимением свободных камер, по соседству со мной посадили анархиста.

Перестукиванием я узнал, что в предварилке сидят члены Совета Рабочих Депутатов.

Чувство одиночества покинуло меня. Зналось, что недалеко сидят свои товарищи.

Дней через пять-шесть после заключения меня неожиданно вызывают на свидание. Оказывается—моя молодуха, бывшая тогда беременной, розыскала меня и добилась разрешения на еженедельные свидания.

Спустя недели две вызвали на допрос и пре'явили обвинение по 129 и 132 статьям,—в хранении нелегальной литературы, в агитации, организации забастовки и выступлениях с оружием в руках.

Пред'явили показания свидетелей рабочих. Впоследствие эти показания оказались просто провокацией.

Жандармский полковник ведение моего дела передал следователю по особо важнейшим делам Александрову, а тот впоследствии зачислил меня за прокурором.

Тянулись длительные тюремные дни.

Порой ненастная погода наводила на мысль, что мое положение лучше положения моих товарищей на воле, принужденных в стужу, в мятель плестись на тяжелую работу в то время, когда я отдыхал и почитывал книжки Но приступы тоски по воле приходили все чаще и чаще и положение мое не казалось уж мне завидным.

Подавленная психика сотрясалась изредка тюремными кошмарами.

Март месяц... Жутко ударили по созданию стоны и крики, вдруг раздавшиеся в тюрьме. Застучали, звонки из камер, заколотили в двери... Это арестованные требовали об'яснений от администрации по существу случившегося. Прибежавший рыжий помощник начальника тюрьмы об'яснил, что один из арестованных облил керосином матрац и поджег его под собою...

Помню—рядом сидевший анархист стуком сообщил мне, что его захватили с бомбами и не сегодня-завтра его расстреляют.

На другой день рано утром он постучался и... начал прощаться. Его перевели в Кресты и что с ним сталось—неизвестно.

Однажды состоялся вызов к прокурору. Прокурор, молодой человек с черными усами, в форменной одежде встретил меня весьма вежливо и предупредительно. Усадил, угостил папиросами, завел разговор. Разговор наш все время сводился к тому, что он незаметно старался выпытать,—кто был моим руководителем, моими сообщниками, кто стоял во главе движения. Прокурор давал понять мне, что моя участь находится в моих собственных руках. Наконец, он откровенно заявил, что если я признаюсь во всем, то буду свободен, опять поступлю на работу, при чем прибавил, что я мог бы передавать им о том, что делается на фабрике, за что получал бы деньги. Получив твердый ответ с моей стороны, что на предательство я неспособен, что большего обвинения, чем то, которое мне пред'явлено, мне пред'явить не смогут, что суда и наказания я не боюсь, прокурор принужден был отправить меня обратно в тюрьму. Но все же он просил меня подумать.

В апреле, в один из хороших весенних дней вдруг застучали звонки, послышался стук в двери. Что—за тревога. Выясняется, что получены сведения о созыве Госуд. Думы, о предполагавшейся амнистии. Поэтому политические заключенные потребовали права собраться для обсуждения вопроса об улучшении режима в тюрьме.

Т.т. Кнуньянц, Авксентьев и некоторые другие выпущены были на двор, взобрались на крышу, откуда изображали из себя Президиум, а члены собрания выглядывали из окошек своих камер. Ораторами с крыши было сообщено о последних революционных событиях,—о восстании Шмидта, о Кронштадтском восстании и т. д. Выработаны были требования к тюремной администрации.

Неделю спустя мне в камеру принесли и пред'явили обвинительный акт.

Суд мне назначался сначала в конце апреля. Как я узнал после, защитником моим должен был быть тов. Осинский. Но он заболел и суд был перенесен. В мае на суде защитником выступал присяжный поверенный Бессонов.

До суда он наведывался ко мне в камеру. Раньше с другими свидания возможны были только в специальной камере. При обычных свиданиях между заключенным и пришедшим садился жандармский офицер и внимательно следил за тем, чтоб заключенному чего-нибудь не передали.

Несмотря на всю бдительность жандармского цербера, передача записок и мелких вещей все-таки происходила. Было несколько способов передачи. Заранее приготовленная записка зажималась между пальцев и передавалась при прощальном пожатии руки. Осуществлялась передача через лимоны. Стержень лимона вынимался, на его место вкладывался передаваемый предмет и отверстие в лимоне закрывалось. Передаваемые булки и хлеб администрация резала, отыскивая скрытые в них предметы, а на лимоны не обращалось внимания.

Кстати не без'интересно будет сообщить о способах своеобразной переписки между заключенными. Эта переписка велась через пометки на книгах, накрапливанием букв, из которых потом получающим книгу складывались слова и фразы. В связи с этой перепиской мне вспоминаются прочитанные мною в предварилке книги. Наиболее оставившими после себя память являются—Войнич, Гюго, Чехов, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Алексей Толстой и биография Лассаля.

В день суда по подземным коридорам предварилки меня провели в зал окружного суда.

В зале судебных заседаний во время процессов присутствовало много публики,—судили революционеров.

Я прошел в зал при всеобщем внимании. Присутствовавшие рабочие смотрели с сожалением и страхом, другие—просто с любопытством. Я горд был вниманием ко мне зала и шел с высоко поднятой головой под сотнями устремленных на меня глаз. Сознание, что на судилище я иду за правое дело, придавало мне бодрость необыкновенную. «Я—песчинка в грудах песка, я—капля в общем потоке». Почти также выразился после в своей речи и мой защитник.

С фабрики Лаферм пришли рабочие и работницы. Меня посадили на скамью за решеткой, по бокам стали жандармы с обнаженными шашками. Передо мной помещался судивший меня синедрион-судебная полата под председательством Максимовского. Прокурор говорил без под'ема, видимо вся его ученость и практика не помогли; но с тем большим пафосом и яркостью говорил мой защитник. Председатель суда несколько раз прерывал его и предлагал держаться существа дела, не вдаваясь в рассуждения о революционном движении.

После совещания об'явлен был приговор суда,—на год—в крепость, но принимая во внимание несовершеннолетие подсудимого во время совершения преступления, срок заключения сократить на четверть.

Считаю нужным несколько вернуться назад, чтоб сказать, что, вопреки заявлениям прокурора, сообщившего, что свидетели доказывали мою виновность, свидетели на суде в своих показаниях как раз оправдывали меня, говорили в мою защиту.

Маленький штришок,—один из свидетелей, мой сверстник, перекрещенец—еврей, целуя евангелие, перекрестился левой рукой.

После суда меня перевели на Выборгскую сторону в Крестовскую тюрьму на положение крепостного.

Там я узнал, что осужденные пользуются известными привиллегиями,- общая прогулка, получение газет и журналов.

В числе моих новых знакомых оказались рабочие, осужденные как и я за участие в революции, и литераторы: Шебуев—редактор „Пулемета“, Герценштейн—редактор „Начала“, Колесников—редактор „Паяцев“ и другие, всего человек семь.

Режим против прежнего изменился в лучшую сторону, даже в мелочах. Так, осточертеневшая мне в предварилке гречневая каша заменилась пшенной. Мы, заключенные, навещали друг друга в камерах, справляли новоселье. На прогулки выходили с пением революционных песень, устроили красный флаг.

Администрация, видя такое крамольное настроение осужденных, вызывающее волнение среди других осужденных, решила принять меры. В одно из воскресений всех вызвали под одному в контору. Думали, что на свидание, но оказалось другое,—заперли нас по клетушкам, где происходили свидания. За демонстрации решили выслать в Орловскую крепостную тюрьму и направляют в пересылку для отправления этапным порядком.

Проезжая по Литейному мосту, мы пели революционные песни в своей темной карете.

Опять на новосельи...

Уже не в одиночках, а в общих камерах. Нас с радостью приняли

товарищи, находившиеся в пересылке, расспрашивали о порядках в Крестах, о товарищах, оставшихся там. Сначало нам понравилось в общих камерах, а потом потянуло в одиночку, где можно было спокойно почитать, отдохнуть, сосредоточиться.

На общих прогулках, на свиданьях приходилось встречать товарищей, осужденных в Сибирь, уже закованных в кандалы. Ребята видимо не унывали. Особенно матросы. С кандалами они пускались в пляс и здорово откалывали трепака под аккомпанимент кандальный.

Мы устраивали даже инсценировку похорон и шествовали обряженные в простыни. Администрация косилась, но все же мирилась с вольностями заключенных.

Однажды на прогулке я увидел двух людей,—один седой старик, другой, правда, пожилой, но гораздо моложе первого. Это были Дейч и Парвус, пересылаемые в Сибирь.

Окна наших камер выходили в сад Александро-Невской Лавры. Там изредка прогуливался во всем белом „священный архимандрит“ Антоний, всегда в сопровождении монашенки. Завидев белую фигуру, мы поднимали свист и крики, и „священный архимандрит“ спешил удалится подальше.

В одно время администрация пересыльной тюрьмы пыталась сократить время свиданий и время для передач.

Мы сговорились учинить обструкцию в знак протеста. Больше суток в камерах продолжался стук,—громыхали тубаретками, койками, железными щитами, находившимися в камерах... Грохот был слышен далеко за пределами тюрьмы. Собравшиеся к арестованным на свидание требовали инспектора. Требования заключенных были удовлетворены.

Товарищей по тюрьме по двое-трое направляли в Орел.

В пересыльной я заболел острым катарром желудка, почему меня направили в больницу при Крестах. Пришлось лежать со стариком поэтом Тютчевым. Последний принял во мне чрезвычайно близкое участие. Благодаря его заботливости обо мне, я быстро выздоровел. Его жена приносила куриный суп, ягоды со сливками и сахаром. Тютчев передавал все это мне. На такой диэте я поправился в месяц. Впоследствии, когда меня вновь отправляли в пересыльную тюрьму, Тютчев подарил мне книжку своих произведений. Лежа в больнице я начал подумывать о побеге. Такой случай был, когда один больной арестант удрал из больницы, перебравшись по дереву через забор. Для меня удобного случая к побегу так и не представилось.

Опять направлен в пересылку...

До выхода на свободу оставалось две недели, когда администрация потребовала меня для отправки в Орел.

Сидевшие со мною товарищи выразили протест, ибо этап продолжается

месяцами и нет смысла отправлять, когда срок заключения истекает. Администрация тюрьмы заволновалась. Пришел помощник начальника тюрьмы и стал угрожать, что он вызовет солдат, что он ни перед чем не остановится, но в конце концов заявил, что примет все меры к оставлению меня в пересыльной тюрьме до отбытия наказания, в чем дал честное слово. Он заявил, что сведет меня к доктору и попросит дать заключение о необходимости моего оставления на месте, как не вполне выздоровевшего. Я согласился итти к врачу. Последний охотно дал просимое заключение и я, к радости своих товарищей, вернулся в камеру.

Чрезвычайно редкий случай, когда царский тюремщик сдержал честное слово. Ну и хвастался после этот помощник начальника.

Долгожданный день освобождения настал.

Администрация потребовала паспорт, который жена мне и принесла, но срок паспорта за время моего пребывания в тюрьме, конечно, истек.

Я был направлен в сыскное отделение. Привели меня в комнату к претолстому с упитанной блестящей рожей суб'екту. Последний навел справки и об'явил мне, что градоначальником Драчевским я приговорен в административном порядке к месячному аресту с последующей высылкой, не зная, повидимому, что я привлекаюсь в судебном порядке.

Я заявил, что постановление градоначальника от 12 января вызвано теми же преступлениями, за которые я уже понес наказание, а двух наказаний быть не может. Толстый суб'ект резко заявил,—„Тебя, как руководителя забастовки, я загоню туда, куда макар телят не гонял".

Отправляют в Василеостровскую часть для отеиживания месячного заключения.

По дороге мельком услышал, что было покушение на Столыпина во время нахождения его на даче. Эта новость известным образом меня подбодрила.

В части камера были переполнены. Были там и рабочие, сидевшие за участие в забастовках, были и уголовные.

Атмосферу определяли уголовные. При входе в камеру я увидел играющих у стола в карты уголовников. На мой вопрос,—где же мне поместиться, получил ответ,—лезь под стол. Такой уж был порядок: сперва под столом на полу, потом на столе, а потом уже получаешь право и на нары.

В соседней камере находились пять рабочих с фабрики Лаферм, посаженные за забастовку. Через 10—15 минут они попросили старшего надзирателя перевести меня к ним в камеру. Когда я пришел к ним, то они уложили меня с собой на нарах, и пошли у нас разговоры... Я выспрашивал о том, что делается на фабрике, рассказал о своих приключениях.

В Василеостровской части сидели больше административно-приговоренные.

По сравнению с тюрьмой здесь режим был гораздо свободней.

У нас создался план побега. Среди нас был один студент, скрывавшийся под чужой фамилией. Если бы его выслали по месту жительства, то не миновать бы ему петли или каторги.

При свиданиях мы постарались заполучить необходимые для побега предметы,—очки, фальшивые усы и кое-что из одежды. Намеревались переодевшись удрать с общего свидания под видом проходящих.

Потом план побега мы изменили. Достали нажевку и начали пилить оконную решетку. Решетка была сделана из крестообразно вставленных прутьев, поэтому пришлось перепиливать целых четыре прута.

Когда работа была закончена, приготовлена была уже лестница из разорванных простыней, чтоб спускаться со второго этажа, нас накрыли. Кто то передал о наших приготовлениях к побегу.

В 2 часа дня полиция во главе с начальником части, каким то бароном высокого роста с зычным голосом, нагрянула в камеру. Легко вынули вырезанный кусок решетки, приклеенный нами хлебом.

Барон орал громовым голосом, что мы его подводим, что покажет нам за попытку бежать. Обыскали камеру. Начали таскать на допрос. Обнаружить участников подготовки к побегу не удалось.

Начали искать новых способов к побегу.

Удалось подкупить писаря, который за освобождение брал рубля три, а с более важных преступников и подороже. Деньги для уплаты писарю мы собрали среди своих товарищей по камере. Удалось освободиться трем,—мне, упомянутому мною студенту и еще одному рабочему.

Выйдя на свободу в конце сентября, я прожил недели две три без паспорта на квартире жены, договорился с тов. Андреевым относительно получения заграничного паспорта, чтоб, в случае приема на военную службу, уехать за границу.

В связи с изданием закона о неприятии на военную службу судимых за политические преступления, я освободился вовсе от военной службы.

Я возвратился на родину. Но жить мне там долго не пришлось. Брат подал заявление становому приставу, что я безбожник, смутьян, и мне пришлось покинуть родину, не получив ни паспорта, ни свидетельства об освобождении от военной службы.

Поехал в Петроград, где через жену получил свидетельство об освобождении от военной службы.

Опасаясь ареста и высылки, в 1907 году перебрался на Финляндскую территорию и поселился в г. Гельсингфорсе.

Осипов. (Старый работник).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Содержание 1-го выпуска

«*Из партийного прошлого*».

◘ ◘ ◘

От Калужского Бюро Истпарта.

Надеясь в ближайшем будущем выпустить третий сборник материалов и воспоминаний о партийной работе в Калужской губ., Бюро Истпарта просит всех участников этой работы, могущих в настоящее время дать свои воспоминания или же какие-либо материалы и документы (газеты, прокламации, брошюры, протоколы, постановления и т. п.), относящиеся к тому или иному периоду партийной деятельности в Калуге и губернии, направлять таковые для использования и помещения на страницах предполагаемого сборника по следующему адресу: Калуга, Губком РКП, для Истпарта.

Бюро Истпарта уверено, что его призыв найдет надлежащий отклик во всех участниках движения и при их содействии ему действительно представится возможным заложить прочный фундамент к изучению истории развития местной партийной организации, как части великого целого, как части славной Российской Коммунистической Партии, и пополнить те пробелы, какие могут быть в настоящем сборнике.

Калужское Бюро Истпарта.

